

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

4'2023

Выпуск 4 (228)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 4 (228) 2023

**ТОМСК
2023**

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

- А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);*
С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);
Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);
В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);
А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);
М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);
Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);
А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);
В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);
А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);
С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия; Барселона, Испания);
С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);
Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);
В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);
А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);
В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);
E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);
S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);
R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);
S. Odintsov, профессор (Барселона, Испания);
M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. В. Полякова, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издательства:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 52-06-17, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано: ООО Полиграфическая компания «Скорость Цвета».

Адрес типографии: г. Томск, пр. Ленина, 30/2. E-mail: voc2006@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 30.06.2023. Дата выхода в свет: 21.07.2023. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1258/н

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: С. Е. Турчинович. Корректор: Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2023. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 4 (228) 2023

**TOMSK
2023**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);*
S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);
V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);
A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation);
M. P. Voytekhovskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);
L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);
A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor; Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);
S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russian Federation);
G. G. Slyshkin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Moscow, Russian Federation);
V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);
V. D. Chernyak, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
S. Odintsov, Professor (Barcelona, Spain);
M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

A. V. Kurjanovich, N. V. Polyakova, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of “European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)”;
- in the database of periodicals “Ulrich’s Periodical Directory”.

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol’skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.
Tel. +7 (3822) 52-06-17, tel./fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed by: “Skorost’ Tsveta”.

30/2, Lenina avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 30.06.2023. Publication date: 21.07.2023. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: 18 screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1258/N

Production editor: Yu. Yu. Afanas’yeva. Text designer: S. E. Turchinovich. Proofreading: E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2023. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Джафарова С. Р., Ткачева Л. О. Визуальное восприятие иконичности родного (русского) языка	7
Савина М. А. Образ пьяницы в художественной картине мира С. Д. Довлатова (на фоне национальной картины мира): аксиологический аспект интерпретации	17
Бреславец Т. И., Воробьева Н. А., Кужель Ю. Л. Реализация принципов перевода японских трехстиший	26

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Цуканова Е. В. Образ-схема «пространство» как семантическое основание в терминологии (на материале русской терминологии юриспруденции)	35
Мацкевич Н. А., Щитова О. Г. Ксеногенность в русской архитектурно-дизайнерской терминологии	43
Чукавина А. Г. Языковая репрезентация концепта «одиночество» в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества»	52
Толмачева Г. С. Функционирование сравнительно-уподобительных наречий (на материале высказываний с адвербиалами военной тематики)	60
Лайцзына Ашан. Рекламные ролики к курсам по русскому языку в онлайн-образовании	68

РОМАНСКИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Слепцова С. В., Акиншина И. Б., Авилова И. А. К вопросу о типологии телескопных единиц (на материале французской публицистики)	76
Бурмакова Е. А. Прямые тактики дискредитации администрации Д. Байдена и средства их реализации (на материале передачи Tucker Carlson Tonight)	84

РУССКИЙ ЯЗЫК

Безрукова В. В. Структурно-семантические особенности и функции заголовков беллетристических произведений XIX века	92
Семеновская А. Е. Концепт «провинция» в русской литературе XIX века: семантическое поле психологических и экзистенциальных состояний	101
Роднова М. А. Интеллект-шоу как гибридный жанр дискурса массмедиа	110
Шпильман М. В. Речевая маска в аспекте коммуникативной мимикрии	119

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мурзина С. В. Социализм Достоевского: форма государственного устройства или братское единение (на материале публицистики и эпистолярного писателя 1860–80-х гг.)	127
Сурнина Л. Е. Формы выражения авторского сознания в детской поэзии Н. Щукина	136

CONTENTS

THEORETICAL AND COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Dzhafarova S. R., Tkacheva L. O.</i> Russian iconic words visual perception, taking into account the neurocognitive profile	7
<i>Savina M. A.</i> The image of a drunkard in the artistic picture of the world by Sergey Dovlatov (compared to the national picture of the world): axiological aspect of interpretation	17
<i>Breslavets T. I., Vorobeva N. A., Kuzhel' Yu. L.</i> Implementation of the principles of translation of Japanese haiku	28

APPLIED LINGUISTICS

<i>Tsukanova E. V.</i> Image-scheme "space" as a semantic foundation in term formation (on the russian legal terminology material)	35
<i>Matskevich N. A., Shchitova O. G.</i> Xenogenicity in Russian architectural and design terminology	43
<i>Chukavina A. G.</i> Language representation of the concept "loneliness" in the G. G. Marquez's novel "One Hundred Years of Solitude"	52
<i>Tolmacheva G. S.</i> Functioning of comparative adverbs (the study of statements with military adverbials).	60
<i>Laizina Ashan.</i> Promotional videos to the russian language courses in online education.	68

ROMAN AND GERMANIC LANGUAGES

<i>Sleptsova S. V., Akinshina I. B., Avilova I. A.</i> On the typology of telescoped words (based on the material of French journalism)	76
<i>Burmakova E. A.</i> Direct tactics and their linguistic means to discredit the Biden administration (based on "Tucker Carlson Tonight")	84

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Bezrukova V. V.</i> Structural and semantic features and functions of the fiction work titles of the 19th century	92
<i>Semenovskaya A. E.</i> The concept of "province" in Russian literature of the XIX century: semantic field of psychological and existential feelings	101
<i>Rodnova M. A.</i> Quiz show as a hybrid genre of media discourse	110
<i>Shpilman M. V.</i> The verbal mask in terms of communicative mimicry.	119

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

<i>Murzina S. V.</i> Dostoyevsky's socialism: the form of the state organization or brother unity (by the material of the writer's publicity and epistolary of the 1860–1880)	127
<i>Surnina L. E.</i> Forms of expression of the author's consciousness in N. Shchukin's children's poetry	136

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'23
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-7-16>

Визуальное восприятие иконичности родного (русского) языка с учетом нейрокогнитивного профиля

Самира Рамиз кызы Джафарова¹, Любовь Олеговна Ткачева²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ samira9508@gmail.com

² l.tkachewa@spbu.ru

Аннотация

В статье изложены результаты исследования визуального восприятия иконичности родного (русского) языка с учетом нейрокогнитивного профиля с помощью метода «Лексическое решение» у испытуемых с правшеством и левшеством.

Процедура психосемантического исследования проходила по классической схеме метода «Лексическое решение» в парадигме принятия решения о семантическом стимуле как слове или не слове с ограничением времени на выбор. Испытуемому предъявлялись стимулы трех типов: звукоизобразительные (ЗИ) слова, распределенные на четыре группы в соответствии со стадиями деиконизации или утраты иконичности (32 слова – по восемь из каждой группы), не-ЗИ слова (32), не слова (64) в случайном порядке. В ходе проведения пробы проводилась фиксация следующего ряда показателей: время опознания, количество ошибок опознания, количество опозданий. Экспериментальной сессии предшествовала тренировочная, во время которой предъявлялись 10 слов и не слов в случайном порядке. Также в рамках данного исследования использовались классические методики определения нейрокогнитивного профиля у испытуемых.

По итогу анализа полученных результатов исследования можно сделать вывод, что респонденты с левшеством характеризуются ригидностью и слабой автоматизацией познавательных функций, импульсивностью, более широким диапазоном эквивалентности; также испытуемые с ведущей левой рукой чаще дают неверные ответы в пробах «ЗИ-1», «ЗИ-3» и «Не слово», тратят больше времени и чаще не успевают дать ответ на ЗИ стимул по сравнению с респондентами-правшами. В то же время у испытуемых с ведущей правой рукой визуальное восприятие звукоизобразительных слов чаще более точное, чем у испытуемых с левшеством.

Проведенное исследование указывает на статистически достоверные различия в точности и скорости опознания ЗИ стимулов разных типов у людей, относящихся к праворуким или леворуким. Полученные результаты требуют дополнительных уточнений на более объемной выборке для подтверждения имеющихся данных, что, возможно, будет являться следующим этапом исследования.

Ключевые слова: левшество, нейрокогнитивный профиль, психосемантика, звукоизобразительность, лексическое решение

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-013-00575 «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка».

Для цитирования: Джафарова С. Р. кызы, Ткачева Л. О. Визуальное восприятие иконичности родного (русского) языка с учетом нейрокогнитивного профиля // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 7–16. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-7-16>

THEORETICAL AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Russian iconic words visual perception, taking into account the neurocognitive profile

Samira R. Dzhaferova¹, Lyubov O. Tkacheva²

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ samira9508@gmail.com

² l.tkacheva@spbu.ru

Abstract

The article presents the results of Russian iconic words visual perception, taking into account the neurocognitive profile of the participants and using the “Lexical Solution” method in participants with a right-handedness and left-handedness.

The procedure of psychosemantic research was carried out according to the classical scheme of “Lexical decision” in the paradigm of making a decision about a semantic stimulus as a word or not a word with a limited time to choose. Each participant was presented with three types of stimuli: sound-imitative (SI) words, divided into 4 groups according to the stages of deiconization or loss of iconicity (32 words – 8 from each group), non-SI words (32), non-words (64) in random order. During the test, the following series of indicators were recorded: the time of identification, the number of identification errors, the number of delays. The experimental session was preceded by a training session, during which 10 words and non-words were presented in random order. Also within the framework of this research, classical methods of assessing the neurocognitive profile of the participants were used.

Based on the analysis of the results of the study, it can be concluded that respondents with left-handedness are characterized by rigidity and weak automation of cognitive functions, impulsivity, a wider range of equivalence. Participants with a leading left hand also, were more likely to give incorrect answers in the samples “SI-1”, “SI-3” and “non word”, spend more time and more often do not have time to give an answer to the SI-stimulus compared to right-handed respondents. At the same time, subjects with a leading right-hand visual perception of sound-forming words are more often more accurate than subjects with left-handers.

The conducted study indicates statistically significant differences in the accuracy and speed of recognition of DI stimuli of different types in people who are right-handed or left-handed. The results obtained require additional clarifications on a larger sample to confirm the available data, which may be the next stage of the study.

Keywords: left-handedness, neurocognitive profile, psychosemantics, sound acuity, lexical solution

Acknowledgments: The study was supported by the RFBR grant number 20-013-00575 “Psychophysiological indicators of the perception of sound-pictorial words in native and foreign languages”.

For citation: Dzhaferova S. R., Tkacheva L. O. Vizual'noye vospriyatiye ikonichnosti rodnogo (russkogo) yazyka s uchetom neyrokognitivnogo profilya [Russian iconic words visual perception, taking into account the neurocognitive profile]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 7–16 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-7-16>

Введение

Интерес к изучению иконичности растет в когнитивных науках, психологии и лингвистике [1]. Было показано, что разные слова, состоящие из определенных сочетаний гласных и согласных, произвольно ассоциируются со специфическими сенсомоторными и эмоциональными особенностями [2]. Иконическая, или звукоизобразительная (ЗИ), связь формы и значения слова воспринимается непосредственно как визуально, так и аудиально. Предполагается, что в основе восприятия ЗИ слов находятся такие феномены, как синестезия [3] и кросс-модальность [4].

В предыдущих психосемантических исследованиях мы обнаружили, что звукоизобразительные слова в отличие от незвукоизобразительных (не-

ЗИ) слов воспринимаются медленнее и с большим количеством ошибок, при этом данная тенденция сохраняется независимо от возраста испытуемых [5]. Мы предположили, что это может быть связано с когнитивной сложностью восприятия ЗИ слов, поскольку в них скрыты два послания: семантическое и образное.

Практическая значимость заключается в расширении зоны практического применения ЗИ в таких областях, как усвоение родного языка и нейропсихологическая коррекция по восстановлению нарушенных функций речи с учетом нейрокогнитивных особенностей, обогащение теоретического понимания механизмов, стоящих за визуальным восприятием иконичности в когнитивной лингвистике и сравнительно-историческом языкознании.

Целью данного исследования стало изучение визуального восприятия ЗИ слов русского языка (отобранных на предыдущих этапах исследования) с учетом особенностей нейрокогнитивного профиля испытуемых. Мы предположили, что нейрокогнитивный профиль будет влиять на скорость, точность и количество ошибок опознания лексических стимулов.

Нейрокогнитивный профиль

Левшество – это проявление устойчивой, неизменной психофизиологической характеристики, специфического типа функциональной организации нервной системы (в первую очередь головного мозга) человека, имеющей кардинальные отличия от таковой у правшей, если это левшество генетическое [6]. Выделяют такие его психические особенности, как специфические формы дизонтогенеза, трудная автоматизация навыков, низкий уровень стрессоустойчивости, более скудная самостоятельная речь, но более развитый пассивный словарный запас, развитые компенсаторные возможности мозга, богатое воображение и развитое абстрактное мышление, своеобразие восприятия окружающей действительности, специфика эмоциональных проявлений [7]. Причины отличий разнообразны, однако ключевым фактором является неразрывная и тесная связь доминирующего полушария с профилем латеральных предпочтений, что приводит к специфической функциональной организации работы мозга [8].

Преимущественно выделяют не менее трех вариантов левшества:

- истинная/природная/полная леворукость, когда человек знает, чувствует и действует левой рукой в повседневной жизни, включая письмо;
- скрытое левшество, когда человек не осознает своего левшества или считает, что имеет только некоторые черты леворукости, при этом большая часть проб выполняется как леворукой. Отдельной подкатегорией включаются случаи «переученных» левшей;
- вынужденное, или компенсаторное, левшество, обусловленное поражением левого полушария головного мозга в пренатальном или раннем постнатальном онтогенезе; избыточный гипертонус всего шейно-грудного отдела, травмы правой руки в детском возрасте также могут привести к более активному предпочтению левой руки. Компенсаторный вариант можно рассматривать как вариант нарушения развития, и в этих случаях специфические трудности в обучении могут быть связаны с нарушением развития определенных функций, например концентрации внимания или зрительного восприятия, речевых или двигательных навыков и т. д. [9].

В данной статье мы будем говорить об истинных «природных» левшах, поэтому понятия «левшество» и «леворукость» в данном случае будем использовать как синонимичные и взаимодополняемые.

Многие исследователи придерживаются мнения, что функциональная асимметрия проявляется в когнитивных функциях, репрезентативных стратегиях и стратегиях переработки информации [10, 11].

Существует ряд исследований, которые подчеркивают, что особенности функциональной асимметрии мозга отражаются и в особенностях психоэмоциональной сферы [6, 10]. В связи с трудностями автоматизации действий у левшей наблюдаются частые нервные срывы, неврозы и другие нарушения эмоционально-волевой сферы, а это в свою очередь влечет за собой низкий уровень стрессоустойчивости по сравнению с правшами. В целом эмоциональный статус левшей резко отличается от такового у правшей [12]. Но нужно понимать, что если особенности функциональной асимметрии (в нашем случае левшество) могут оказывать определенное влияние на характеристики психоэмоциональной сферы, то это должно проявляться не только у детей, но и у взрослых, использующих в повседневной жизни левую руку.

В современных исследованиях часто рассматривается вопрос особенностей левшества в детском возрасте, но экспериментальных данных относительно левшества во взрослом возрасте фактически нет. Это связано с тем, что подавляющее большинство теоретических представлений базируется на исследовании праворукой популяции человечества.

Иконичность

Иконичность считается универсальной чертой языка: во всех языках мира существуют слова, обладающие по крайней мере некоторой степенью иконичности [13]. Тот факт, что языки развиваются с течением времени, предполагает, что иконичные слова также постоянно изменяются, а затем, в ходе своего развития, теряют свои ЗИ черты [14]. Традиционно исследователи, интересующиеся иконичностью, сосредоточились на ее слуховом восприятии, поскольку иконические слова рассматриваются скорее как часть разговорной речи, часто сопровождаемой жестами, чем как часть письменного языка [15]. На сегодняшний день было проведено всего несколько экспериментов, направленных на визуальное восприятие ЗИ слов. Например, психолингвистическое исследование Монагана и Флетчера [16] показало, что для носителей английского языка визуальная обработка индивидуальных корреляций фонемы и значения (отношений между способом артикуляции и значением слова) была более важной, чем кросс-модальные ассоциации. В исследо-

вании, проведенном Сидху и соавт. [17], изучалось визуальное опознание английских иконичных слов в задаче лексического решения. Результаты показали более быстрые и точные ответы на слова с более высокой иконичностью. Исследований, посвященных изучению русской иконичности, мало. В экспериментальном исследовании, проведенном Л. О. Ткачевой и соавт. [5] для изучения визуального восприятия русских и английских иконичных слов взрослыми русскоязычными испытуемыми (148 человек), было обнаружено, что ЗИ слова идентифицировались медленнее и с большим количеством ошибок, чем не-ЗИ слова. Полученные результаты объясняются когнитивной сложностью распознавания иконичных слов, которые содержат как семантическую, так и образную информацию.

При проведении психосемантического эксперимента необходимо учитывать психолингвистические особенности лексических стимулов, такие как частотность, образность и эмоциональная валентность, которые могут повлиять на процесс визуального распознавания, когда они наполнены индивидуальным значением для участника [18].

Известно, что концептуальное распознавание зависит от системы восприятия и иногда возникает перцептивно-концептуальная интерференция, когда стимуляция восприятия в определенной сенсорной модальности приводит к более медленному или менее точному распознаванию информации из той же модальности [19]. Однако существует обратный процесс, называемый перцептивно-концептуальной фасилитацией, при котором перцептивная стимуляция приводит к более быстрому и точному распознаванию [19].

Таким образом, было показано, что слова, относящиеся к понятиям с сильным визуальным компонентом, распознаются быстрее и точнее в задаче лексического решения по сравнению с невизуальными словами, которые имеют аналогичную длину и частоту [20].

Методы и процедура эксперимента

Мы спланировали экспериментальное исследование, опираясь на традиции когнитивной лингвистики, с позиции изучения познавательных процессов, а именно восприятия, мышления и речи и их соотношения в процессе визуального опознания ЗИ слов [21].

В исследовании приняли участие 30 испытуемых: 8 мужчин, 22 женщины в возрасте от 18 до 30 лет, среди них 15 левшей и 15 правшей. Испытуемые – носители русского языка. Процедура исследования: каждому испытуемому на экране монитора в случайном порядке предъявлялись стимулы трех типов: ЗИ слова (32), нейтральные слова (32), не слова (64). ЗИ слова отбирались методом

фоносемантического анализа и методом диахронической оценки и были поделены на четыре группы по критерию стадии деиконизации (СД) – от явных ЗИ слов (СД-1) к стертым ЗИ словам, так что к первой группе относились наиболее явные ЗИ слова (СД-1), а, соответственно, к четвертой – полностью деиконизированные ЗИ слова (СД-4); квази-слова были созданы с учетом фонотактических правил русского языка; все стимулы слова были выровнены по показателям частотности [22].

Список всех целевых стимулов представлен в табл. 1, где ЗИ-1 – ЗИ-4 – типы ЗИ слов.

Таблица 1

Список стимулов для психосемантического эксперимента

Тип ЗИ		Стимулы	
		Слова	Не слова
Явные ЗИ слова	ЗИ-1	бах, цыц, трах, тьфу, фу, хлоп, чмок, ша	геш, чич, прущ, пфо, сы, флек, цнук, шу
	ЗИ-2	вой, гул, лязг, писк, тик, храп, чих, шелк	жей, дыл, ласп, кифт, леб, фрат, чоф, шелт
Стертые ЗИ слова	ЗИ-3	жук, зуд, клест, мопс, пух, хряк, чиж, шмель	зап, вут, тлиск, накс, пус, шрет, цуф, смуль
	ЗИ-4	ланч, гусь, дрозд, клок, хрыч, поп, путч, пуф	лонц, дась, грат, клут, фроч, кып, катч, каф
Не звукоизобразительные слова		бег, вар, воск, галл, гад, гроздь, даль, дерн, дубль, кал, жар, жезл, лом, лоск, люд, месь, мол, паз, рань, рать, рейд, рябь, сан, свод, сень, сук, сыпь, таз, трость, фавн, шест, шах	дег, зур, зеск, гил, дюб, друск, гыль, гирм, габль, тил, зер, вазл, лум, лефт, лупь, нусть, нел, тав, румь, ропь, райп, рить, шун, свеп, шинь, шуп, хапь, пыс, присть, хивн, шуск, сыв

Процедура сбора данных методом «Лексическое решение» проводилась компьютеризированно. Всего всем испытуемым было предъявлено 6 784 целевых стимула (слова), каждому испытуемому было предъявлено 32 целевых стимула (ЗИ слова) на экране монитора. Задача испытуемого: опознать предъявленный стимул как слово или не слово нажатием клавиши, соответствующей типу стимула. Время на опознание – до 1 000 мс. Фиксируемые показатели для каждого стимула: время опознания, ошибка или опоздание. Экспериментальной сессии предшествовала тренировочная, во время которой предъявлялись 10 слов и 10 не слов на русском языке в случайном порядке. Процедура сбора данных по нейрокогнитивному профилю проводилась контактно после психосемантического эксперимента и включала в себя сбор данных по следующим методикам:

1) нейропсихологические пробы на определение ведущей руки (поза Наполеона, сплетение пальцев в замок, аплодирование, проба «открыть бутылку», закидывания ноги на ногу). Помимо этого, уточнялось, был ли у испытуемых опыт насильственного переучивания в детском возрасте;

2) методика «Свободная сортировка объектов» для определения широты диапазона эквивалентности или параметров аналитичности/синтетичности;

3) тест Дж. Кагана на определение параметров импульсивности/рефлексивности;

4) тест Струпа (предназначен для диагностики когнитивного стиля гибкость/ригидность когнитивного контроля).

Анализ данных производился с использованием программы IBM SPSS Statistics 26.

Результаты и обсуждение

Проведя анализ средних показателей совершённых ошибок во время выполнения теста Кагана, можно сказать, что респонденты с левшеством совершают относительно большее количество ошибок, чем респонденты с правшеством.

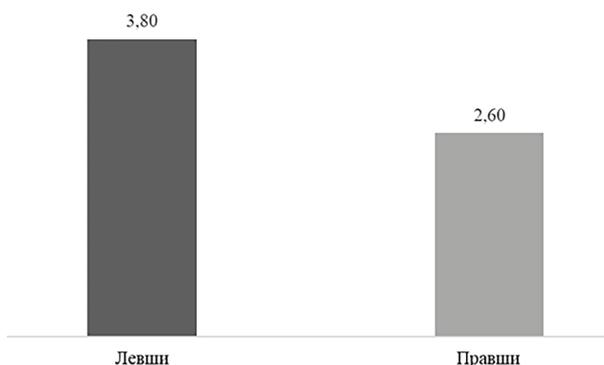

Рис. 1. Средние значения показателей количества ошибок по методике Кагана

В то же время при относительно меньшем количестве совершённых ошибок респонденты с правшеством в среднем затрачивают значительно больше времени на выполнение проб теста Кагана, чем испытуемые с левшеством, что может указывать на их импульсивность.

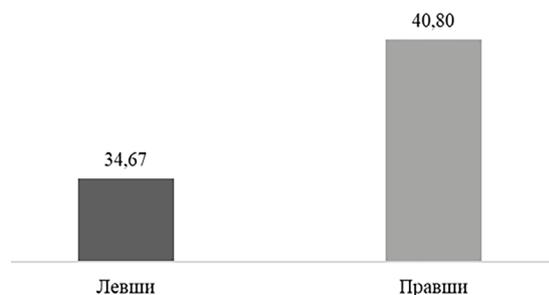

Рис. 2. Средние значения показателей времени выполнения методики Кагана

Анализ средних значений показателя времени выполнения проб в тесте Струпа указывает на относительно низкую скорость прохождения всех проб испытуемыми левшами в сравнении с испытуемыми правшами.

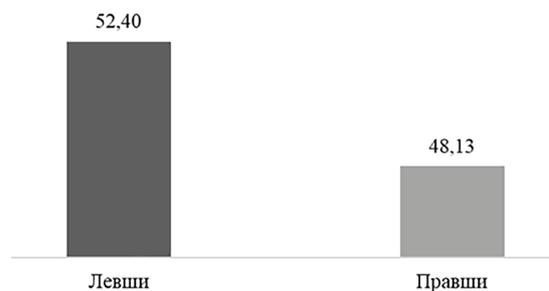

Рис. 3. Средние значения показателей времени выполнения пробы «Слово» методики «Тест Струпа»

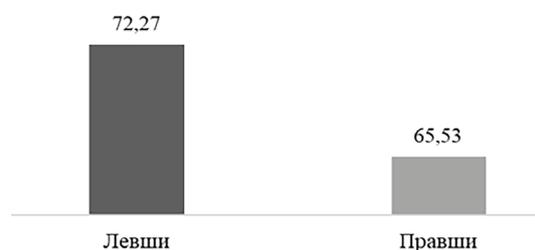

Рис. 4. Средние значения показателей времени выполнения пробы «Цвет» методики «Тест Струпа»

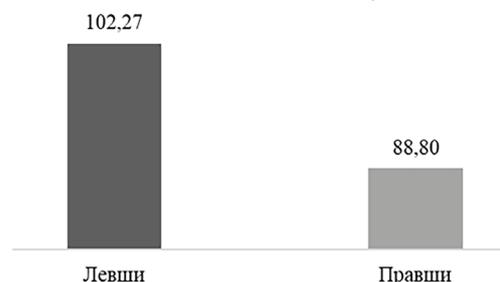

Рис. 5. Средние значения показателей времени выполнения пробы «Слово – цвет» методики «Тест Струпа»

При этом отчетливо видно, что, несмотря на большее количество затраченного времени на прохождение проб, среднее количество ошибок также превалирует у левшей, чем у респондентов-правшей.

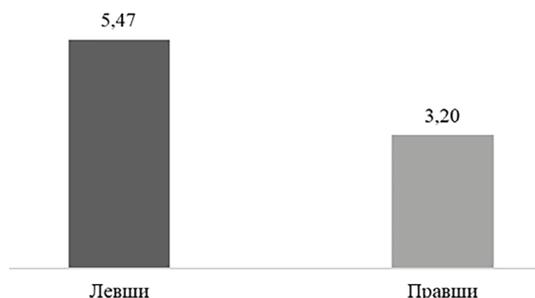

Рис. 6. Средние значения количества ошибок по методике «Тест Струпа»

Также показатели вербальности и интерференции более ярко выражены у испытуемых левшей, что указывает на их большую ригидность и слабость в автоматизации познавательных функций.

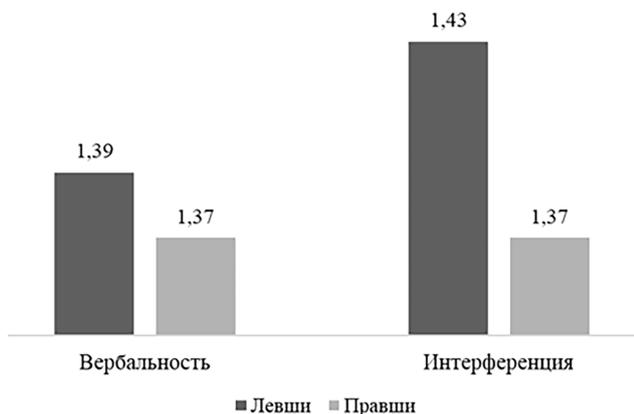

Рис. 7. Средние значения показателей вербальности и интерференции по методике «Тест Струпа»

Анализ средних значений количества выделенных групп по методике «Свободная сортировка объектов» показал, что левши и правши находятся на одном уровне.

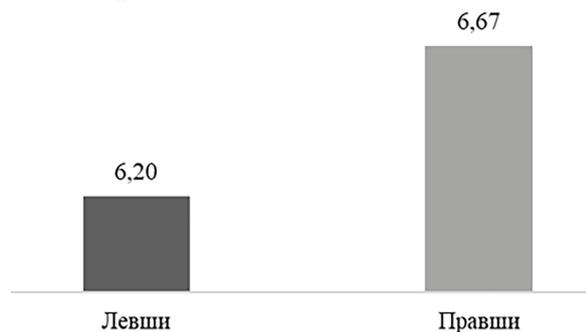

Рис. 8. Среднее количество выделенных групп по методике «Свободная сортировка объектов»

В то же время средние показатели количества слов в самых объемных группах у испытуемых указывают, что левши предпочитают объединять слова в более объемные группы, что характерно для широкого диапазона эквивалентности.

Проанализировав процентное соотношение запоздавших реакций на предоставление стимулов различного характера, можно утверждать, что испытуемые с левшеством значительно чаще по сравнению с испытуемыми с правшеством не успевают дать ответ при прохождении всех диагностических проб, за исключением проб из группы ЗИ-3, а также при распознавании не квазислов. Значительно чаще испытуемые с левшеством не успевают дать ответ на стимулы, относящиеся к не-ЗИ словам.

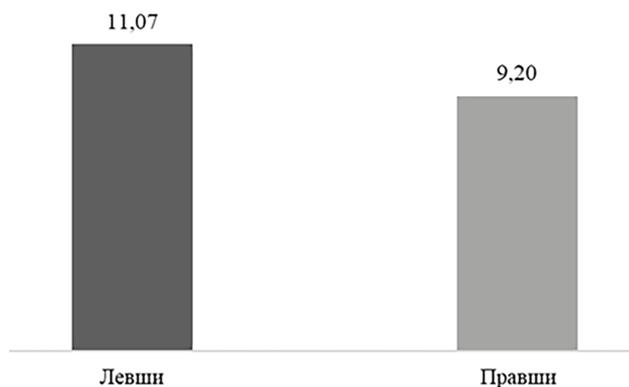

Рис. 9. Средний показатель наибольшего количества слов в выделенных группах по методике «Свободная сортировка объектов»

Рассматривая количество правильных ответов на стимул, можно отметить, что испытуемые с левшеством и правшеством дают правильные ответы на предоставляемые ЗИ стимулы с соотносимо одинаковой частотой.

Анализ количества неправильных ответов испытуемых с левшеством и правшеством позволяет сделать следующие выводы: испытуемые с ведущей левой рукой чаще дают неверные ответы в пробах из групп «ЗИ-1», «ЗИ-3» и «Не слово», а испытуемые с ведущей правой рукой – в пробах «ЗИ-2», «ЗИ-4» и «Не-ЗИ слова».

Исходя из результатов сравнительного анализа показателей точности ответов-реакций испытуемых с левшеством и правшеством на различные ЗИ стимулы, проведенного с помощью критерия χ^2 Пирсона, можно утверждать, что значимые различия частоты правильных, неправильных и несвоевременных ответов испытуемых с левшеством и правшеством отличаются только в стимулах группы «Не-ЗИ слова» ($\chi^2 = 9,68$ при $p < 0,01$).

При проведении более подробного анализа соотношения показателей точности ответов видно, что респонденты с левшеством куда чаще не успевают дать ответ на ЗИ стимул по сравнению с респондентами с правшеством. В то же время испытуемые с правшеством характеризуются большим количеством ошибочных ответов в пробах «ЗИ-2», «ЗИ-4» и «не-ЗИ слова» (табл. 2).

Сравнительный анализ показателей нейрокognитивного профиля испытуемых с левшеством и правшеством позволяет сделать следующие выводы: респонденты с левшеством характеризуются относительно низкой скоростью выполнения проб «Цвет» ($U = 69,5$; $p < 0,05$) и «Цветные слова» ($U = 60,5$; $p < 0,05$) методики Струпа. Кроме того, у правой статистически ниже количество ошибок по сравнению с левшами по данной методике ($U = 63,5$; $p < 0,05$) (табл. 3).

Таблица 2

Таблица сопряженности «Точность» и «Тип стимула»

Показатель	Группа	Опоздал	Верно	Ошибка	Всего	Эмпирическое значение χ^2 Пирсона
ЗИ-1	Левши	7	82	31	120	1,88 ($p > 0,05$)
		5,83 %	68,33 %	28,83 %	100 %	
	Правши	3	88	29	120	
		2,5 %	73,33 %	24,17 %	100 %	
ЗИ-2	Левши	6	105	9	120	4,66 ($p > 0,05$)
		5 %	87,5 %	7,5 %	100 %	
	Правши	1	105	14	120	
		0,83 %	87,5 %	11,67 %	100 %	
ЗИ-3	Левши	3	96	21	120	0,25 ($p > 0,05$)
		2,5 %	80 %	17,5 %	100 %	
	Правши	4	97	19	120	
		3,33 %	80,83 %	15,83 %	100 %	
ЗИ-4	Левши	11	87	22	120	0,27 ($p > 0,05$)
		9,17 %	72,5 %	18,33 %	100 %	
	Правши	3	88	29	120	
		2,5 %	73,33 %	24,17 %	100 %	
Не-ЗИ слова	Левши	25	380	75	480	9,68 ($p < 0,01$)
		5,21 %	79,17 %	15,63 %	100 %	
	Правши	9	377	94	480	
		1,88 %	78,54 %	19,58 %	100 %	
Не слова	Левши	22	707	81	810	0,113 ($p > 0,05$)
		2,72 %	87,28 %	10 %	100 %	
	Правши	22	711	77	810	
		2,72 %	87,78 %	9,51 %	100 %	

Таблица 3

Сравнительный анализ показателей по методике «Тест Струпа» у испытуемых с левшеством и правшеством

Показатель	Левши		Правши		Эмпирическое значение U -критерия
	Мх	σх	Мх	σх	
Карта «Цвет»	72,27	12,80	65,53	11,63	69,5 ($p < 0,05$)
Карта «Цветные слова»	102,27	16,74	88,80	14,03	60,5 ($p < 0,05$)
Количество ошибок	5,47	3,62	3,20	2,01	63,5 ($p < 0,05$)

Примечание. Мх – среднее значение; σх – стандартное отклонение.

Результаты сравнительного анализа показателей времени реагирования на предоставляемые стимулы разных типов проб у испытуемых с левшеством и правшеством позволяют сделать следующий вывод: респонденты с ведущей правой рукой тратят статистически меньше времени, реагируя на все ЗИ стимулы и давая ответ (время ответа на стимулы «ЗИ-1» $t = 4,35$ при $p < 0,001$; время ответа на стимулы «ЗИ-2» $t = 3,27$ при $p < 0,001$; время ответа на стимулы «ЗИ-4» $t = 2,83$ при $p < 0,05$; время ответа на стимулы «Не-ЗИ слова» $t = 5,14$ при $p < 0,001$; время ответа на стимулы «Не-слова» $t = 9,39$ при $p < 0,001$), за исключением стимулов «ЗИ-3». Скорость ответов на стимулы данной пробы у респондентов с левшеством и правшеством

статистически не различаются (время ответа на стимулы пробы «ЗИ-3» $t = 0,06$ при $p > 0,05$) (табл. 4).

Таблица 4

Сравнительный анализ показателей времени реагирования на предоставляемые разные типы стимулов у испытуемых с левшей и правшей

Показатель	Левши		Правши		Эмпирическое значение t -критерия
	Мх	σх	Мх	σх	
Время ответа на стимулы пробы «ЗИ-1»	721,80	137,11	650	117,67	4,35 ($p < 0,001$)
Время ответа на стимулы пробы «ЗИ-2»	691,50	117,07	645,95	97,54	3,27 ($p < 0,001$)
Время ответа на стимулы пробы «ЗИ-3»	668,49	116,07	667,54	121,72	0,06 ($p > 0,05$)
Время ответа на стимулы пробы «ЗИ-4»	725,10	147,03	672,98	137,86	2,83 ($p < 0,05$)
Время ответа на стимулы пробы «Не-ЗИ слова»	703,20	132,02	660,37	126,01	5,14 ($p < 0,001$)
Время ответа на стимулы пробы «Не-слова»	740,31	109,72	692,32	115,35	9,34 ($p < 0,001$)

Примечание. Мх – среднее значение; σх – стандартное отклонение.

Полученные в ходе эмпирического исследования результаты свидетельствуют от разности визуального восприятия иконичности родного (русского) языка с учетом нейрокогнитивного профиля. Так, было выявлено, что левшество характеризуется определенным нейрокогнитивным профилем: ригидностью и слабой автоматизацией познавательных функций, импульсивностью, более широким диапазоном эквивалентности. Вероятнее всего, это связано с особенностями функциональной асимметрии, которая в том числе отражается в стратегиях переработки информации.

Отталкиваясь от результатов описательной статистики показателей точности ответов у испытуемых с левшеством при изучении особенностей восприятия различных типов ЗИ стимулов методом «Лексическое решение», можно заключить, что испытуемые с ведущей левой рукой чаще совершают ошибки при выполнении проб из группы «ЗИ-1», «ЗИ-3» и «Не слово». Однако в то же время они куда чаще не успевают дать ответ на ЗИ стимул и тратят статистически больше времени, реагируя на большую часть ЗИ стимулов («ЗИ-1», «ЗИ-2», «ЗИ-4», «Не-ЗИ слова»). В то же время у испытуемых с правшеством визуальное восприятие звукоизобразительных слов чаще более точное, а время, потраченное на восприятие ЗИ слов, фактически всегда меньше.

Следует учитывать, что к группе «ЗИ-1» относятся наиболее явные иконизированные стимулы, когда как к группе «Не слово» относятся квазисло-

ва. Это можно связать с преобладающей ригидностью при обработке стимулов испытуемыми с левшеством: они с трудом освобождаются от влияния значения слова, его осмысливания, а также испытывают сложности при переключении в процессе визуального распознавания, что приводит к более медленной или менее точной обработке информации. Важно понимать, что увеличение когнитивной сложности в момент опознания ЗИ слов обусловлено их высокой экспрессивностью и нетипичной орфографической и семантической структурой. Количество значений, которые имеет слово, влияет на время фиксации на слове, которое в эксперименте ограничено, что также может влиять на скорость опознания стимула [23, 24].

Заключение

Таким образом, в процессе исследования были получены результаты, указывающие на различия в опознании ЗИ стимулов разных типов у людей, относящихся к праворуким или леворуким. Скорость и точность опознания ЗИ слов на разных стадиях деиконизации также имеют значимые отличия.

Полученные результаты требуют дополнительных уточнений на более объемной выборке для подтверждения имеющихся данных, что, возможно, будет являться следующим этапом исследования. Также перспективным продолжением исследования визуального восприятия ЗИ является подключение методов окулографии [25].

Список источников

1. Nielsen A. K., Dingemans M. Iconicity in Word Learning and Beyond: A Critical Review // *Language and speech*. 2021. № 64 (1). P. 52–72. <https://doi.org/10.1177/0023830920914339> (дата обращения: 14.11.2022).
2. Kawahara S. Sound symbolism and theoretical phonology // *Language and Linguistics Compass*. 2020. № 14 (8). P. e12372.
3. Ramachandran V. S., Hubbard E. M. Synaesthesia – a window into perception, thought and language // *Journal of consciousness studies*. 2001. № 8 (12). P. 3–34.
4. Sidhu D. M., Pexman P. M. Five mechanisms of sound symbolic association // *Psychonomic bulletin & review*. 2018. № 25 (5). P. 1619–1643.
5. Ткачева Л. О., Седелькина Я. Г., Наследов А. Д. Possible cognitive mechanisms for identifying visually-presented sound-symbolic words // *Psychology in Russia: State of the art*. 2019. № 12 (1). P. 188–200.
6. Семенович А. В. Эти невероятные левши: практическое пособие для психологов и родителей. 4-е изд. М.: Генезис, 2009. 250 с.
7. Беглова Л. И., Скобенко Л. Д. Организация процесса обучения леворуких детей в начальной школе // *Инновационная наука*. 2018. № 9. С. 50–53.
8. Широкова И. В. Психологические аспекты леворукости: понятие, причины, особенности // *Комплексные исследования детства*. 2019. № 1, т. 1. С. 73–79.
9. Avezmurodovich O. R. Difficulties in learning to write and read left-handed children // *European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences*. 2020. 8 (8), 40. Т. 45.
10. Данилова Н. Н. Психофизиология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 368 с.
11. Постоев В. А., Пахомов В. П. Современные нейропсихологические представления о феномене левшества // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2010. Вып. 2 (92). С. 113–117.
12. Араkelов Г. Г., Шотт Е. К. Особенности стрессовой реакции у правой и левой // *Вестник Московского университета*. 2004. Серия 14: Психология, № 2. С. 3–21.
13. Pardeshi P., Akita K. Ideophones, mimetics and expressives. 2019. 335 p.

14. Flaksman M., Bauer M., Zirker A., Fischer O., Ljungberg C. Iconic treadmill hypothesis // *Dimensions of iconicity*, 2017. P. 15–38.
15. Voeltz F. E., Kilian-Hatz C. (Eds.). *Ideophones* (Vol. 44). John Benjamins Publishing, 2001. P. 1–8.
16. Monaghan P., Fletcher M. Do sound symbolism effects for written words relate to individual phonemes or to phoneme features? // *Language and Cognition*. 2019. № 11 (2). P. 235–255.
17. Sidhu D. M., Vigliocco G., Pexman P. M. Effects of iconicity in lexical decision // *Language and cognition*. 2020. № 12 (1). P. 164–181.
18. Citron, F. M., Weekes B. S., Ferstl E. C. How are affective word ratings related to lexicosemantic properties? Evidence from the Sussex Affective Word List // *Applied Psycholinguistics*. 2014. № 35 (2). P. 313–331.
19. Vermeulen N., Corneille O., Niedenthal P. M. Sensory load in curs conceptual processing costs // *Cognition*. 2008. № 109 (2). P. 287–294.
20. Connell L., Lynott D. Strength of perceptual experience predicts word processing performance better than concreteness or imageability // *Cognition*. 2012. № 125 (3). P. 452–465.
21. Болдырев Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знаний // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020. № 2. С. 5–25. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-5-25
22. Флакман М. А., Лавицкая Ю. В., Седёлкина Ю. Г., Ткачева Л. О. Критерии отбора стимульного материала для исследования визуального восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка методом «Лексическое решение» // *Дискурс*. 2020. № 6 (5). С. 97–112. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-97-112> (дата обращения: 14.11.2022).
23. Rayner K., Pollatsek A. Eye-Movement Control in Reading // *Handbook of Psycholinguistics* (Second Edition) / ed. by M. J. Traxler, M. A. Gernsbacher. Academic Press, Elsevier, 2006. P. 613–657. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-012369374-7/50017-1> (дата обращения: 14.11.2022).
24. Фоносемантика: опыт междисциплинарного исследования / М. А. Флакман, Л. О. Ткачева, Ю. Г. Седёлкина, Ю. В. Лавицкая и др. М.: Мир науки, 2022. 229 с. URL: <https://izd-mn.com/69mnp22.html> (дата обращения: 11.01.2023).
25. Киосе М. И., Харламова Т. Г. Когнитивные и глазодвигательные техники конвенционализации непрямых номинативных комплексов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2021. № 1. С. 5–16. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-1-5-16

References

1. Nielsen A. K., Dingemans M. Iconicity in Word Learning and Beyond: A Critical Review. *Language and speech*, 2021, no. 64 (1), pp. 52–72. URL: <https://doi.org/10.1177/0023830920914339> (accessed 14 November 2022).
2. Kawahara S. Sound symbolism and theoretical phonology. *Language and Linguistics Compass*, 2020, no. 14 (8), pp. e12372.
3. Ramachandran V. S., Hubbard E. M. (2001). Synaesthesia – a window into perception, thought and language. *Journal of consciousness studies*, 2001, no. 8 (12), pp. 3–34.
4. Sidhu D. M., Pexman P. M. Five mechanisms of sound symbolic association. *Psychonomic bullet interview*, 2018, no. 25 (5), pp. 1619–1643.
5. Tkacheva L. O., Sedelkina Y. G., Nasledov A. D. Possible cognitive mechanisms for identifying visually-presented sound-symbolic words. *Psychology in Russia: State of the art*, 2019, no. 12 (1), pp. 188–200.
6. Semenovich A. V. *Eti neveroyatnyye levshi: prakticheskoye posobiye dlya psikhologov i roditeley* [These incredible left-handed: a practical guide for psychologists and parents]. Moscow, Genezis Publ., 2009. 250 p. (in Russian).
7. Beglova L. I., Skobenko L. D. Organizatsiya protsessa obucheniya levorukikh detey v nachal'noy shkole [Organization of the process of teaching left-handed children in primary school]. *Innovatsionnaya nauka*, 2018, no. 9, pp. 50–53 (in Russian).
8. Shirokova I. V. Psikhologicheskiye aspekty levorukosti: ponyatiye, prichiny, osobennosti [Psychological aspects of left-handedness: concept, causes, features]. *Kompleksnyye issledovaniya detstva*, 2019, no. 1, vol. 1, pp. 73–79 (in Russian).
9. Avezmurodovich O. R. Difficulties in learning to write and read left-handed children. *European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences*, 2020, no. 8 (8), 40, vol. 45.
10. Danilova N. N. *Psikhofiziologiya* [Psychophysiology]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 1999. 368 p. (in Russian).
11. Postoyev V. A., Pakhomov V. P. Sovremennyye neyropsikhologicheskiye predstavleniya o fenomene levshestva [Modern neuropsychological ideas about the phenomenon of left-handedness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, no. 2 (92), pp. 113–117 (in Russian).
12. Arakelov G. G., Shott E. K. Osobennosti stressovoy reaktsii u pravshy i levshy [Features of stress reaction in right-handed and left-handed people]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*, 2004, no. 2, pp. 3–21 (in Russian).
13. Pardeshi P., Akita K. *Ideophones, mimetics and expressives*. *Ideophones, Mimetics and Expressives*, 2019. 335 p.
14. Flaksman M., Bauer M., Zirker A., Fischer O., Ljungberg C. Iconic treadmill hypothesis. *Dimensions of iconicity*, 2007, pp. 15–38.
15. Voeltz F. E., Kilian-Hatz C. *Ideophones*. Vol. 44. John Benjamins Publ., 2001. Pp. 1–8.
16. Monaghan P., Fletcher M. Do sound symbolism effects for written words relate to individual phonemes or to phoneme features? *Language and Cognition*, 2019, no. 11 (2), pp. 235–255.

17. Sidhu D. M., Vigliocco G., Pexman P. M. Effects of iconicity in lexical decision. *Language and cognition*, 2020, no. 12 (1), pp. 164–181.
18. Citron F. M., Weekes B. S., Ferstl E. C. How are affective word ratings related to lexicosemantic properties? *Evidence from the Sussex Affective Word List. Applied Psycholinguistics*, 2014, no. 35 (2), pp. 313–331.
19. Vermeulen N., Corneille O., Niedenthal P. M. Sensory load in curs conceptual processing costs. *Cognition*, 2008, no. 109 (2), pp. 287–294.
20. Connell L., Lynott D. Strength of perceptual experience predicts word processing performance better than concreteness or imageability. *Cognition*, 2012, no. 125 (3), pp. 452–465.
21. Boldyrev N. N. Kognitivnyy podkhod v lingvistike i smezhnykh oblastiakh znaniy [Cognitive approach in linguistics and related fields of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2020, no. 2, pp. 5–25 (in Russian). DOI: 10.20916/1812-3228-2020-2-5-25
22. Flaksman M. A., Lavitskaya Yu. V., Sedelkina Yu. G., Tkacheva L. O. Kriterii otbora stimul'nogo materiala dlya issledovaniya vizual'nogo vospriyatiya zvukoizobrazitel'nykh slov rodного i inostrannogo yazyka metodom “leksicheskoye resheniye” [Standard for the selection of stimulus material for the study of visual perception of sound-imaginative words of native and foreign languages by the “Lexical Solution” method]. *Diskurs*, 2020, no. 6 (5), pp. 97–112 (in Russian). URL: <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-5-97-112> (accessed 14 November 2022).
23. Rayner K., Pollatsek A. Eye-Movement Control in Reading. *Handbook of Psycholinguistics (Second Edition)*. Ed. by Traxler M. J., Gernsbacher M. A. Academic Press, Elsevier, 2006. P. 613–657 (accessed 14 November 2022). URL: <https://doi.org/10.1016/B978-012369374-7/50017-1>
24. Flaksman M. A., Tkacheva L. O., Sedelkina Yu. G., Lavitskaya Yu. V. et. al. *Fonosemantika: opyt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya* [Phonosemantics: the experience of interdisciplinary research]. Moscow, Mir nauki Publ., 2022. 229 p. (in Russian). URL: <https://izd-mn.com/69mnp22.html> (accessed 11 January 2022).
25. Kiose M. I., Kharlamova T. G. Kognitivnyye i glazodvigatel'nyye tekhniki konventionalizatsii nepryamykh nominativnykh kompleksov [Cognitive and oculomotor techniques of the conventionalization of indirect nominative complexes]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2021, no. 1, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.20916/1812-3228-2021-1-5-16.

Информация об авторах

Джафарова С. Р. кызы, студент, Санкт-Петербургский государственный университет (Набережная Макарова, 6, Санкт-Петербург, Россия, 199034).

Ткачева Л. О., старший преподаватель, кандидат психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Набережная Макарова, 6, Санкт-Петербург, Россия, 199034).

Information about the authors

Dzhafarova S. R., undergraduate student, Saint-Petersburg State University (Naberezhnaya Makarova, 6, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034).

Tkacheva L. O., Senior Lecturer, Candidate of Psychological Sciences, Saint-Petersburg State University (Naberezhnaya Makarova, 6, Saint Petersburg, Russian Federation, 199034).

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 17.11.2022; accepted for publication 25.05.2023

УДК 80

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-17-25>

Образ пьяницы в художественной картине мира С. Д. Довлатова (на фоне национальной картины мира): аксиологический аспект интерпретации

Мария Антоновна Савина

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
anivas_m@mail.ru*

Аннотация

Предметом статьи является аксиологический контекст, которым окружен образ пьяницы в произведениях С. Д. Довлатова.

Материалы, использованные в исследовании: тексты С. Д. Довлатова, данные «Русского ассоциативного словаря», фразеологические словари. Применялись следующие методы: контекстуальный анализ, сплошная выборка, анализ художественного текста.

В результате исследования выявлены сходства и отличия в отношении к пьющему человеку, его ключевые признаки в национальной и художественной картине мира, охарактеризовано описание воздействия алкоголя на человека и окружающий мир в произведениях С. Д. Довлатова. Общим в обеих картинах мира можно считать сочувствующее и «фаталистическое» отношение к пьющему человеку, представление о «бесконтрольности» тяги к алкоголю. Отличия заключаются в том, что в текстах С. Д. Довлатова пьющие люди наделяются положительными качествами: внутренней свободой, талантом, благородством (презрением к материальным ценностям). В национальной картине мира сочувствие к алкоголикам спровоцировано представлением о пьянстве как о несчастье, в авторской картине мира оно вызвано пониманием тяжести морально-физического состояния пьющего человека. В русской картине мира чаще встречается негативное отношение к пьющему человеку, например отмечается деградация внешности, вызванная длительным употреблением алкоголя (красноносый), встречаются различные оценочные номинации (гад, свин, алкаш). В произведениях С. Д. Довлатова носителями негативной оценки являются отдельные персонажи, которые при этом не обладают другими положительными качествами. В рамках рассматриваемой художественной картины мира непьющие персонажи представляются чем-то удивительным, таинственным.

Ключевые слова: аксиологический аспект, национальная картина мира, русский язык, Сергей Довлатов, художественная картина мира

Для цитирования: Савина М. А. Образ пьяницы в художественной картине мира С. Д. Довлатова (на фоне национальной картины мира): аксиологический аспект интерпретации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 17–25. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-17-25>

The image of a drunkard in the artistic picture of the world by Sergey Dovlatov (compared to the national picture of the world): axiological aspect of interpretation

Maria A. Savina

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, anivas_m@mail.ru

Abstract

This paper examines the image of a drinking man in the artistic picture of the world by Sergey Dovlatov, compared to the national picture of the world. The goal is to discuss the similarities and differences in the attitude towards a drinking person, the key characteristics of a drinking person in the national and artistic picture of the world.

We perform this study on the materials of the Russian Associative Dictionary (with the use of phraseology materials) and the texts by Sergey Dovlatov (using the National Corpus of the Russian language). We employ the methods of contextual analysis and of studying the national and artistic picture of the world.

In both pictures of the world there is sympathy and an idea of the “fate” of a drinking person. The bearers of the negative assessment prevailing in the national picture of the world, in the texts by Sergey Dovlatov, are individual characters who are not “positive”, non-drinking characters seem to be something amazing, mysterious. We characterize the description of the effect of alcohol on a person and the surrounding world in the works Sergey Dovlatov. We counted the episodes of alcohol consumption and the number of characters involved in them in the works of S. D. Dovlatov to prove the importance of the image of people drinking.

Sergey Dovlatov gives drunkards positive qualities (inner freedom, talent, contempt for material values). Alcohol “colors” the world in pink tones and helps the heroes to live.

Keywords: axiological aspect, national picture of the world, Russian language, Sergey Dovlatov, alcohol consumption, artistic picture of the world

For citation: Savina M. A. Obraz p'yanytsy v khudozhestvennoy kartine mira S. D. Dovlatova (na fone natsional'noy kartiny mira): aksiologicheskii aspekt interpretatsii [The image of a drunkard in the artistic picture of the world by Sergey Dovlatov (compared to the the national picture of the world): axiological aspect of interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 17–25 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-17-25>

Введение

Д. С. Лихачев писал о том, что индивидуальная картина мира (КМ) художников слова представляет собой большую ценность: «Особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям» [1, с. 157–156]. Поэтическая КМ понимается нами, вслед за Н. А. Кузьминой, «как поэтическая альтернатива миру действительному, физическому, это образ мира, смоделированный сквозь призму сознания художника как результат его духовной активности» [2, с. 227]. Мы считаем понятие «художественная картина мира» тождественным понятию «поэтическая картина мира».

Материал и методы

Цель статьи – исследование аксиологического контекста, связанного с образом персонажей-пьяниц в произведениях С. Д. Довлатова. Для ее достижения целесообразно осуществить сопоставление национальной (НКМ) и художественной картин мира (ХКМ) с точки зрения оценочной составляющей ментального сценария «Употребление алкоголя». Используются материалы: данные «Русского ассоциативного словаря» (РАС), фразеологических словарей, тексты С. Д. Довлатова. Применялись методы: контекстуальный анализ, сплошная выборка, анализ художественного текста.

Результаты и обсуждение

Лексема «пьяный» в словаре С. И. Ожегова определяется как «возбужденный от вина, одурманенный вином» [3]. Слово «пьяница»: «человек, который пьянствует, алкоголик» [3], «алкоголик», в свою очередь, как «человек, страдающий алкоголизмом» [3]. Для понимания аксиологического контекста слов «пьяный», «пьяница», «алкоголик» и стоящих за ними понятий в русской языковой картине мира мы обратились к «Русскому ассоциативному словарю» [4]. На стимул «пьяный» было получено 105 реакций, на стимул «пьяница» – 104, на стимул «алкоголик» – 103. Эти реакции можно сгруппировать следующим образом:

Атрибуты пьяного человека: бутылка (2), бухло (1), водка (1). **Атрибуты пьяницы:** бутылка (13), с бутылкой (1), водка (4), алкоголь (2), вино (1), губа (1), нос (1), с красным носом (1), зеленка (1). **Атрибуты алкоголика:** бутылка (8), водка (3), вино (2), красный нос (2), нос (2), нос красный (1).

В группе реакций на лексемы «пьяница» и «алкоголик» появляются указания на внешнюю деградацию, связанные с визуальным восприятием (изменения лица). Возрастает количество реакций «бутылка» и «водка».

Среди реакций на лексему «пьяный» можно выделить большую группу номинаций людей, которые легко представляются пьяными: этот факт в каком-то смысле «синтагматически» спровоцирован самим стимулом:

Номинации пьяных людей: мужик (23), мужчина (9), человек (8), муж (2), дядя (2), мужичок (1), товарищ (1), сосед (1), русский (1), компания (1), кто (1).

Номинации пьяницы: муж (2), сосед (2), человек (2), Димон (1), мужик (1), мужчина (1).

Номинации алкоголика: муж (4), человек (2), Вася (1), дядя (1), он (1), отец (1), сосед (1).

Во всех трех подгруппах встречаются слова муж, человек, сосед. Во второй и третьей подгруппах есть имена людей, что свидетельствует об актуальности лексем-стимулов. Кроме того, одной из реакций на «алкоголик» является «имя человека». В третьей подгруппе появляются еще два термина родства: отец, дядя. Обращает на себя внимание отсутствие в этом ряду номинаций лиц женского пола (в целом среди всех реакций на «пьяный» и «пьяница» встречается только одна такая номинация – «нищая»). Отметим, что их совсем нет в реакциях на стимулы «алкоголь» и «алкоголик». Е. Ю. Бульгина и Т. А. Трипольская уже отмечали тот факт, что слово «пьяница» становится словом мужского рода [5].

Оценочные номинации пьяных людей: алкоголик (2), бандит (2), дурак (2), гад (1), черт (1), конь (1), осел (1).

Слово «алкоголик» становится реакцией на «пьяный» только дважды, то есть в рамках наивной картины мира пьяный человек не обязательно является алкоголиком (среди реакций на слово «алкоголик» слово «пьяный» встречается только один раз). Некоторые номинации указывают на потерю пьяным человеческого облика (черт, конь, осел), некоторые на моральную деградацию (гад, бандит). Только одна из реакций (дурак) указывает на недостаток интеллекта. Интересным представляется соотношение ума и пьянства в русской фразеологии: «Пьяный проспится, дурак никогда», «Пьян,

пьян, а об стенку лбом не ударится» [6], демонстрирующее неоднозначное отношение к пьяному/пьющему человеку: пьянство представляется меньшим недостатком, чем глупость, из-за того что «пьяный» является преходящей характеристикой.

Оценочные номинации пьяницы: алкаш (10), алкоголик (6), пропойца (2), бедняга (1), бедолага (1), безбожник (1), бестолочь (1), бомж (1), дряхлый старик (1), друг (1), дурачок (1), идиот (1), нищая (1), разгильдяй (1), свинья (1), угроза обществу (1), хулиган (1).

Оценочные номинации алкоголика: пьяница (7), бомж (5), дурак (2), синяк (2), хроник (2), барыга (1), бедняга (1), бич (1), бухарик (1), любитель выпить (1), мужик (1), не трезвенник (1), не человек (1), нолик (1), хам (1), хронь (1).

Среди людей, которые ассоциируются с пьяницами, мы видим: «бомж», «нищая», «разгильдяй», «угроза обществу», «хулиган». В целом эту группу номинаций можно охарактеризовать как «маргинальные личности». В реакциях на стимул «пьяница» возрастает число лексем, указывающих на потерю умственных способностей (бестолочь, дурачок, идиот). В этой группе обращает на себя внимание присутствие лексем, выражающих сочувствие: «бедняга», «бедолага».

Стимул «алкоголик» вызывает большее число реакций, обозначающих человека в крайней степени отверженности от общества: бомж (5), бич (1). В этой же группе мы видим «не человек» (ничего столь же категоричного в реакциях на другие стимулы нам не встречается). Появляются номинации, содержащие сему «болезнь»: хроник, хронь.

Эмоции, вызванные пьяным: неприятно (1).

Эмоции, которые вызывает пьяница: отвращение (2), кошмар (1), не нужен (1).

Эмоции, которые вызывает алкоголик: ненависть (1).

Если пьяница вызывает комплекс эмоций и возмущение, то алкоголик в РАС может вызывать даже ненависть. Среди реакций есть группа, в которой называются места, в которых можно встретить пьяного или пьющего человека.

Место пьяного: бар (1), вокзал (1), метро (1).

Место пьяницы: метро (1). **Место алкоголика:** наркологический диспансер (1).

Эти реакции можно считать иллюстрациями отрицательного отношения (метро). Снова появляется сема «болезнь»: «наркологический диспансер».

Характеристики пьяного: бедный (1), нездоровый (1), несчастный (1), плохой (1), подлый (1), рьяный (1). **Характеристики пьяницы:** горький (10), глупец (1), жалкий (1), больной (1), грязный (1), заядлый (1), конченный (1), красноносый (1), мокрый (1), небритый (1), неприятный (1), непро-

будный (1), плохой (1), последний (1), пьющий (1), сильный (1), сморщенный (1).

В реакциях проступает как негативное, так и сочувствующее отношение. Эпитет «горький» порождает ассоциации с «горькая судьба» [7].

Характеристики алкоголика: больной (5), безнадежный (3), конченный (3), неизлечимый (3), жалкий (2), зеленый (2), вырожденный (1), забавный (1), законченный (1), закоренелый (1), лечащийся (1), наглый (1), неисправимый (1), несчастный (1), отпетый (1), полный (1), пропитый (1), противный (1), пьяный (1), пьянь (1), родной (1), спившийся (1).

Многие из характеристик содержат семы «неисправимость», «финальность». Количество реакций «больной» (5) еще раз подтверждает, что в НКМ алкоголизм считается болезнью. Несмотря на «ненависть» к алкоголикам, даже здесь мы находим лексемы, в некоторой степени содержащие сочувствие: «жалкий», «несчастный». Ничего похожего на лексему «забавный» не встречается нам в реакциях на другие стимулы. Появление слова «родной», возможно, имеет те же причины, что и появление терминов родства в группе «Номинации алкоголика».

В НКМ есть представления о недопустимости определенной степени опьянения, которая часто характеризуется указанием на невозможность сохранять вертикальное положение:

Степень опьянения (пьяного): в стельку (2), в доску (1), в дупло (1), валяется (2), забор (1), лежит (2), обочина = дорога = где он лежит (1), сапожник (1), свин (1), лужа (1), упал (1).

Отрицательное отношение к чрезмерному опьянению мы находим и в русской фразеологии: «Не быть бы пьяну, не было б и сраму», «Пить до дна – не видать добра» [6].

Как живет пьяница: бесконтрольное состояние (1), по велению судьбы (1), спит (1), пьет (1), тянется (1).

Жизнь пьяницы характеризуется как «бесконтрольное состояние», среди его занятий в НКМ находим «спит» и «пьет». Реакция «по велению судьбы» как будто отбирает у человека право выбора, пристрастие к алкоголю объясняется решением высших сил, а не решением индивидуума. В русской фразеологии есть пословицы, в которых с пьяницы тоже снимается ответственность за все действия: «С пьяного, что с мертвого» [6]. Пьяный человек как будто становится другой личностью, которая не отвечает за свои слова и поступки. Среди реакций есть существительные, которые сложно отнести к какой-либо группе:

Пьяный: дебош (1). **Пьяница:** жизнь (1). **Алкоголик:** болезнь (2), беда (1), болезнь = несчастье (1), грязь (1).

В этой группе «алкоголик» вызывает сочувствие (болезнь, несчастье, беда) и отвращение (грязь). На основе данных РАС и фразеологических словарей мы можем сделать вывод, что в наивной картине мира, с одной стороны, преобладает негативное отношение к пьяным и пьющим людям, с другой стороны, есть тенденция жалеть людей, страдающих алкогольной зависимостью, и оправдывать их поведение «велением горькой судьбы» и отсутствием контроля над ситуацией. Можно предположить, что сочувствие, которое заключено в реакциях «несчастье, беда», направлено не только на человека, страдающего алкогольной зависимостью, но и на его близких.

Перейдем к роли пьющих персонажей в ХКМ С. Д. Довлатова, важность которых уже отмечалась исследователями. Т. А. Марьяничева и Л. О. Чернейко указывают на то, что в ХКМ С. Д. Довлатова алкогольные напитки участвуют в описании характера героев, содержат оценку персонажей, также исследователи отмечают, что в произведениях С. Д. Довлатова «частотным „стандартом“ носителя лучших моральных качеств являются алкоголики» [8]. А. А. Генис характеризует произведение «Заповедник» таким образом: «В „Заповеднике“ Довлатов жалуется, что никто не написал о пользе алкоголя. Но там же Сергей сам и восполнил этот пробел» [9, с. 164]. Про особую роль героев, употребляющих алкоголь, пишет Т. А. Косарева, которая характеризует персонажей-пьяниц С. Д. Довлатова как «ярких запоминающихся личностей», а «благополучных и непьющих» как «бесцветных, предсказуемых и неинтересных» [10]. Отметим, что оценка пьющих персонажей автором не становилась предметом отдельного изучения. Прежде чем приступить к характеристике оценки, мы хотели бы подробнее остановиться на многообразии эпизодов употребления алкоголя героями С. Д. Довлатова. В десяти выбранных нами произведениях мы находим 402 эпизода употребления алкоголя и 188 персонажей, в них участвующих. Данные представлены в виде таблицы, в которой мы объединяем фигуру автора, рассказчика и масок автора (Алиханов из «Компромисса» и «Зоны») в одну сквозную фигуру я-персонажа, опираясь на работу А. А. Воронцовой-Маралиной, которая, говоря о специфике автора в произведениях С. Д. Довлатова, определяет «изображающего субъекта» как «героя-повествователя Сергея Довлатова» [11, с. 112–113; 12]. В произведении «Ремесло» под «Редакцией Нового Американца» мы подразумеваем Баскина, Дроздова, Мокера и я-персонажа (так как не во всех эпизодах уточняется, кто из них принимает участие в застолье). Я-персонаж участвует в употреблении алкоголя 95 раз, занимая «лидирующую позицию» в каждом произве-

дении, кроме «Иностранки» и «Марша одиноких». Почти во всех произведениях, как правило, есть еще один или несколько персонажей, которые тоже неоднократно фигурируют в этих эпизодах (некоторые из них регулярно становятся «сбутыльниками» я-персонажа, но не все). Приведем данные в виде таблицы (во втором столбце указано количество эпизодов употребления алкоголя):

«ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ»	
1. Я-персонаж	11
2. Алкаш	5
3. Сергей Вольф	4
4. Грубин	4
5. Брат	3
«ЗАПОВЕДНИК»	
1. Я-персонаж	12
2. Сорокин Михаил Иванович	6
3. Марков	5
4. Стасик Потоцкий	3
«ЗОНА»	
1. Я-персонаж	7
2. Солдаты	7
3. Фидель	6
«ИНОСТРАНКА»	
1. Рафа	6
2. Караваев	2
«КОМПРОМИСС»	
1. Я-персонаж	16
2. Жбанков	9
3. Буш	8
«НАШИ»	
1. Я-персонаж	12
2. Брат	7
3. Дед	5
4. Отец	3
«РЕМЕСЛО»	
2. Я-персонаж	11
2. Редакция Нового Американца	7
«ФИЛИАЛ»	
1. Я-персонаж	13
2. Панаев	2
3. Литвинский	2
4. Шагин	2
«ЧЕМОДАН»	
1. Я-персонаж	11
2. Виктор Цыпин	4
3. Осип Лихачев	4
4. Шлиппенбах	3

Герои, располагающиеся на втором – третьем местах, являются, как правило, теми самыми «яркими персонажами», играющими важную роль в произведениях, о которых писала Т. А. Косарева [10]. Большинство персонажей (142 из 188) участвуют в употреблении алкоголя по одному разу (в «Марше одиноких» такими являются все персонажи, по этой причине мы не включаем это произведение в таблицу). Многие персонажи появляются в тексте только однажды и при этом описываются при помощи какой-нибудь смешной истории, связанной с алкоголем:

Светлов заказывал. <...> – Ну, что, друзья, пропьём ландшафт? («Записные книжки»).

Возникает ощущение, что характеристика персонажей при помощи описания их отношения к алкоголю используется так часто из-за того, что она является очень емкой (едва ли не исчерпывающей), в каком-то смысле «экономящей» усилия автора. Приведем пример: «он выглядит сонным, даже когда бегаёт за пивом» («Зона»). Относительное безразличие к алкоголю (как к лучшей части жизни) является деталью, которая показывает безразличие к жизни в целом. Многие известные личности, оказывающиеся на страницах произведений С. Д. Довлатова, появляются в них во время застолья (Громыко, Юрий Олеша, Ежи Ружевиц, Хрущев). Кажется, что именно эта обстановка способна приблизить знаменитого человека к автору и читателю, сделать его понятнее.

Общей чертой НКМ и ХКМ С. Д. Довлатова можно считать сочувствующее отношение к пьяницам (но если в НКМ пьянство это несчастье, то в ХКМ С. Д. Довлатова это не так), представление о некоей «судьбе», из-за которой человек пьёт, и о невозможности контролировать постоянную тягу к алкоголю. При этом в произведениях есть персонажи, которые являются носителями негативной оценки (которую мы видели и в НКМ). Рассмотрим отдельно элементы сходства. Реакции в РАС характеризуют пристрастие пьющего человека к алкоголю как «бесконтрольное состояние». Этот элемент НКМ в тексте «Заповедника» превращается в развернутую метафору: неспособность я-персонажа остановиться, если он начинает пить, которая описывается при помощи сравнения с машиной без тормозов:

Самосвал без тормозов... <...> Мотор хороший, да тормоза подводят... <...> Останавливаюсь я только в кювете... («Заповедник»).

Общей чертой НКМ («по велению судьбы») и ХКМ С. Д. Довлатова также можно считать «фаталистическое» отношение к пьющему человеку. В текстах Довлатова склонность к алкоголю похожа на хроническое заболевание и на рок, судьбу одновременно. Пристрастие брата я-персонажа к алкоголю описывается как что-то фатальное, что

можно победить только силами внешними, что сам человек преодолеть не в состоянии:

Он снова начал пить... Я думаю, он мог жить только в неволе («Наши»).

Брат я-персонажа не может остановиться, пока не пропьёт все деньги:

Мы пили, когда не было денег. **Глупо не пить** теперь, когда они есть... («Чемодан»).

Интересно само выражение «глупо не пить». Похожий контекст нам встречается в тексте «Зонь»:

Вообще **не пить – это слишком.** Это, как говорится, **антимарксистская утопия** («Зона»).

В этом фрагменте военнотрудовой объясняет надзирателю, что в Новый год он не требует полного отказа от употребления алкоголя, называя его «антимарксистской утопией». Здесь видна «неральность» отказа от алкоголя (утопия), «крайность» этой меры (слишком) и ее чужеродность (антимарксистская).

В более скрытом виде мы находим у С. Д. Довлатова и то жалостливо-сочувствующее отношение к пьяницам, которое мы уже встречали в наивной картине мира. Например, так видит я-персонаж сцену выпрашивания денег на алкоголь у соседа: «Трудно лгать Михал Иванычу, ослаб» («Заповедник»). Здесь удивителен выбор слова «лгать» (не просто «врать», которое, кажется, больше бы подошло в этом контексте). Лексема «ослаб» явно выражает сочувствие по отношению к тому, кого она характеризует. Кажется, что это сочувствие вызвано пониманием тяжелого физического (и морального) состояния Михал Иваныча, а не мыслью о том, что пьянство – это несчастье для самого пьющего человека и для его близких (как мы видели в НКМ). Сама по себе авторская сдержанность в характеристике пьющих людей может служить доказательством конструирования сочувствующего отношения. Приведем пример описания алкоголика С. Д. Довлатовым из воспоминаний Е. Г. Скульской: «эдакий разбухший микроб, сизый, полная гадость» [13]. Подобного описания мы не найдем в произведениях.

В роли носителей негативной оценки людей, страдающих от любви к алкоголю, выступают такие персонажи, как жена Жбанкова из «Компромисса», соседи Михал Иваныча и жена Маркова из «Заповедника», но они не входят в круг героев, которым симпатизирует я-персонаж. Отрицательное отношение к пьяницам иронически переосмысливается в «Чемодане»: в роли «порицателя» выступает человек, тоже имеющий проблемы с алкоголем:

– Пропили Россию, гады! <...> – Мне больную с подогревом («Чемодан»).

Такие носители осуждения обесценивают негативное отношение.

Среди реакций на «пьяный» и «пьяница» мы видели множество лексем, указывающих на горизонтальное положение человека. В ХКМ С. Д. Довлатова алкоголики не лежат, они постоянно в движении и часто «двигают» повествование. То, как Михал Иваныч в произведении «Заповедник» лежит, описывается только один раз (и в этот момент он «парадоксально» трезв):

Трезвым я его видел дважды. В эти **парадоксальные** дни Михал Иваныч запускал одновременно радио и телевизор. **Ложился** в брюках <...> («Заповедник»).

Движение пьяниц (Михал Иваныча и его друга) может описываться как «движение вопреки»:

Друзья направились в микрорайон, жизнелюбивые, отталкивающие и воинственные, как сорняки... («Заповедник»).

Г. А. Доброзракова считает, что эпитет «сорняки» в этом случае выражает отрицательную оценку [14, с. 42–43].

В аксиологической системе многих персонажей порок питья входит в систему пороков «допустимых» и не таких уж вредных для общества: «Ведь не крал же я, **только пью...**» («Зона»).

Употребление алкоголя не только допустимо, но и является показателем свободы: «**Выпил** – и целый день **свободен...**» («Компромисс»).

При этом «свобода» пьяного человека зачастую оказывается связана с игнорированием коммунистического строя:

Он **был пьян и небрит**. <...> – **Советская власть не заслужила, чтобы я брился!** («Записные книжки»); Но **Буш** к этому времени совершенно **опьянел**. <...> – **Свободен не тот, кто борется против режима**. И не тот, кто побеждает страх. А тот, **кто его не ведает** («Компромисс»); Кажется, это было 60-летие Октябрьской революции. <...> – **Не пить – это и будет слишком много чести** («Записные книжки»).

Кажется, что именно пьющие люди обладают правом «не замечать» советский режим. У Михал Иваныча («Заповедник») это игнорирование распространяется не только на советскую власть, но и на мир вообще. На наш взгляд, этот тип отношения к существующему строю (непритворное игнорирование) роднит образ пьющих персонажей с образом И. А. Бродского. Подобно тому, как герои-пьяницы «уходят» в пьянство, И. А. Бродский уходит в «монастырь собственного духа»: «Он не боролся с режимом. Он его не замечал» («Ремесло»). Алкоголь для «игнорирующих» персонажей является одним из элементов внутренней свободы. Пьющий человек обычно творчески одарен:

Пишущие мало зарабатывают. <...> **Больше пьют** («Ремесло»).

Талантливые пьяницы часто появляются в произведениях С. Д. Довлатова: Лихачев и Цыпин, камнерезы, «оба были мастерами своего дела, и, **разумеется**, горькими пьяницами» («Чемодан»). В этом «разумеется» мы видим связующую нить между талантом и алкоголизмом. Связь литературного творчества и алкоголя может выражаться эксплицитно, как в следующей известной цитате: «**вечный спутник российского литератора – алкоголь**» («Ремесло»). В следующем примере эта связь «спрятана» в текст. Тот факт, что алкоголь появляется в редакции задолго до технически необходимых для создания журнала предметов, говорит, как нам кажется, о наделии алкоголя некой «творчествообразующей» функцией:

Выпивали, сидя на полу, порожние **бутылки** ставили в угол. **Они появились в нашей редакции задолго до электрической лампы, телефона, календаря и наборной машины** («Ремесло»).

В ХКМ С. Д. Довлатова у пьющих персонажей появляются такие качества, как благородство, аристократизм и интеллигентность. Ничего похожего в НКМ нам не встречается. Михал Иваныч («Заповедник»), пьющий «до беспамятства», характеризуется как человек «внутренне интеллигентный», «аристократичный»:

Действительно, было в Михал Иваныче что-то **аристократическое**. Пустые бутылки он не сдавал, выбрасывал («Заповедник»).

Отметим, что в ХКМ С. Д. Довлатова чрезмерная степень опьянения («до изумления»), которая осуждается в НКМ, не является предметом порицания. В словаре С. И. Ожегова «аристократизм» определяется как «внешняя изысканность, утонченность поведения» [3]. В текстах С. Д. Довлатова, как нам кажется, это слово имеет другое значение: «презрение к материальным ценностям, некорыстолюбие», поэтому Михал Иваныч не сдает пустые бутылки. Его действия оправдываются я-персонажем даже в тех случаях, когда они приближаются к нарушению Уголовного кодекса:

– Добрый, – соглашался Никитин, – **жену чуть не зарезал**. Все платья ейные **спалил**. **Ребятишки в кедах бегают зимой...** А так он добрый...

– Миша – человек **безрассудный**, я понимаю, но **добрый и внутренне интеллигентный**.

Я-персонаж объясняет поступок Михал Иваныча «безрассудством» (в реакциях РАС мы видели «бесконтрольность»). Марков (фотограф из «Заповедника») тоже наделяется аристократизмом, когда не поднимает упавшие на пол деньги в ресторане («Заповедник»). В фигурах Маркова и Михал Иваныча мы видим два типа алкоголика, одному деньги достаются легко, а второй их не имеет, но оба игнорируют их ценность. Удивительно то, что даже Михал Иваныч становится объектом зависти:

«В деревне Михал Ивановича не любили, завидовали ему» («Заповедник»). Эту свободу от материальных ценностей мы находим и в «Иностранке». Человек пьющий ведет себя «лучше всех» по отношению к другим людям, как, например, Баранов, который предлагает Марусе деньги из своей зарплаты просто так, даже пытаясь ее убедить, что так будет лучше для него: «пить буду меньше» («Иностранка»).

В произведениях С. Д. Довлатова алкоголь и пьющий человек являются частью концепта «правда» в дихотомии «правда – ложь», «настоящий – бутафорский», «человеческий – мистический». В начале «Компромисса» автор помещает рассуждение о «газетном вранье», приведем фрагмент:

А за пышными театральными декорациями увидеть кирпичную стену, веревки, огнетушитель и хмельных работяг («Компромисс»).

Можно сказать, что «хмельные работяги» являются неотъемлемой частью «настоящей» жизни, не вписываясь в лживый контекст театральных декораций. Описание «искусственного, кукольного, бутафорского» Таллина завершается таким образом: «В Эстонии можно увидеть **такелажников, пьющих шерри-бренди из крошечных рюмок...**» («Ремесло»). Для автора такелажники, занимающиеся тяжелым физическим трудом, пьющие из крошечных рюмок, – это что-то искусственное, ненастоящее, лживое. Алкоголь в ХКМ С. Д. Довлатова может выступать в роли «очеловечивателя» мистических существ:

Превратили в одушевленный символ. <...> Временами Гагарин **становился человеком**. И **тогда он сильно запивал** <...> На родине государством управляли **мистические существа**. <...> я был изумлен, узнав, что **Ленину нравилось холодное пиво**. В этом заурядном факте **проглядывало нечто человеческое...** («Марш одиноких»).

Пристрастие к алкоголю делает персонажа понятнее и ближе главному герою, выражается ли оно в любви к холодному пиву или в запое.

Нам хотелось бы отдельно остановиться на том, как описывается действие алкоголя на пьющего человека и на окружающий его мир.

Я с удовольствием ощущал, как надвигается **пьяный дурман**. **Контуры** жизни становились **менее отчетливыми и резкими...** («Компромисс»).

Здесь характеризуется самое начало опьянения, когда человек под воздействием алкоголя начинает видеть предметы в несколько размытом виде. В ХКМ С. Д. Довлатова не просто предметы вокруг человека, но и сама жизнь становится менее отчетливой и резкой, более приемлемой.

Портвейн распространялся **доброй** вестью, окрашивая мир **тонами нежности и снисхождения** («Заповедник»).

Появление ощущения тепла в теле называется «доброй вестью», которая распространяется на окружающий выпивающего человека мир. Кажется, что мир «смягчается» именно по отношению к я-персонажу и нежность и снисхождение мира направлены именно на него. В следующей цитате мы видим ту же самую модель «смягчения» мира, но на уровне аудиального восприятия: «крики», сливаясь в один гул, причем «мерный», тоже теряют резкость и четкость, как до этого их теряли резкие контуры жизни:

Я начал **пьянеть**. <...> **Крики сливались в мерный нарастающий гул** («Заповедник»).

Следствием этого «смягчения мира», на наш взгляд, является обретение «гармонии» с этим миром и возможность «примирения».

Алкоголь на время **примирял меня с действительностью** («Ремесло»); Видно, **гармония таилась на дне бутылки...** («Заповедник»). А **вернулся к моим бутылкам**. В любой из них **таились чудеса...** («Заповедник»).

Процесс употребления алкоголя описывается как что-то «чудесное», что-то преобразовывающее и приукрашивающее мир (который в реальности невыносим). Алкоголь помогает справиться с жизнью:

Все, кто думает, несчастные... <...> – **Не думать. Водку пить** («Компромисс»).

Алкоголь в произведениях С. Д. Довлатова помогает думающему человеку уйти от трагичности бытия. Один из возможных ответов на вопрос, почему пьют герои Довлатова, можно найти в статье П. Л. Вайля «Без Довлатова»: «Сергей сказал мне как-то, что с питьем – то же самое: надо удивляться, почему человек не пьет, настолько это ни с чем не сравнимое ощущение» [15].

Заключение

Таким образом, общими качествами ХКМ С. Д. Довлатова и НКМ можно считать сочувствующее и фаталистическое отношение к пьющим людям. При этом в НКМ жалеют пьяниц из-за того, что чрезмерная любовь к алкоголю считается несчастьем, а в произведениях С. Д. Довлатова сочувствие вызывает тяжелое психологическое и физическое самочувствие персонажей, страдающих алкогольной зависимостью. В НКМ преобладает негативное отношение к людям, злоупотребляющим алкоголем. Аксиологический контекст вокруг пьющих персонажей в произведениях С. Д. Довлатова в некоторой степени сформирован «в противовес» тому отрицательному отношению, которое существует в НКМ. С. Д. Довлатов наделяет их такими положительными качествами, как внутренняя свобода, талант, благородство, правдивость. Пьющие персонажи у С. Д. Довлатова

оказываются более творчески одаренными, чем непьющие, они не обращают внимания на материальные ценности, они бескорыстно предлагают помощь другим людям и вызывают зависть (даже когда находятся в глубоком запое). Алкоголь в ХКМ С. Д. Довлатова оказывается связан с та-

ким понятием, как «настоящее». Он делает знаменитых людей понятнее, «очеловечивает» даже «мистических существ», «окрашивает мир» в розовые тона, является средством достижения примирения и гармонии с действительностью, помогает жить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Освобождение от догм: история русской литературы: состояние и пути изучения. М.: РАН, Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. 1997. Т. 1. С. 147–165.
2. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 268 с.
3. Словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 08.01.2023).
4. Караулов Ю. Е. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 08.01.2023).
5. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Гендерно маркированная лексика: лексикографическая традиция и динамические процессы в современном языке // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 186–200.
6. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М.: АН СССР, 1961. 229 с.
7. Савина М. А. Семантическое поле «употребление алкоголя» в русском языке (в сопоставлении с итальянским языком) // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 364–384.
8. Марьяничева Т. А., Чернейко Л. О. Функции «алкогольной» лексики в текстах Сергея Довлатова // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 4. С. 122–127.
9. Генис А. А. Довлатов и окрестности. М.: АСТ: Corpus, 2016. 304 с.
10. Косарева Т. А. «Вечный спутник российского литератора...». Алкогольная тема в произведениях Сергея Довлатова // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Тверь: ТГУ, 2002. С. 110–118.
11. Воронцова-Маралина А. А. Авторская концепция личности как циклообразующий фактор в прозе Сергея Довлатова // Вестник РГГУ. 2007. № 7. С. 106–114.
12. Воронцова-Маралина А. А. Циклизация как способ создания целостных художественных структур в философско-юмористической прозе Сергея Довлатова // Язык христианской традиции и современная культура. 2017. С. 191–202.
13. Скульская Е. Г. Взгляд из Таллина // Три города Сергея Довлатова. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. С. 85–160.
14. Доброзракова Г. А. Поэтика Довлатова. СПб.: Алетейя, 2019. 406 с.
15. Вайль П. Л. Без Довлатова // Звезда. 1994. № 3. URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/vail.html> (дата обращения: 08.01.2023).

References

1. Likhachev D. S. Kontseptosfera russkogo yazyka [The concept sphere of the Russian language]. *Osvobozhdeniye ot dogm: istoriya russkoy literatury: sostoyaniye i puti izucheniya* [Liberation from dogmas: the History of Russian Literature: the state and ways of studying]. Moscow, RAS, Institute of World Literature Publ., 1997. Vol. 1. Pp. 147–165 (in Russian).
2. Kuz'mina N. A. *Intertekst i yego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the processes of poetic language evolution]. Yekaterinburg, Ural University Publ., Omsk, Omsk State University Publ., 1999. 268 p (in Russian).
3. *Slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegova* [Dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov] (in Russian). URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed 8 January 2023).
4. Karaulov E. Yu. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary] (in Russian). URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed 8 January 2023).
5. Bulygina E. Yu., Tripol'skaya T. A. Genderno markirovannaya leksika: leksikograficheskaya traditsiya i dinamicheskiye protsessy v sovremennom yazyke [Gender-specific vocabulary: lexicographic tradition and dynamic processes in modern Russian language]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 186–200 (in Russian).
6. Rybnikova M. A. *Russkiye posloviцы i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow, AN SSSR Publ., 1961. 229 p. (in Russian).
7. Savina M. A. Semanticheskoye pole “upotrebleniye alkogolya” v russkom yazyke (v sopostavlenii s ital'yanskim yazykom) [Semantic field “alcohol use” in Russian (in comparison with Italian)]. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 364–384 (in Russian).
8. Maryanicheva T. A., Cherneyko L. O. Funktsii “alkogol'noy” leksiki v tekstakh Sergeya Dovlatova [Functions of “alcoholic” vocabulary in the texts of Sergei Dovlatov]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of the Udmurt University*, 2013, no. 4, pp. 122–127 (in Russian).
9. Genis A. A. *Dovlatov i okrestnosti* [Dovlatov and the surrounding area]. Moscow, AST, Corpus Publ., 2016. 304 p. (in Russian).

10. Kosareva T. A. “Vechnyy sputnik rossiyskogo literatora...”. Alkohol’naya tema v proizvedeniyakh Sergeya Dovlatova [“The eternal companion of the Russian writer...”. Alcoholic theme in the works of Sergei Dovlatov]. *Literaturnyy tekst: problemy i metody issledovaniya* [Literary text: problems and research methods]. Tver, TSU Publ., 2002. Pp. 110–118 (in Russian).
11. Vorontsova-Maralina A. A. Avtorskaya kontseptsiya lichnosti kak tsikloobrazuyushchiy faktor v proze Sergeya Dovlatova [The author’s concept of personality as a cycle-forming factor in the prose of Sergei Dovlatov]. *Vestnik RGGU – RSUH/RGGU Bulletin*, 2007, no. 7, pp. 106–114 (in Russian).
12. Vorontsova-Maralina A. A. Tsiklizatsiya kak sposob sozdaniya tselostnykh khudozhestvennykh struktur v filosofsko-yumoristicheskoy proze Sergeya Dovlatova [Cyclization as a way of creating Integral Artistic structures in the Philosophical and Humorous Prose of Sergei Dovlatov]. *Yazyk khristianskoy traditsii i sovremennaya kul’tura* [The Language of Christian Tradition and Modern Culture]. 2017. Pp. 191–202 (in Russian).
13. Skul’skaya E. G. Vzgl’yad iz Tallina [View from Tallinn]. *Tri goroda Sergeya Dovaltova* [Three cities of Sergei Dovlatov]. Moscow, Al’pina non-fikshn Publ., 2021. Pp. 85–160 (in Russian).
14. Dobrozrakova G. A. *Poetika Dovlatova* [The poetic of Dovlatov]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2019. 406 p. (in Russian).
15. Vayl’ P. L. Bez Dovlatova [Without Dovlatov]. *Zvezda*, 1994, no. 3 (in Russian). URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/vail.html> (accessed 8 January 2023).

Информация об авторе

Савина М. А., аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126).

Information about the author

Savina M. A., **postgraduate student**, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Viluyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 12.01.2023; accepted for publication 25.05.2023

Реализация принципов перевода японских трехстиший

Татьяна Иосифовна Бреславец¹, Наталья Александровна Воробьева², Юрий Леонидович Кужель³

^{1,2} Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

³ Московский государственный университет спорта и туризма, Москва, Россия

¹ ORCID: 0000-0001-5836-1747, breslavets.ti@dvfu.ru

² ORCID: 0000-0002-6979-0923, vorobeva.na@dvfu.ru

³ ORCID: 0000-0002-7908-8978, korkyr@yandex.ru

Аннотация

Предметом исследования выбраны трехстишия *хайку* (комические стихи) великого японского поэта Мацуо Басё (1644–1694), завоевавшие интерес со стороны ученых и переводчиков многих стран мира. В Японии благодаря кропотливой работе текстологов и комментаторов сочинений Басё сложилась обширная герменевтическая литература, позволяющая не только японским, но и зарубежным филологам успешно решать проблемы интерпретации текста и восприятия его на другом языке.

Реализацию принципов перевода произведений Басё демонстрируют работы В. Н. Марковой (1907–1995), выдающегося российского переводчика и поэта. Предложенные ею стихи позволяют высоко оценить мастерство перевода и широкий диапазон средств русского языка, направленный на реализацию глубинного содержания дальневосточного сегмента мировой культуры, представленного в *хайку*. Последовательно находят освещение принципы дзэн-буддийского учения, лежащие в основе эстетического идеала Басё, его представлений о прекрасном как универсуме, гармонизирующем противоположности. Анализируется образно-стилистическое своеобразие *хайку* в контексте таких эстетических категорий, как *югэн* – «сокровенная красота», *саби* – «красота одиночества», свойственных творчеству Басё, которое отличается монохромностью.

Исследуются ассоциативный подтекст, реминисцентный ряд, смысловая вариативность и эмоциональное содержание источника как объекта перевода. Раскрываются способы интерпретации и трансформации японского текста, доносящие до читателя имплицитные свойства *хайку*, их технику организации стихового пространства – применение сложной системы сезонных образов-символов (*киго*), лингвокультурный контент которых призывает реципиента к сотворчеству. Повышенная суггестивность *хайку* достигается также использованием цезуры (*кирэджи*), чья разнообразная функциональность требует от переводчика пристального взгляда на нюансы смыслов.

Констатируется внимание В. Н. Марковой к авторскому слову, японской поэтической традиции, возможностям языка перевода, языковой контрастивности, открывающее пути к дуализму переводческих стратегий – доместикации и форенизации. Мастерство переводчика позволяет в целях трансформации материала источника эффективно использовать приемы переводческой деятельности – добавление, модуляцию, расширение, которые базируются на привлечении фоновых знаний не только о культуре Японии, но и Китая.

Ключевые слова: японская поэзия, дзэн-буддизм, Мацуо Басё, В. Н. Маркова, *хайку*, проблемы перевода

Для цитирования: Бреславец Т. И., Воробьева Н. А., Кужель Ю. Л. Реализация принципов перевода японских трехстиший // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 26–34. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-26-34>

Implementation of the principles of translation of Japanese haiku

Tatiana I. Breslavets¹, Natalia A. Vorobeva², Yuriy L. Kuzhel³

^{1,2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

³ Moscow State University for Sports and Tourism, Moscow, Russian Federation

¹ ORCID: 0000-0001-5836-1747, breslavets.ti@dvfu.ru

² ORCID: 0000-0002-6979-0923, vorobeva.na@dvfu.ru

³ ORCID: 0000-0002-7908-8978, korkyr@yandex.ru

Abstract

The subject of this study was chosen by the haiku (comic poems) of the great Japanese poet Matsuo Basho (1644–1694), who won interest from scientists and translators of many countries of the world. In Japan, thanks to the work of textologists and commentators, a rich hermeneutic literature has developed that allows not only Japanese, but also foreign philologists to solve the problems of interpretation of the text and reproduce it in another language.

Poems proposed by V. N. Markova (1907–1995), outstanding Russian translator and poet, allow us to highly appreciate the skill of translation and a wide range of Russian language means aimed at implementing the deep content of the Far Eastern segment of the world culture presented in haiku. The stylistic originality of haiku is analyzed in the context of aesthetic categories (*yugen*, *sabi*) inherent in the work of Basho. The associative subtext, reminiscent series, semantic variability and emotional content of the source as an object of translation are investigated.

The methods of interpretation and transformation of the Japanese text are revealed, which convey to the reader the implicit properties of haiku, their peculiar technique of organizing the poetic space. It consists in applying a complex system of seasonal images-symbols (*kigo*), the linguistic cultural content of which calls for a recipient to co-creation. Higher human snowdrift is also achieved by the use of *cesura* (*kireji*), the diverse functionality of which requires a close view of the nuances of meanings.

The attention of V. N. Markova to the author's word, Japanese poetic tradition, the possibilities of the language of translation, linguistic contrastness, is noted. The skill of the translator allows, in order to transform the source material, it allows you to effectively use the techniques of translation activity – the addition, modulation, expansion, which are based on attracting background knowledge not only about the culture of Japan, but also in China.

Keywords: Japanese poetry, Zen-Buddhism, Matsuo Basho, V. N. Markova, haiku, problems of translation

For citation: Breslavets T. I., Vorobeva N. A., Kuzhel Yu. L. Realizatsiya printsipov perevoda yaponskikh trekhstishiy [Implementation of the principles of translation of Japanese haiku]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 26–34 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-26-34>

Введение

Задача перевода японских трехстиший на русский язык является многогранной и многоаспектной. Одно из решений этой непростой задачи предложено В. Н. Марковой (1907–1995), признанным знатоком языка и литературы, переводчиком и поэтом. Благодаря ее переводам российский читатель получил возможность познакомиться с выдающимися произведениями традиционной и современной японской литературы. Обращение к опыту работы В. Н. Марковой, который до сих пор остается неизученным, представляется актуальным.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать специфику переводческой манеры В. Н. Марковой, выявить основные качества ее концепции перевода сочинений Басё. В связи с этим поставлены следующие задачи: необходимо обнаружить прецедентные тексты предшествующей литературы, установить реминисцентные связи, раскрыть смысл аллюзивных слоев с учетом категорий эстетики и поэтики японского стиха – имплицитного содержания *хайку* Басё; требуется исследовать, какими путями реализуется передача сложного идейно-тематического и образно-стилистического содержания трехстиший с языка оригинала на язык перевода, как осуществляются стратегии доместикации и форенизации, какие трансформации претерпевает оригинальный текст.

Материал и методы

Источниками избраны сочинения Басё на старояпонском языке и переводы В. Н. Марковой. При-

влечены произведения традиционной японской литературы, а также китайской классики. Переводы на русский язык, помимо особо отмеченных случаев, выполнены авторами статьи.

В процессе исследования ведущими стали методы лингвистического описания и сравнительно-сопоставительного изучения. Использованы также приемы контекстуального и лингвокультурологического анализа. Теоретической основой послужили труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам переводоведения и творчества Мацуо Басё.

Результаты и обсуждение

По мнению американских исследователей, в переводческой работе необходимо придерживаться ряда «ограничений»: формальных, смысловых, прагматических, функциональных. Эти требования призваны помочь достижению тождества источника и перевода, направлены на то, чтобы сделать его максимально доступным для понимания иноязычному читателю. При этом перевод, согласуясь с «моделью ограничений», учитывает языковую контрастивность текстов [1].

При переводе поэтического сочинения необходимо сосредоточиться на передаче эстетической концепции оригинала – того понимания прекрасного, которым руководствуется поэт. Особое внимание следует уделять не только семантике источника, но и системе художественных средств достижения экспрессии, находить для них адекватные пути реализации. Рассмотрим несколько трехстиший Мацуо Басё в переводах В. Н. Марковой, рас-

положив их в хронологической последовательности. Изучение эволюции творчества поэта позволяет выявить и отношение переводчика к этому процессу, его фиксации в иноязычном материале.

Мацуо Басё

月ぞ導こなたへいらせ旅の宿 [2, с. 45].

Цуки дзо сирубэ / коната э ирасэ / таби но ядо (1663).

В. Н. Маркова

Луна – путеводный знак –

Просит: «Сюда пожалуйте!»

Дорожный приют в горах [3, с. 25].

В первой строке перевода «Луна – путеводный знак» присутствует исходный порядок слов, что свидетельствует о достижении формальной эквивалентности, которая определяется как «максимально возможная лингвистическая близость текста перевода к тексту оригинала» [4, с. 70].

Слово 導 «сирубэ» имеет несколько переводов на русский язык – «указатель», «проводник», «мета», «знак». Предлагается расширенный перевод – «путеводный знак». В другом иероглифическом написании 知る辺 «сирубэ» означает «знакомый», «приятель», «друг» и луна наделяется статусом спутника, что выступает устойчивой литературной традицией:

Фудзивара Тэйка («Сёдзихякусю», 82)

Нами но уэ но Над волнами видна луна,

Цуки о мияко но Как из столицы друг

Томо то ситэ Она его сопровождает,

Акаси но сэто о Через пролив Акаси

Идзуру фунабито Лодочник выходит в море.

浪のうへの月をみやこのともとして明石の瀬戸をいづる船人 [5, с. 208].

Луна напоминает одинокому страннику о далекой столице. Он достигает морского побережья, и здесь луна следует за ним, отражаясь в волнах. Пролив Акаси является выходом во Внутреннее море и Западную Японию. В слове «мияко» – «столица» присутствует «ми» (лексико-грамматическая частичная омонимия) как форма глагола «миру» – «смотреть»: странник различает на волнах блеск лунного света. Поэт и теоретик стиха Фудзивара Тэйка (1162–1241) обращается к приему омонимической метафоры (какэкотоба), утвердившейся в классической поэзии *танка* (пятистишие). Использование омонимии вводит в *хайку* реминисцентную лексику ассоциативного подтекста, расширяющую содержание компрессивного стихового пространства: странник смотрит на луну как на попутчика. Так в переводе находит обоснование лексема «путеводный» применительно к слову «знак», она отражает скрытые дополнительные оттенки смысла. Слово «луна» акцентировано частицей «дзо», что свидетельствует о приоритетной роли этого образа в стихотворении: луна укажет путь!

Вторая строка «Просит: „Сюда пожалуйте!“» переносит на русский язык прямую речь японского источника, содержащего императив. Сохраняется формально эквивалентный оригиналу порядок слов. При этом вводится глагол «просить» и происходит олицетворение образа луны (луна просит), что соответствует поэтической традиции:

Готоба-ин («Киндайсюка», 12)

Аки но цую я Осенняя роса

Тамото ни итаку На рукаве обильно собралась,

Мусубураму Не слезы?

Нагаки ё акадзу Значит, долгой ночью не наскучит

Ядору цуки кана Тут гостить красавице-луне!

秋の露やたもとにいたく結ぶらむ長き夜飽かずやどる月かな [6, с. 474].

На рукавах блеск луны отражается в росе, символизирующей слезы, но «луна» может восприниматься и как аллегория друга. В стихотворении сплавляются чувства одиночества и осенней печали с радостью любовного свидания.

Слово «ирасу» – «входить» относится к типу гоноративных глаголов со значением почтительности (*сонкэйго*). Ему соответствует русский глагол «пожаловать» – «явиться, прибыть, оказаться где-либо». Устаревший, он принадлежит высокому стилю речи, известен в устойчивом выражении «добро пожаловать». Таким образом утверждается лексическая паритетность оригинала и перевода и сохраняется «тождество формы» между источником и переводом, т. е. требование естественности речи [1].

В третьей строке «Дорожный приют в горах» выражение «в горах» оказывается лексическим добавлением, отмечающим место действия, и введение его требует специального разъяснения. Переводчик прибегает к развернутому освещению ситуации непосредственно в тексте перевода, потому что изобразительно-выразительная палитра *хайку* крайне ограничена, является имплицитно-ассоциативной.

Имплицитным смыслом *хайку* утверждается любование полной осенней луной (*цукими*) – эстетический обычай, распространенный в Японии. О красоте полной луны (*мангэцу*) Мацуо Басё писал в различных сочинениях, в том числе в дневнике «Сарасина кико» («Путешествие в Сарасина», 1688), рассказывая о странствии в горах Центральной Японии. Исследователю Юаса Нобуюки принадлежат следующие слова об этом высокохудожественном произведении: «По своей отточенности и блеску дневник не имеет себе равных и сверкает, как драгоценный камень» [7, с. 36].

В преамбуле дневника сказано: «Свист осеннего ветра тревожит мое сердце, он настойчиво зовет меня в дорогу посмотреть селение Сарасина и полюбоваться луной над горой Обасутэ» [2, с. 333].

Горы в районе Сарасина прославлены как место любования полной луной перед осенним равноденствием, куда устремлялись ценители эстетической традиции. Кроме того, с горами связана старинная легенда, вошедшая в различные произведения японской литературы. Она включена и в собрание «Ямато моногатари» («Рассказы о Ямато», 951), где в 156-м эпизоде рассказывается, как один человек по наущению жены бросил в горах свою тетушку, заменившую ему родителей:

«Ва га кокоро Моему сердцу
Нагусамэканэцу Трудно утешиться,
Сарасина я Видя луну, что сияет
Обасутэ яма ни На горе, где бросил я тетку,
Тэру цуки о митэ В Сарасина, –

так он сложил и снова отправился в горы, нашел ее и домой привел. Вот с тех пор и зовется эта гора Обасутэяма – „Гора, где бросили тетушку“. Отсюда пошло, о таком и стали говорить – „утешиться трудно“» [8, с. 175].

Омокагэ я Видение!
Оба хитори наку Одинокая тетушка плачет –
Цуки но томо Подруга луны.
俯や姨ひとりなく月の友 [2, с. 149].

Это стихотворение Басё написано по мотивам старинной легенды из «Ямато моногатари», преобразованной затем в пьесу театра Но «Обасутэ» («Покинутая тетушка»). В пьесе есть эпизод, рассказывающий о том, как страннику предстало видение старой женщины, покинутой далеко в горах. Она выходит на сцену в белых одеяниях и тихо танцует под луной. Облик ее призрачен [9, с. 92].

«В горах» мотивировано не только коммуницированием с образом полной луны над горами в Сарасина, но и тем, что *хайку* ассоциативно связано с пьесой театра Но «Курама тэнгу» («Демон горы Курама»), в которой говорится:

奥は鞍馬の山道の花ぞしるべなる。こなたへ
入らせ給へや

Оку ва Курама но ямамити но хана дзо сирубэ нару. Коната э ирасэтамаэ я (Цветы – путеводный знак в глухих теснинах горы Курама. Сюда пожалуйте!) [2, с. 45].

В реминисценции поэт Басё заменяет «цветы» на «луну». Кроме того, «ирасэ» – «пожалуйте» имитирует (*митатэ*) устойчивую лексическую модель почтительности из этой пьесы «ирасэтамаэ» – приглашение гостю войти. Прием *митатэ*, широко распространенный в искусстве и литературе Японии, вносит в *хайку* элемент комического – отличительный признак поэзии трехстиший.

Вывод. Скрытый смысл японского текста связан с такой культурно-исторической реалией, как любование луной. В тексте обнаруживаются литературные реминисценции, восходящие к традициям сборника рассказов «Ямато моногатари» и пьес те-

атра Но. Привлечение имплицитивных элементов необходимо рассматривать как путь доместикации – уточнения и разъяснения содержания источника с целью создания адекватного перевода.

Мацуо Басё

時雨をやもどかしがりて松の雪 [2, с. 48].

Сигурэ о я / модокасигаритэ / мацу но юки (1666).

В. Н. Маркова

Наскучив долгим дождем,
Ночью сосны прогнали его...
Ветви в первом снегу [3, с. 25].

«Сигурэ» – это моросящий осенний дождь, который продолжается длительное время – с конца осени до начала зимы («Наскучив долгим дождем»). В системе сезонной лексики *хайку* он признан символом зимы. Досада на дождь выражена восклицательно-вопросительной частицей «я» («Ночью сосны прогнали его»). Дождь окрашивает листву деревьев, что следует признать конвенциональным мотивом традиционной японской поэзии:

Фудзивара Ёсицунэ («Киндайсюка», 42)
Морасу на ё Не выдай тайны,
Кумо иру минэ но Дождь осенний, на вершине,
Хацусигурэ Скрытой облаками,
Коноха ва сита ни Пусть даже нижние листья
деревьев

Иро кавару томо Окрасятся в багряный цвет.
もらすなよ雲ある峰の初時雨木の葉は下に色
変るとも [6, с. 479].

В аллегорическом стихотворении герой, скрывающий любовь, уподобляется горной вершине, затянутой облаками. В *хайку* с тревогой ожидается (*модокасигаритэ мацу*), сможет ли дождь окрасить вечнозеленые ветви сосен. «Мацу» имеет значения «ждать» и «сосна» и участвует в двух контекстах одновременно как омонимическая метафора. Звучит вопрос, содержащий элемент комического, поскольку дождь «окрасить сосны не может»:

Дзизэн («Синкокинвакасю», 1030)

Ва га кои ва Тоскую о тебе,
Мацу о сигурэ но Но твое сердце –
Сомэканэтэ Словно сосна, что не меняет цвета:

Макудзу га хара ни Ей все равно – идет ли дождь

Кадзэ савагу нари Или срывает листья горный ветер.

わが恋は松を時雨の染めかねて真葛が原に風さわぐなり

[10, с. 82]. Перевод И. А. Борониной.

Сосны окрашивает снег («Ветви в первом снегу»). Багрянец заменяется белизной, в чем и состоит главная идея *хайку*. В переводе использована модуляция – «прием для создания соответствий путем изменения типа сообщения, описывающего

идентичную ситуацию» [11, с. 115]. В приеме модуляции находит подтверждение парадоксальное высказывание японского поэта-модерниста Хагивара Сакутаро (1886–1942): чем больше отступлений от оригинального источника содержит перевод, тем он лучше [12].

Вывод. В стихотворении обнаруживаются скрытые ассоциации, связанные с мотивами предшествующей японской литературы, обусловленные устойчивой образностью сезонной лексики. Прием модуляции позволил так преобразовать текст источника, чтобы он стал понятным читателю перевода и при этом сохранил главный мотив – контраст дождя и снега, осени и зимы. В *хайку* присутствует комический нюанс, его выражению способствуют прием олицетворения и неправдоподобность ситуации, что обнаруживается и в русском переводе.

Мацуо Басё

かれ枝に鳥のとまりけり秋の暮 [2, с. 61].

Карээда ни / Карасу но томарикэри / Аки но курэ (1680).

В. Н. Маркова

На голой ветке

Ворон сидит одиноко.

Осенний вечер [3, с. 33].

Это *хайку* возвестило о рождении лирики Басё как воплощенного созерцания. Оно показало и влияние японской поэтической традиции, что выявилось в общем настроении печали и впечатляющем колорите поздней осени. Угадывается и отзвук японской средневековой эстетики *юэн* – «сокровенной красоты», в поэтических красках которой преобладают монохромные тона [9, с. 13–14].

Различное толкование вызывает слово «карээда»: голая ветка, с которой облетела листва, или ветка засохшего дерева. Двойко понимается и последняя строка «аки но курэ»: осенний вечер или конец осени. В обоих случаях семантической вариативности предпочтение отдается первому варианту [2, с. 61–62]. Очевидно, что В. Н. Маркова следует рекомендованному японскими исследователями герменевтическому подходу.

Во второй строке «Ворон сидит одиноко» для передачи невыраженного семантического компонента оригинала привлекается лексема «одиноко» с эмотивным признаком глубокой грусти, что коррелирует с символикой самой птицы. Из бездны мрака проступают очертания нахохлившегося черного ворона – образа, заимствованного из китайского искусства и ставшего неотъемлемой доминантой гнетущего осеннего пейзажа.

«Орнитонимы отображают национальную культуру, мировосприятие носителей языка, имеют культурную значимость, которая проявляется в коннотациях, оценках, бытующих в данной лин-

гвокультуре, ассоциациях и стереотипных представлениях носителей языка» [13, с. 38]. Обращаясь к произведениям художественной литературы, переводчику необходимо учитывать богатство культур Востока и Запада.

В связи с этим стихотворением В. Н. Маркова писала: «Человек, сведущий в древней философии Китая (учении Лао-цзы и Чжуан-цзы), мог проникнуться созерцательным настроением и почувствовать себя сопричастным сокровенным тайнам природы» [3, с. 15]. Орнитоним «карасу» – «ворон» обладает широкой семантикой, но главным образом негативной. В классической китайской поэзии «ворон» и его поэтический комплекс создают пустынную, печальную картину [14, с. 125]. В творчестве Басё содержание концепта «ворон» сконцентрировано в следующем стихотворении:

Хигоро никуки   Всегда неприятный,
Карасу мо юки но   Даже ворон прекрасен
Асита кана   В это снежное утро!
ひごろにくき鳥も雪の朝哉 [2, с. 212].

В эстетике *хайку* красота природы ощущается через обыденное и неприглядное, при этом иерархия ценностей стирается, а противоположности гармонизируются. Стихи Басё, обладая повышенной суггестивностью, подводят реципиента к сотворчеству и побуждают переводчика доносить до русского читателя образно-смысловые обертоны японского текста минимальными выразительными средствами.

Вывод. Нарисованный поэтом осенний пейзаж является вербализацией сюжета традиционной китайской живописи, впитавшей идеи мифологии, фольклора и древних мыслителей, и содержит медитативный опыт. Трансляция стихотворения русскоязычному читателю сопряжена в целях доместикации с включением в текст дополнительной информации, но ограниченной семантикой оригинала. Она зависит как от этнокультурного содержания образа ворона, так и его интерпретации в художественной системе поэзии *хайку*.

Мацуо Басё

古池や蛙飛こむ水のをと [2, с. 102].

Фуруикэ я / Кавадзу тобикому / Мидзу но ото (1686).

В. Н. Маркова

Старый пруд.

Прыгнула в воду лягушка.

Всплеск в тишине [3, с. 48].

Стихотворение говорит об утверждении в поэзии Басё эстетики *саби* – «красоты одиночества» как покоя и отрешенности от суетного бытия. Весенней порой тишина старого пруда, у которого поэт сидит, погруженный в созерцание природы, навеивает печаль. В слиянии с природой он достигает просветленности и это состояние души выража-

ет в *хайку*, простом и безыскусном, окрашенном светлым настроением. Вдруг его внимание привлекает всплеск воды, разрушающий тишину. Прыжок лягушки – мгновение, выхваченное из жизни, придает стихотворению живое звучание [9, с. 76].

Первая строка японского текста «фуруикэ я» – «старый пруд» завершается частицей «я», именуемой «кирэджи» – «отсекающим словом». Она отмечает ритмические границы текста, разделяет его на части и является «семантической цезурой». На русский язык эта глубокая смысловая пауза переносится в виде знаков пунктуации.

Фраза перевода «Прыгнула в воду лягушка», как и предыдущая строка, обрисовывая ситуативное пространство, буквально отражает японский текст, делая перевод эквивалентным. Однако зооним «лягушка» необходимо разъяснить в глоссах или комментариях, поскольку он наделен особенностями японской ментальности в качестве культурно-эстетического явления. На Японских островах издревле существуют «поющие лягушки», подражающие голосам птиц, – поющие бюргерии. Их пение отождествляется с трелями «соловья» – японской камышовки.

Поэт Ки-но Цураюки (884–936) писал: «Соловей, что поет среди цветов, лягушка, что живет в воде, – когда слышим мы их голоса, думаем: из всего живого разве есть кто-нибудь, кто не пел бы собственной песни?» [15, с. 299] (перевод И. А. Борониной). В системе сезонной образности *хайку* лягушка как феномен одухотворенного мира природы осознается в качестве канонического символа весны – «сезонного слова» (*киго*).

Строка «Всплеск в тишине» содержит добавленную лексику «в тишине», разъясняющую ситуацию, представленную в медитативной лирике. Добавление осуществляется переводчиком на основе знания этнокультурологического и философско-эстетического содержания *хайку*, исходя из понимания имплицитных свойств произведения, – тишина противопоставляется звуку, усиливающим ощущение тишины «небытия».

Перевод В. Н. Марковой предлагаем сравнить с переводом на английский язык японского поэта-переводчика Миямори Асатаро (1869–1952):

The ancient pond!

A frog plunged splash!

Справедливой была критика этого перевода, развернувшаяся в японской прессе и отмеченная в статье Хагивара Сакутаро, выступавшего против использования восклицательного знака. Его присутствие разрушает созерцательную природу *хайку* и не способствует адекватному восприятию эстетической концепции Басё. Именно в постановке этого знака критик увидел искажение смысла – ущербность перевода и настаивал на том, что *ки-*

рэджи – явление сложное и многогранное, а не просто эмотивная частица [12]. Японский филолог Абэ Кимио отмечал, что кардинальным достижением этого *хайку*, преобразовавшем поэзию Басё, является простое изображение ареала тишины в картине природы [16, с. 81].

Вывод. В эстетике Басё саби предстает категорией прекрасного, это красота, извлекаемая путем углубленного созерцания, погружения в таинства природы. «Старый пруд» вечен, обладает вневременным временем, а «прыжок лягушки» символизирует краткость бытия, бренность жизни. В пейзажной зарисовке воплощена идея вечного – преходящего (*фуэки-рюко*), свойственная искусству Басё. Неприятательные образы внешнего мира несут смысл приобщения к высшему абсолюту, что составляет философско-эстетическое наполнение текста оригинала. Они содержат информацию, не передаваемую вербально. В *хайку* нет ярко выраженных эмоций, присутствуют только блеклые краски, его отличает тихая интонация, простая лексика, ясная структура. Адекватный перевод возможен только при понимании всех составляющих исходного текста, что очевидно в русском варианте. При этом достигается точное воссоздание формальной архитектоники поэтического источника.

Мацуо Басё

日は花に暮てさびしやあすならふ [2, с. 136].

Хи ва хана ни / курэтэ сабиси я / асунароо (1688).

В. Н. Маркова

Погасли лучи на цветах.

Тень дерева в сумерках... Кипарис?

«Завтра стану» им. Асунаро [3, с. 189].

Стихотворение содержит ряд омонимических метафор (*какэкотоба*). «Хи» – «день», «солнце» в результате частичной омонимии соотносится с «хиноки» – «солнечное дерево» – кипарисовик туполыстный семейства кипарисовых. Звукокомплекс «хи ва» вызывает ассоциацию с «хиба» – ложная туя, или туя *хиба*. «Курэру» – «подходить к концу» (о дне), «темнеть» и «быть погруженным» (в думы). «Асунароо» – «настанет завтра» (*асу нароо*) и тувик (туйопсис японский) – вечнозеленое дерево семейства кипарисовых, известное как эндемик Японии, популярен и под названием *хиба*. Высотой *асунаро* (40 м) меньше, чем *хиноки* (50 м), поэтому только «завтра он станет кипарисом *хиноки*» (*асу ва хиноки ни нароо*), достигнет его размеров. Тематически подобранная лексика демонстрирует прием семантической метафоры (*энго*) и рассказывает о странствии поэта в цветущих горах: «день» – «подходить к концу» – «настанет завтра». Многообразие значений позволяет свободно конструировать текст перевода.

Примечательно, что это стихотворение Басё снабдил множеством метафор, сложившихся в классическом японском стихе *танка*. Создавая новую поэзию, он опирался на художественные достижения прошлого, поэтому, говоря о сущности японского искусства, правомерно утверждать, что «отступление, но не разрушение всеобщей нормы гарантировало эстетическую ценность конечного результата» [17, с. 80].

«Цветы» признаны весенним символом и в традициях японского стиха обозначают сакуру. Строка «Погасли лучи на цветах» полностью учитывает начальную лексику японского текста. Кипарис темнеет среди цветущих вишен, поэтому переводчик расширяет высказывание и задает вопрос «Тень дерева в сумерках... Кипарис?». Однако завтра цветы вишневого дерева облетят, их ветви обнажатся и кипарис уже выделяться не будет. В *хайку* имплицитно присутствует мысль о быстротечности времени и бренности жизни. Компонент «сабиси» – «грустно» опущен, атмосфера заката передана описательно.

В последней строке переводчик обращается к использованию дуализма переводческих стратегий – доместикации и форенизации. Сохраняется фитоним *асунаро*, подчеркивается его эндемичность, что способствует созданию эффективной концентрации внимания на главном поэтическом объекте, и одновременно предлагается его перевод «завтра стану» (кипарисом), раскрывающий ситуацию. Закономерно, что, прибегая к форенизации, переводчик исключает «тождество формы» и объяснение переносит в комментарий.

Наименования растений, присутствующие в *хайку*, закономерно объединить термином «фитолексика» [18, с. 35], но очевидно, что все они не могут быть отражены в переводе. Перед переводчиком встает не проблема непереводимости, а возникают требования художественной речи в поэтическом тексте, и он должен выбрать оптимальный вариант.

Вывод. Поэзия *хайку* обладает исключительной лапидарностью стихового поля – семнадцать слогов, чем вызвана автономность ее прочтения и толкования. Омонимическая метафоричность способна расширить узкое пространство стиха, чем переводчик воспользовался, стараясь сохранить максимум как содержания, так и формы источника.

Мацуо Басё

此道や行人なしに秋の暮 [2, с. 265].

Коно мити я / Юку хито наси ни / Аки но курэ (1694).

В. Н. Маркова

О, этот долгий путь!

Сгущается сумрак осенний,

И – ни души кругом [3, с. 159].

Стихотворение написано в год кончины поэта, оно подводит итог творчеству Басё и сопровождается предисловием «Размышление в пути». Кагами Сико (1665–1731), ученик поэта, разъясняет, что речь идет не только о действительном пути, который видишь перед глазами, но и о том пути, которому следуешь в душе [2, с. 265]. Раздумья Басё об одиноком пути в искусстве выливаются в осознание жизненного странствия.

В строке «О, этот долгий путь!» переосмысливается значение частицы «я» – «отсекающего слова» в японском тексте, она уже передается как выражение яркого эмоционального всплеска (!), усиленного междометием (о). Басё воплотил в этом *хайку* мысль об одиночестве гения, которому не с кем «говорить об искусстве» в завершение жизненного пути. Он выразил переживание разлада в сообществе учеников [19, с. 211]. Басё обращается к образности китайской поэзии, созвучной его настроениям. *Хайку* соотносится со строками стихотворения Гэн Вэя (яп. Кои, род. в 734 г.) «Осенние дни»:

Пришла печаль – и не с кем поговорить.

На этой старой дороге редко встретишь путника [20, с. 131].

Добавленная лексика «долгий», «сгущается», расширяющая смысл *хайку*, адекватно воссоздает замысел автора. Фразеологизм «ни души» содержит экспрессивный мотив доверительного разговора, и *хайку* предстает внутренним монологом странствующего поэта.

Вывод. В пути Басё размышляет об одиночестве, ставшем условием постижения сути бытия и мудрой согласованности с природой. На творческой стезе он не видит никого, кто стал бы преемником, продолжателем его дела. Сложное переплетение мотивов *хайку* находит в переводе адекватное воплощение благодаря точному следованию семантике оригинала и ее свободной интерпретации средствами языка-реципиента.

Заключение

Поэзия *хайку*, являясь символом высококонтекстной японской культуры, требует от переводчика таких обширных фоновых знаний, как дзэн-буддийские истоки эстетики и поэтики Мацуо Басё, история традиционной японской литературы и китайской словесности, этнокультурологические свидетельства.

В переводах трехстиший обнаружено различное применение техники адаптации иноязычного материала. В интересах доместикации переводчик учитывает реминисцентные свойства текста как аллюзивного конструкта. Кроме того, он прибегает и к форенизации, достигая дуализма переводческих стратегий. Введение дополнительной лексики в качестве средства передачи скрытой семантики опи-

рается на знание философско-эстетических основ малом, вечное – в преходящем и создается образ искусства *хайку*, в котором великое заключается в деполярного мироздания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sato Eriko, Cloper Leslie. Constraint-Based Approach to Translation Studies // *Lingua et Linguistica*, 1.2. 2007. P. 215–232. URL: <https://books.google.ru/books?id=72wo1wtuWtUC&pg=PA215&lpg=PA215&dq=#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 18.02.2023).
2. 松尾芭蕉集 // 日本古典文学全集 41. 東京：小学館, 1972. Мацуо Басё. Собрание сочинений // Полное собрание традиционной японской литературы. Токио: Сёгакукан, 1972. Т. 41. 609 с.
3. Басё. Стихи / пер. с яп. В. Марковой. М.: Художественная литература, 1985. 223 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. 藤原定家全歌集 上. 東京: 筑摩, 2017. Фудзивара Тэйка. Полное собрание стихотворений. Токио: Тикума, 2017. Т. 1. 740 с.
6. 歌論集 // 日本古典文学全集 50. 東京：小学館, 1975. Собрание трактатов о поэзии танка // Полное собрание традиционной японской литературы. Токио: Сёгакукан, 1975. Т. 50. 637 с.
7. Basho. *The Narrow Road to the Deep North and Other Travel Sketches*. Norwich: Kodansha, 1972. 187 p.
8. Ямато моногатари. М.: Наука, 1982. 232 с.
9. Бреславец Т. И. Мацуо Басё. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. 278 с.
10. Синкокинсю: Японская поэтическая антология XIII века / пер. с яп. И. А. Борониной. М.: Корал Клаб, 2001. Т. 2. 464 с.
11. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
12. 萩原朔太郎. 詩の翻訳について. Хагивара Сакутаро. О переводе поэзии. URL: <https://www.aozora.gr.jp/cards/000067/card48341.html> (дата обращения: 18.02.2023).
13. Зиновьева Е. И. Культурная значимость орнитонима в аспекте лексикографического представления // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 36–51.
14. Тропкина Н. Е., У Хань. Образ ворона в китайской и русской поэзии // Известия Волгоград. ГПУ. 2014. Вып. 7. С. 124–129.
15. Японская любовная лирика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 333 с.
16. 阿部喜三男. 松尾芭蕉. 東京：吉川弘文館, 1997. Абэ Кимио. Мацуо Басё. Токио: Ёсикава-кобункан, 1997. 244 с.
17. Кужель Ю. Л., Бреславец Т. И. Необычные скульптуры буддийских божеств Японии в ореоле легенд и реалий // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 72–81. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-10-72-81
18. Алешина Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 2: Филология. С. 34–37.
19. 饗庭孝雄. 芭蕉. 東京：集英社, 2001. Аэба Такао. Басё. Токио: Сюэйся, 2001. 262 с.
20. Бреславец Т. И. Поэзия Мацуо Басё. М.: Наука, 1981. 152 с.

References

1. Sato Eriko, Cloper Leslie. Constraint-Based Approach to Translation Studies. *Lingua et Linguistica*, 1.2. 2007. P. 215–232. URL: <https://books.google.ru/books?id=72wo1wtuWtUC&pg=PA215&lpg=PA215&dq=#v=onepage&q&f=false> (accessed 18 February 2023).
2. Matsuo Basho. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. Nihon koten bungaku zenshu. Tokyo, Shogakukan Publ., 1972. Vol. 41. 609 p.
3. Basho. *Stikhi*. Perevod s yaponskogo [Poetry. Trans. from Japanese by V. Markova]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985. 223 p. (in Russian).
4. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow, Vyssh. shkola Publ., 1990. 253 p. (in Russian).
5. Fujiwara Teika. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Tokyo, Chikuma Publ., 2017. Vol. 1. 740 p.
6. *Sobraniye traktatov o poezii tanka* [Collection of treatises on tanka poetry]. Nihon koten bungaku zenshu. Tokyo, Shogakukan Publ., 1975. Vol. 50. 637 p. (in Japanese).
7. Basho. *The Narrow Road to the Deep North and Other Travel Sketches*. Norwich, Kodansha Publ., 1972. 187 p.
8. *Yamato monogatari*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 232 p. (in Russian).
9. Breslavets T. I. *Matsuo Basho*. Vladivostok, Far Eastern Federal University Press, 2021. 278 p. (in Russian).
10. *Sinkokinsyu: Yaponskaya poeticheskaya antologiya XIII veka* [Shinkokinshu. Japanese poetic anthology of the 13th century]. Trans. from Japanese I. A. Boronina. Moscow, Koral Club Publ., 2001. Vol. 2. 464 p. (in Russian).
11. Nelyubin L. L. *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Dictionary of Translation]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 320 p. (in Russian).

12. Hagiwara Sakutarō. *O perevode poezii* [On the translation of poetry] (in Japanese). URL: <https://www.aozora.gr.jp/cards/000067/card48341.html> (accessed 18 February 2023).
13. Zinov'yeva Ye. I. Kul'turnaya znachimost' ornitonima v aspekte leksikograficheskogo predstavleniya [Cultural significance of the ornithonym in the aspect of lexicographic representation]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2016, no. 2 (50), pp. 36–51 (in Russian).
14. Tropkina N. E., Wu Han. Obraz vorona v kitayskoy i russkoy poezii [The image of a raven in Chinese and Russian poetry]. *Izvestiya VSPU – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2014, no. 7, pp. 124–129 (in Russian).
15. *Yaponskaya lyubovnaya lirika* [Japanese love lyrics]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1999. 333 p. (in Russian).
16. Abe Kimio. *Matsuo Basyo* [Matsuo Bashō]. Tokyo, Yoshikawa-Kobunkan Publ., 1997. 244 p.
17. Kuzhel' Yu. L., Breslavets T. I. Neobychnnyye skul'ptury buddiyskikh bozhestv Yaponii v oreole legend i realiy [Unusual sculptures of Buddhist deities of Japan in the halo of legends and realities]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 10, pp. 72–81 (in Russian).
18. Aleshina Ye. K. Issledovaniye naimenovaniy rasteniy i natsional'naya yazykovaya kartina mira: k postanovke problemy [Research of plant names and national language picture of the world: to the formulation of the problem]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2009, vol. 8, no. 2, pp. 34–37 (in Russian).
19. Aeba Takao. *Matsuo Basyo* [Matsuo Bashō]. Tokyo, Shuseisha Publ., 2001. 262 p.
20. Breslavets T. I. *Poeziya Matsuo Basyo* [Poetry of Matsuo Bashō]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 152 p. (in Russian).

Информация об авторах

Бреславец Т. И., кандидат филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет (Русский остров, Аякс, 10, 20D, Владивосток, Россия, 690922).

Воробьева Н. А., кандидат экономических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (Русский остров, Аякс, 10, 20D, Владивосток, Россия, 690922).

Кужель Ю. Л., доктор искусствоведения, профессор, Московский государственный университет спорта и туризма (Кронштадтский бульвар, 43а, Москва, Россия, 125499).

Information about the authors

Breslavets T. I., Candidate of Philological Sciences, Professor, Far Eastern Federal University (Ayaks, 20D, 10, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, 690922).

Vorobeveva N. A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (Ayaks, 20D, 10, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, 690922).

Kuzhel' Yu. L., Doctor of Art Criticism, Professor, Moscow State University for Sports and Tourism (Kronshtadtskiy bul'var, 43a, Moscow, Russian Federation, 125499)

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 15.03.2023; accepted for publication 25.05.2023

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-35-42>

Образ-схема «пространство» как семантическое основание в терминообразовании (на материале русской терминологии юриспруденции)

Елена Васильевна Цуканова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия;
Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия,
tsukanova@lib.tsu.ru*

Аннотация

Рассмотрена специфика концептуальных метафор структурированных образной схемой ПРОСТРАНСТВО на примере русской терминологии юриспруденции.

Цель работы заключается в установлении пространственных конфигураций (траекторий), задействованных в концептуальном моделировании русских метафорических терминов юридической сферы, и выявлении структур пространственных образ-схем, задействованных при концептуализации абстрактных концептов (доменов) сферы юриспруденции в концептуальных метафорических терминах.

Устанавливаются пространственные траектории, конфигурации, наиболее активно задействованные в метафорическом моделировании терминологии области юриспруденции. Выявляется специфика концептуализации русских юридических метафорических терминов.

В ходе анализа обнаружено, что наиболее задействованными пространственными траекториями (структурами) выступают: ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА, ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ, ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ. Обнаруженные образ-схемы структурируют: путь и траекторию (ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ), размер объекта с динамической трансформацией (ШКАЛА), препятствия при движении в пространстве (РАЗДЕЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА), идентичность (ЛОКАЛИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ), состояние (ВМЕСТИЛИЩЕ), масштаб (РАССТОЯНИЕ), осознанность в пространстве (РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЪЕКТУ). Разноплановость структурирования сферы права достигается за счет высвечивания разных аспектов ПРОСТРАНСТВА при метафоризации.

Специфика пространственной концептуализации юридических метафорических терминов проявляется в аспекте содержания и структурирования. Содержательно юридические метафорические термины описывают юридические события. Действия в юридическом дискурсе концептуализируются метафорически через перемещение в пространстве и структурируются с помощью образ-схем. Данный факт объясняет разнообразие траекторий при высвечивании пространственных конфигураций.

Абстрактными концептами правовой сферы, на которые проецируются пространственные конфигурации, выступают: ПОРУЧЕНИЯ/ОБЯЗАТЕЛЬСТВА/ПОЛНОМОЧИЯ и их ПРЕДЕЛЫ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, СУБЪЕКТ МАТЕРИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ и ДЕЙСТВИЕ ЗАКОНА ВО ВРЕМЕНИ.

Образ-схемы ПРОСТРАНСТВА активно задействованы при концептуализации событий, объектов, процессов институционального профессионального дискурса сферы юриспруденции и обнаружены во всех отраслях права. Наиболее задействованными пространственными структурами выступают: путь, траектория, размер объекта, динамика трансформации, препятствия движению, идентичность, состояние, масштаб.

Ключевые слова: пространство, юридический метафорический термин, образ-схема

Для цитирования: Цуканова Е. В. Образ-схема «пространство» как семантическое основание в терминообразовании (на материале русской терминологии юриспруденции) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 35–42. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-35-42>

APPLIED LINGUISTICS

Image-scheme “space” as a semantic foundation in term formation (on the russian legal terminology material)

Elena V. Tsukanova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, tsukanova@lib.tsu.ru

Abstract

The specifics of conceptual metaphors of the Russian legal terminology structured with SPACE image-schema is being investigated and analyzed.

The aim of the article is to establish spatial configurations (trajectories) involved in the conceptual modeling of the Russian legal metaphorical terms and to identify the structures of spatial image-schemas involved in the conceptualization of the abstract concepts (domains) of the conceptual legal metaphorical terms.

Spatial metaphorical projections (cognitive mapping) involved in the metaphoric modeling of Russian legal terminology are established. The specificity of the Russian legal metaphorical terms conceptualization is determined.

The most frequently involved spatial structures are: SPACE ARRANGEMENT, MOVEMENT IN SPACE, POSITION IN SPACE. The detected image-schemes structure: path and trajectory (SOURCE – PATH – GOAL), the size of an object with dynamic transformation (SCALE), obstacles when moving in space (RESTRAINT), identity (LOCALIZATION), state (CONTAINER), scale (DISTANCE), awareness (LOCATION in RELATION to OBJECT).

The specificity of spatial conceptualization of legal metaphorical terms is revealed through the aspect of content and structure. In terms of the content aspect, legal metaphorical terms describe legal events. Actions in legal discourse are conceptualized metaphorically through movements in space and structured via image schemes. This fact explains the variety of trajectories highlighted in spatial configurations.

Abstract concepts of the legal sphere on which spatial configurations are projected are: ASSIGNMENTS/OBLIGATIONS/POWERS and their LIMITS, INSTITUTIONAL COMMUNICATION, the SUBJECT OF MATERIAL RELATIONS and LAW FULFILLMENT in TIME

The investigated configurations of spatial conceptualization with the help of image schemes in metaphorical modeling of the terminology of the legal sphere structure the sphere of law in a diverse way, highlighting different aspects of SPACE within metaphorization. The active structures are path, trajectory, size of the object, dynamics of transformation, obstacles to movement, identity, state, scale, awareness in space, vertical orientation. Spatial image – schemes are involved in the conceptualization of events, objects, processes of the institutional professional discourse of the legal sphere and may be found in all branches of law.

Keywords: *space, legal metaphor term, image schema*

For citation: Tsukanova E. V. *Obraz-skhemata “prostranstvo” kak semanticheskoye osnovaniye v terminoobrazovanii (na materiale russkoy terminologii yurisprudentsii [Image-scheme “space” as a semantic foundation in term formation (on the russian legal terminology material)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2023, vol. 4 (228), pp. 35–42 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-35-42>*

Введение

В современной когнитивной лингвистике область «пространство» выступает одной из наиболее часто исследуемых понятийных сфер. Актуальность исследований репрезентации категории пространства в лингвокогнитивном аспекте объясняется тем, что пространственные категории являются основополагающими для сознания человека: именно пространственная модель лежит в основе восприятия действительности и формирования знаний о полученном опыте взаимодействия с окружающим миром. Сенсомоторный опыт взаимодействия со средой, приобретаемый в раннем детстве, первичен для человеческого сознания. Именно поэтому он способствует в дальнейшем выработке базовых понятий, которые связаны с

движением, пространством, чувственным восприятием и выступают основой для осмысления сложных абстрактных понятий [1, с. 73; 2, 3]. Исследования категории пространства в когнитивном аспекте отражены в работах многих авторов. Дж. Лакофф и М. Джонсон рассматривают пространство через призму ориентационных метафор [2], R. W. Langacker анализирует семантику приставок и предлогов с пространственными значениями [3], L. Talmy вводит понятие четырех «систем визуализации» (imaging systems), которые не зависят друг от друга, но каждая из которых задает определенное концептуальное измерение остальным [4]. Каждая из систем имеет в своем арсенале ряд альтернативных структурных характеристик (конфигураций), которые выбирает говорящий при концептуа-

лизации определенной сцены (события). Системы соотносятся с геометрией, с «точкой перспективы» (perspective point), проецированием мысленного взгляда (mental eyes) на событие, с «распределением внимания» (distribution of attention/рассеянность) к референтному событию с ракурса установленной «точки перспективы» (perspective point) и с «динамикой силы» (force dynamics), где актуализируются способы взаимодействия объектов относительно силы и сопротивления [4, с. 256].

Достаточно последовательно обращаются к этой категории и российские исследователи. В. И. Карасик указывает на автоматический характер наличия бинарной оппозиции концепта «пространство» [5]. Н. Н. Болдырев показывает, что в языке пространство может быть репрезентировано с позиции субъекта и объекта, при этом концептуализация пространства может не совпадать [6, с. 11].

Базовость этой категории проявляется в том, что она репрезентирована в самых разных дискурсивных областях, в том числе и в научном дискурсе. Н. А. Мишанкина в аспекте моделирования ментального пространства научного текста с помощью концептуальных метафорических моделей указывает на очевидную распространенность структурных метафор, которые, структурируя «абстрактную область организации знака», высвечивают «пространственные признаки объекта», расположение в пространстве, конфигурацию и наличие или отсутствие движения, действия [7, с. 212]. Кроме этого, автор посвящает раздел монографии пространственному моделированию в научном дискурсе [8]. А. N. Antle и соавт. фокусируют интерес на пространственных образных схемах баланса (balance image schemas), которые, по их мнению, особенно активно задействованы при концептуализации абстрактных концептов, таких как *психологические состояния, математика, социальная справедливость и законодательная система*. Например, при концептуализации *социальной справедливости* мы сталкиваемся с балансом *прав и обязанностей, привилегий и нанесенного ущерба*, которые размещаются на чашу весов и метафорически перевешивают или имеют наибольшую силу воздействия [9]. Пространственно-объектному моделированию академического дискурса социальной психологии посвящена работа А. Р. Рахимовой [10].

А. Philippopoulos-Mihalopoulos анализирует сферу юриспруденции через пространственный опыт человека, указывая на факт трансформации правового знания через телесный опыт (embodied experience). По его мнению, схема «пространство – человек» выступает определяющей для концептуализации знания правовой сферы [11, с. 10].

S. Larsson указывает на невозможность избежать пространственной ориентации при концептуализации сферы закона. Независимо от географической и исторической юрисдикции универсальным остается репрезентация права через вертикаль и расположение *над* (uplifted) людьми, в то время как последние подпадают *под* (under) действие закона, что объясняется устоявшейся метафорой *control is up* (контроль-верх), в которой контроль концептуализируется через ориентацию человека в пространстве. Закон репрезентирован как вертикальная категория, сфера (area) и объект в пространстве, воплощенный через метафорические модели «закон-путь» (law is a path), «контроль-верх» (control is up). Автор через инструмент Ngram Viewer, который отражает шкалу частотности использования выражения в заданный временной период, делает заключение об устойчивости определенных концептуальных метафор, что дает ему в том числе основание судить об универсальности и культурной специфичности пространственной метафорической модели независимо от географии юрисдикции [12]. Исходная понятийная область ПРОСТРАНСТВО активно задействована при концептуализации следующих абстрактных понятий: *эмоциональная валентность* (emotional valence) [13], *родство* (kinship) [14], *музыкальная высота тона* (musical pitch) [15], *сходство* (similarity), *предпочтения* (preference) [16, 17, 18], *близость* (intimacy) [19], *социальное доминирование* (social dominance) [20].

Исследуя русскую метафорическую терминологию сферы юриспруденции, мы установили, что метафорическая модель ПРОСТРАНСТВО выступает одной из трех, включая ЧЕЛОВЕК и ОБЪЕКТ, наиболее последовательно задействованных в терминообразовании. Цель данной статьи – установление пространственных конфигураций (траекторий), задействованных в концептуальном моделировании русских метафорических терминов юридической сферы, и выявление структур пространственных образ-схем, задействованных при концептуализации абстрактных концептов (доменов) сферы юриспруденции в концептуальных метафорических терминах. Для достижения поставленной цели рассмотрим понятие образ-схемы, подходы к механизмам структурирования пространственных конфигураций (траекторий) и их типологизацию.

Материал и методы

Концептуальная метафора представляет собой систематический набор соответствий (correspondence) [21, с. 2] или отражений (mapping) [2] между двумя доменами опыта. Систематическое проецирование определенных доменов источников на определенные домены цели представляет собой не

хаотичные проекции, а иерархически организованную систему концептуальных метафор [21, с. 12]. Например, в систему простых иерархий (straightforward hierarchies) входят концепты определенного конкретного (specific-level) уровня концептуальных метафор общего уровня (generic-level).

Каждая пространственная сцена имеет фиксированную форму структуры, что выступает главной характеристикой пространственной системы языка [4, с. 229].

Основу понятийной системы человека в аспекте когнитивной лингвистики составляют образ-схемы (image schema). Понятие было введено М. Джонсоном и Дж. Лакоффом [2, 22, 23] в первую очередь для того, чтобы подчеркнуть (выделить) телесную, сенсомоторную природу структур концептуализации и рассуждений. Авторы определяют образ-схемы (image schema) как повторяющиеся паттерны сенсомоторного опыта взаимодействия организма (человека) с окружающей средой, который задействован в структурировании абстрактных концептов (доменов) [2, с. 11]. В рамках когнитивной теории метафоры обобщенный опыт практической жизни человека проецируется в области источника (source domain), в которой знания структурируются в виде «схем образов» (image schemas). Образно-схематические модели специфицируют такие схематические образы, как *траектории*, *тонкие, длинные формы* или *вместилища* [22, с. 156]. Вместилище выступает индикатором внутренней и внешней среды, устанавливая границу между ними, определяя базовое значение между *в* и *из*. Например, состояния мы понимаем как вместилища: *прийти в себя, упасть в обморок* [24, с. 346–347].

Beate Hampe, J. E. Grady [25, с. 2], сравнивая монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [22, 23] о критериях к определению образ-схемы, выводят следующие заключения:

- образ-схемы выступают как напрямую наполненные смыслом (эмпирическим/воплощенным через телесный опыт) предконцептуальные структуры, которые возникают исходя из повторяющихся взаимодействий человека, его телодвижений в пространстве и перцептивных взаимодействий через способы манипулирования объектами или основаны на них;

- образ-схемы – это очень схематичные гештальты, которые фиксируют структурные контуры сенсомоторного опыта, интегрируя информацию из множества модальностей;

- образ-схемы существуют как непрерывные и аналоговые паттерны вне осознанности, первичны и независимы от других концептов;

- образ-схемы как гештальты одновременно внутренне структурированы, т. е. состоят из очень

небольшого числа связанных частей, и очень гибки. Гибкость проявляется в многочисленных трансформациях, которым они могут подвергаться в различных контекстах, все из которых базируются на принципах восприятия (гештальт) [25, с. 1–2].

Несмотря на независимость образ-схем от концептов, пространственная концептуализация структурирует и оказывает влияние на контекстные пространственные конфигурации.

Материалом нашего исследования послужил метафорический фрагмент терминосистемы юриспруденции с исходной понятийной областью ПРОСТРАНСТВО в объеме 243 метафорических терминов.

Исследование базируется на синтезе методологий, нацеленных на выявление устойчивых пространственных метафорических проекций, задействованных в концептуальном моделировании русских метафорических терминов юридической сферы, и установление специфики структурирования абстрактных концептов (доменов) в концептуальных метафорических терминах, структурированных образ-схемой ПРОСТРАНСТВО, который включает: теорию концептуальной метафоры, которая позволяет установить систематический набор отражений (mapping) при пространственной концептуализации [2]; классификацию образ-схем (image schemas) М. Джонсона [2, 22, 26] при установлении ориентационных траекторий, расширенную теорию метафоры (Extended Conceptual Metaphor Theory) [21], устанавливающую иерархичность уровней организации знаний: образ-схема (image schema), домен (domain), фрейм (frame) и ментальное пространство (mental space) – и устанавливающую когерентность/последовательность (coherent organization) организации опыта человека.

Результаты и обсуждение

Первоначальная идентификация образ-схемы произошла на основании кросс-лингвистического анализа концептов движения и пространственных отношений. Наиболее широко представленный перечень образ-схем мы обнаруживаем в работе Beate Hampe, J. E. Grady [25, с. 4]. Т. С. Clausner, W. Croft ранжируют траектории из перечня по группам: SPACE (ПРОСТРАНСТВО), SCALE (ШКАЛА), CONTAINER (ВМЕСТИЛИЩЕ), FORCE (СИЛА), UTILITY/MULTIPLICITY (ЕДИНСТВО/МНОЖЕСТВЕННОСТЬ), IDENTITY (ИДЕНТИЧНОСТЬ), EXISTENCE (СУЩЕСТВОВАНИЕ) [27, с. 15].

В ходе анализа эмпирического материала в рамках поставленной цели были выявлены следующие образ-схемы: ПУТЬ/ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ (PATH/SOURCE – PATH – GOAL), КОНТЕЙНЕР

(CONTAINER), РАЗДЕЛЕНИЕ (SPLITTING) [4, 22–25, 27], МАСШТАБ/ШКАЛА (SCALE), БЛИЖНИЙ – ДАЛЬНИЙ (NEAR – FAR) [22, 23], ПЕРЕМЕЩЕНИЕ/ПЕРЕДВИЖЕНИЕ (LOCOMOTION) [22].

Наибольшее количество метафорических терминов (90) репрезентируют образ-схему ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ. Данная образ-схема структурируется с помощью гештальтов «путь» и «траектория». Достижение цели концептуализируется как движение от исходного пункта к конечному. Данная образ-схема структурирует «составные события» [22, с. 358], связанные с перемещениями в пространстве, которыми изобилует юридический дискурс: *прибегать к репрессалиям, прибегать к войне, бегство от правосудия, вступать в противоречие*. В этом случае может фокусироваться любой из компонентов схемы. Направление движения может быть как вертикальным, так и горизонтальным, «при этом семантика глагольных приставок конкретизирует перемещения в соответствии с фазами и направлениями, актуализирует слот «направление» [28, с. 84]. В качестве специфики пространственного моделирования юридической терминологии можно констатировать слабую маркированность перемещения в вертикальном направлении. Стоит отметить сложность структур, задействованных при горизонтальном направлении, которые связаны с рекурсивным движением или пересечением траекторий: начало движения (*выходное пособие, выходить на свободу*) – процесс движения в одном направлении (*в ходе совершения преступления*); в противоположных направлениях (*обратная уступка*); пересечение траекторий (*встречный иск*) – цель (*вступить в законную силу*).

Следующей по частотности выступает образ-схема ЧАСТЬ ПРОСТРАНСТВА, представленная 66 метафорическими терминами: *закрытое заседание, разбирательство при закрытых дверях, закрывать счет, открытый реестр, ссуда без покрития*. Аспект доступности, маркирующий части пространства, выступает наиболее актуализированным. В области юридических понятий концептуализируется именно закрытость или открытость части пространства.

Образ-схема РАЗМЕР представлена 25 терминами: *широкие возможности, низкая рентабельность, высокая ставка, повышать жалование*. Данная образ-схема структурируется по модели ШКАЛА (SCALE), при которой высвечивается размер объекта – от маленького до большого, допускающая динамическую трансформацию, например: *повысить голос, повышение качества*. В отличие от образ-схемы ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ в данном случае в равной степени концептуализиру-

ется как горизонтальная, так и вертикальная направленность. В этом случае актуализируется и схема ВЕРХ – НИЗ: *снизить курс валюты, низкая рентабельность, нижняя палата*. Самой немногочисленной образ-схемой выступает схема РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ВЕРТИКАЛИ, которая актуализирует вертикальную ориентацию: *уровень жизни, уровень преступности, производства*.

Следующие образ-схемы представлены одинаковым количеством метафорических терминов (16).

РАЗДЕЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА: *ограниченная вменяемость, ограничивать свободу слова, предельная сумма бюджета, действовать в пределах полномочий*. Данная модель воплощена через схемы СИЛЫ (FORCE): БЛОКИРОВКА (BLOCKAGE), ВОЗМОЖНОСТЬ (ENABLEMENT), ОГРАНИЧЕНИЕ (RESTRAINT), структура которой, предполагает затруднения при перемещении в пространстве, обусловленные какими-то внешними силами. Образ-схема ЛОКАЛИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ выступает как самая абстрактная и, как правило, представлена в значении лексем *находится под, положение и позиция: находится под следствием, находится под присягой, оставаться в силе, социальное положение, безвыходное положение, позиция защиты/обвинения, правовое положение, нелегальное положение*, которые могут быть соотнесены с группой IDENTITY (ИДЕНТИЧНОСТЬ), EXISTENCE (СУЩЕСТВОВАНИЕ). Фреймовые структуры вовлекаются в моделирование семантики только при условии конкретизации, определяя, какой именно параметр задействован. В случае же общего обозначения локализации «задействованной» остается только образ-схема.

Образ-схема ВМЕСТИЛИЩЕ актуализирует структуру состояния и представлена 12 метафорическими терминами: *убийство в состоянии аффекта, впадать в панику, член кабинета министров, держаться в рамках закона*.

Образ-схема РАССТОЯНИЕ структурируется схемой МАСШТАБ/ШКАЛА (SCALE), БЛИЖНИЙ – ДАЛЬНИЙ (NEAR – FAR), представлена четырьмя метафорическими терминами: *близкий контакт, отдаленный срок исполнения, далекий предок*.

Образ-схема РАСПОЛОЖЕНИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЪЕКТУ представлена четырьмя терминами: *срок содержания под стражей, под расписку*, которые актуализируют осознание в пространстве с помощью схем КОНТАКТ (CONTACT), СВЯЗЬ (LINK), предполагающих расположение двух объектов, в том числе абстрактных, в пространстве. Соотнесенность с объектом уточняется семантикой предлога – находится под другим

объектом и, следовательно, быть ограниченным в передвижении.

Представленные примеры позволяют установить базовые домены пространственных метафорических терминов сферы юриспруденции, а именно ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА – 128 терминов, ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ – 80 терминов, ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ – 35 терминов.

Конфигурации ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ задействованы при концептуализации таких абстрактных юридических концептов (доменов), как *институциональная коммуникация, организационно-правовая форма правомочий, действие (закона во времени), положение, предел деятельности* и др.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ структурирует такие абстрактные концепты (домены), как возраст субъекта правоотношений, достижение социального статуса, предел деятельности, способ политического регулирования и др.

На основе структуры ПОЛОЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ концептуализируются абстрактные концепты (домены): *обязанность по отношению к гражданам, предел деятельности, реализация событий правового дискурса, статус* и др.

ПРОСТРАНСТВО активно задействовано при структурировании абстрактных правовых концептов терминологии. Гибкость пространственных паттернов проявляется в разнообразии пространственного размещения объектов, субъектов, предполагая местоположение в неподвижном состоянии, траекторию передвижения, пространственную ориентацию. Специфика пространственной концептуализации юридических метафорических терминов проявляется в аспекте содержания и структурирования. Содержательно юридический дискурс изобилует терминами, описывающими юридические события, а действия в свою очередь, как правило, метафорически концептуализируются через перемещение в пространстве, которые зачастую структурируются с помощью образ-схем.

Данный факт объясняет разнообразие траекторий при высвечивании пространственных конфигураций.

Заключение

Пространство как домен-источник в когнитивной метафоре выступает активно задействованной категорией. Через призму осмысления пространственных категорий в метафоре мы получаем возможность углубиться в процесс преобразования знаний при концептуализации абстрактных юридических понятий. Характеристики абстрактных понятий, эксплицированные метафорически в терминах, основываются на человеческом осмыслении опыта, его перцепции, а не выступают в качестве первостепенных, изначально заданных. Таким образом, анализ образ-схем со сферой ПРОСТРАНСТВО обнаруживает те значимые пространственные ориентации, которые актуальны при концептуализации абстрактных юридических концептов. Физическое взаимодействие человека с окружающим миром осуществляется через призму пространственного обнаружения (расположения), и схемы образов (image schemas) выступают в роли простых когнитивных структур, которые воспроизводимы на регулярной основе в процессе физического взаимодействия человека с окружающим миром.

Рассмотренные траектории и конфигурации пространственной концептуализации с помощью образ-схем при метафорическом моделировании терминологии сферы юриспруденции разнопланово структурируют сферу права, высвечивая при метафоризации разные аспекты ПРОСТРАНСТВА. Активными структурами выступают *путь, траектория, размер объекта, динамика трансформации, препятствия движению, идентичность, состояние, масштаб, осознанность в пространстве*. Пространственные образ-схемы задействованы при концептуализации событий, объектов, процессов институционального профессионального дискурса сферы юриспруденции и могут быть обнаружены во всех отраслях права.

Список источников

1. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 256 с.
2. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Langacker R. W. The Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 516 p.
4. Talmy L. How language structures space. Spatial orientation. Theory, Research, and Application. New York, London: Plenum press, 1983. P. 225–282.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Болдырев Н. Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 212–217.
7. Мишанкина Н. А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 297. С. 7–11.

8. Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
9. Antle A. N., Corness G., Bevans A. Springboard: Designing Image Schemas Based Embodied Interaction for an Abstract Domain // England D. (ed.) *Whole Body Interaction, Human-Computer Interaction Series*. Springer-Verlag London Limited. 2011. P. 7–18.
10. Рахимова А. Р. Метафорическое моделирование социализации человека в академическом дискурсе социальной психологии (на основе представления о местоположении в пространстве) // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2017. № 423. С. 41–49.
11. Philippopoulos-Mihalopoulos A. *Flesh of the Law: Material Legal Metaphors*. Journal of Law and Society. 2016. Vol. 43, № 1. *Law's Metaphors: Interrogation Languages of Law, Justice, and Legitimacy*. P. 45–65.
12. Larsson S. *Conceptions in the code. The Embodied Law*, Oxford University Press, 2017. P. 55–78.
13. Meier B. P., Robinson M. D. Why the sunny side is up. Associations between affect and vertical position // *Psychological Science*. 2004. Vol. 15. P. 243–247.
14. Enfield N. F. The body as a cognitive artifact in kinship representations // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46 (1). P. 51–81.
15. Rusconi E., Kwan B., Giordano B., Umiltà C., Butterworth B. Spatial representation of pitch height: The SMARC effect // *Cognition*. 2006. Vol. 99. P. 113–129.
16. Grady J. E. *Foundation of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes*. Berkley: UC Berkley, 1997. P. 55–78.
17. Casasanto D. Similarity and proximity: When does close in space mean close in mind? // *Memory & Cognition*. 2008a. Vol. 36 (6). P. 1047–1056.
18. Casasanto D. Embodiment of abstract concepts: Good and bad in right- and left-handers // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2009a. Vol. 138 (3). P. 351–367.
19. Williams L. E., Bargh J. A. Keeping one's distance: The influence of spatial distance cues on affect and evaluation // *Psychological Science*. 2008. Vol. 19. P. 302–308.
20. Schubert T. Your highness: Vertical positions as perceptual symbol of power // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 89 (1). P. 1–21.
21. Kövecses Z. *Extended conceptual metaphor theory*. Cambridge university press, 2020. 210 p.
22. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: The University of Chicago Press, 1987. 632 p.
23. Johnson M. *The body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University Chicago Press, 1987. 272 p.
24. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // *Современная американская лингвистика: фундаментальные направления*. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. М., 2002. С. 340–369.
25. Beate Hampe, Grady J. E. *From Perception to Meaning: Image Schemas* // R. Driven, R. W. Langacker, J. R. Taylor. *Cognitive Linguistics*, Mouton de Gruyter. Berlin, New York, 2005. 501 p.
26. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor* // A. Ortony (ed.). *Metaphor and Thought*. Second ed., Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1992. P. 202–251.
27. Clausner T. C. and Croft W. *Domains and image schemas* // *Cognitive Linguistics*. 1999. Vol. 10-1, Walter de Gruyter. P. 1–31.
28. Мишанкина Н. А. Представления о перемещении в пространстве как исходная понятийная область в русском метафорическом терминологическом образовании // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2019. № 61. С. 70–97.

References

1. Skrebtsova T. G. *Kognitivnaya lingvistika: kurs lektsiy* [Cognitive linguistics. Course of lectures]. Saint Petersburg, Philology Faculty, Saint Petersburg State University Publ., 2011. 256 p. (in Russian).
2. Lakoff D., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by: translation from English]. Edited and prefaced by A. N. Baranov. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
3. Langacker R. W. *The Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites*. Stanford, Stanford University Press, 1987. 516 p.
4. Talmy L. *How language structures space. Spatial orientation. Theory, Research, and Application*. New York, London, Plenum press, 1983. P. 225–282.
5. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Person, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).
6. Boldyrev N. N. Otrazheniye prostranstva deyatelya i prostranstva nablyudatelya v vyskazyvanii [The depiction of the active actor space and observer space in the utterance interaction]. In: Arutyunova N. D., Levontina I. B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language.]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. Pp. 212–217 (in Russian).
7. Mishankina N. A. Mental'noye prostranstvo nauchnogo teksta: metaforicheskiye modeli [Mental space of scientific text: metaphor models]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 297, pp. 7–11 (in Russian).
8. Mishankina N. A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science; is it paradox or norm?]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2010. 282 p. (in Russian).

9. Antle A. N., Corness G., Bevans A. Springboard: Designing Image Schemas Based Embodied Interaction for an Abstract Domain. In: England D. (ed.) *Whole Body Interaction, Human-Computer Interaction Series*. Springer-Verlag London Limited, 2011. Pp. 7–18.
10. Rakhimova A. R. Metaforicheskoye modelirovaniye sotsializatsii cheloveka v akademicheskom diskurse sotsial'noy psikhologii (na osnove predstavleniya o mestopolozhenii v prostranstve) [Metaphor modeling of a human socialization in the academic discourse of social psychology, based on space orientation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2017, no. 423, pp. 41–49 (in Russian).
11. Philippopoulos-Mihalopoulos A. Flesh of the Law: Material Legal Metaphors. *Journal of Law and Society*, 2016, vol. 43, no. 1. Law's Metaphors: Interrogation Languages of Law, Justice, and Legitimacy. P. 45–65.
12. Larrson S. *Conceptions in the code. The Embodied Law*. Oxford University Press, 2017. Pp. 55–78.
13. Meier B. P., Robinson M. D. Why the sunny side is up. Associations between affect and vertical position. *Psychological Science*, 2004, no. 15, pp. 243–247.
14. Enfield N. F. The body as a cognitive artifact in kinship representations. *Current Anthropology*, 2005, no. 46 (1), pp. 51–81.
15. Rusconi E., Kwan B., Giordano B., Umiltà C., Butterworth B. Spatial representation of pitch height: The SMARC effect. *Cognition*, 2006, no. 99, pp. 113–129.
16. Grady J. *Edward. Foundation of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes*. Berkley, UC Berkley, 1997. Pp. 55–78.
17. Casasanto D. Similarity and proximity: When does close in space mean close in mind? *Memory & Cognition*, 2008, no. 36 (6), pp. 1047–1056.
18. Casasanto D. Embodiment of abstract concepts: Good and bad in right- and left-handers. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2009, no. 138 (3), pp. 351–367.
19. Williams L. E., Bargh J. A. Keeping one's distance: The influence of spatial distance cues on affect and evaluation. *Psychological Science*, 2008, no. 19, pp. 302–308.
20. Schubert T. Your highness: Vertical positions as perceptual symbol of power. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2005, no. 89 (1), pp. 1–21.
21. Kövecses Z. *Extended conceptual metaphor theory*. Cambridge university press, 2020. 210 p.
22. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago, The University of Chicago Press, 1987. 632 p.
23. Johnson M. *The body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, University Chicago Press, 1987. 272 p.
24. Chenki A. Semantika v kognitivnoy lingvistike [Semantics in cognitive linguistics]. In: Kibrik A. A., Kobozeva I. M., Sekerina I. A. (eds.) *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: Fundamental'nye napravleniya* [Modern American linguistics: Fundamental approaches]. Moscow, 2002. P. 340–369 (in Russian).
25. Beate Hampe, Grady J. E. From Perception to Meaning: Image Schemas. In: Driven R., Langacker R. W., Taylor J. R. *Cognitive Linguistics, Mouton de Gruyter*. Berlin, New York, 2005. 501 p.
26. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. In: A. Ortony (ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge and New York, Cambridge University Press, 1992. P. 202–251.
27. Clausner T. C., Croft W. Domains and image schemas. *Cognitive Linguistics*, 1999, vol. 10-1, pp. 1–31.
28. Mishankina N. A. Predstavleniya o peremeshchenii v prostranstve kak iskhodnaya ponyatijnaya oblast' v russkom metaforicheskom terminoobrazovanii [Issues on spatial movements as source domain in Russian term formation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2019, no. 61, pp. 70–97 (in Russian).

Информация об авторе

Цуканова Е. В., Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050); заведующая Международным ресурсным центром, Научная библиотека, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 34а, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Tsukanova E. V., National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050); Head of International Resource Center, Research Library of National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 34a, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 30.01.2023; accepted for publication 25.05.2023

Ксеногенность в русской архитектурно-дизайнерской терминологии

Нина Александровна Мацкевич¹, Ольга Григорьевна Щитова²

¹ *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия*

^{1,2} *Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск, Россия*

¹ *nina.a.matskevich@gmail.com*

² *shchitova2010@mail.ru*

Аннотация

Потребность общества в подготовке квалифицированных специалистов в области дизайна архитектурной среды послужила формированию данной сферы как профессиональной в XXI в. Появление новейших дизайнерских технологий и материалов приводит к заимствованию обозначений вместе с реалиями и опытом зарубежных дизайнеров. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью исследования иноязычной терминологии ввиду потребности профессионалов в ее унификации. Цель данной работы – описание явления ксеногенности в терминологии сферы «Дизайн архитектурной среды». Под ксеногенностью понимается наличие у языковой единицы формальной и/или семантической соотнесенности с эквивалентом иностранного языка.

Материалом для исследования послужили иноязычные наименования области «Дизайн архитектурной среды», выделенные из таких источников, как терминологические и энциклопедические словари, учебно-научная литература, профессиональные интернет-ресурсы. Методологической базой статьи являются общенаучные и лингвистические приемы описательного и лексикографического методов. Научная новизна работы заключается в том, что выявлены и проанализированы терминологические единицы иноязычного происхождения, не зафиксированные в лексикографических источниках, в научный оборот введены современные материалы профессионального интернет-дискурса.

В процессе исследования проанализированы архитектурно-дизайнерские термины, содержащие иноязычные компоненты, находящиеся на разных языковых уровнях: фонетико-графическом, морфемном, лексическом, синтаксическом – и выражающие разную степень ксеногенности. Термины с иноязычными элементами фонетико-графического и лексического уровней языка демонстрируют полную эксплицитную ксеногенность. Фонетико-графический уровень ксеногенности представлен иноязычными вкраплениями, лексические заимствования репрезентируют ксеногенность на лексическом уровне. Неполная ксеногенность выявляется на морфемном уровне в заимствованиях с частичной морфемной субституцией и в гибридах (словах, состоящих из элементов разного происхождения), а также дериватах, образованных на базе иноязычных единиц. ИмPLICITная ксеногенность встречается в неисконных архитектурно-дизайнерских терминах, появившихся в результате полного словообразовательного калькирования на лексическом уровне и фразеологического калькирования на синтаксическом уровне. Комплексная (эксплицитно-имплицитная) ксеногенность свойственна словообразовательным и фразеологическим полукалькам соответственно на лексическом и синтаксическом уровнях. В качестве иллюстраций ксеногенности разного типа приведены словарные статьи терминов профессиональной сферы «Дизайн архитектурной среды».

Выявлено, что языковые единицы в архитектурно-дизайнерской терминологии обладают ксеногенностью разного типа: эксплицитной (полной или неполной), имплицитной, а также комбинированной эксплицитно-имплицитной. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования ее материалов в лексикографической практике.

Ключевые слова: *архитектурно-дизайнерская терминология, дизайн архитектурной среды, заимствование, ксеногенность, русский язык*

Для цитирования: Мацкевич Н. А., Щитова О. Г. Ксеногенность в русской архитектурно-дизайнерской терминологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 43–51. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-43-51>

Xenogenicity in Russian architectural and design terminology

Nina A. Matskevich¹, Olga G. Shchitova²

¹ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

^{1,2} Tomsk State University of Architecture and Building, Tomsk Russian Federation

¹ nina.a.matskevich@gmail.com

² shchitova2010@mail.ru

Abstract

The need of society to train the qualified specialists in the field of architectural environment design serves to form this sphere as a professional one in 21st century. The emergence of the latest technologies and materials leads to the fact that many naming units of this field are borrowed with the culture-bound term and experience of foreign designers. The relevance of the work is the need of studying the foreign language terminology due to the professionals' necessity to unify it. The purpose of this work is to describe the phenomenon of xenogenicity in the terminology of "Design of architectural environment". Xenogenicity refers to the presence of a language unit of formal and/or semantic correlation with the equivalent of a foreign language.

The material for the study was the foreign-language namings of the field "Design of architectural environment", selected from such sources as terminological and encyclopedic dictionaries, educational and scientific literature, and professional Internet resources. The methodological basis of the article is the general scientific and linguistic means of descriptive and lexicographic methods. The scientific novelty of the work is due to the fact that terminological units of foreign language origin that are not recorded in lexicographic sources have been identified and analyzed, current materials of professional Internet discourse have been introduced into scholarly discourse.

In the course of the study, there were analyzed architectural and design terms containing foreign-language components located at different language levels: phonetic-graphic, morphemic, lexical, syntactic. Terms with foreign language elements of the phonetic-graphic and lexical levels of the language demonstrate full explicit xenogenicity. The phonetic-graphic level of xenogenicity is represented by foreign-language inclusions, lexical borrowings represent xenogenicity at the lexical level. At the morphemic level incomplete xenogenicity is demonstrated in borrowings with partial morphemic substitution and in hybrids (words consisting of the elements of different origin) as well as in derivatives formed on the basis of the foreign-language units. Implicit xenogenicity is found in non-original architectural and design terms, which appeared as a result of loan translations at the lexical level and phraseological calques at the syntactic level. Complex (explicit-implicit) xenogenicity is characteristic of word-formation and phraseological half-calques, respectively, at the lexical and syntactic levels. Dictionary entries of professional terms for sphere "Architectural environment design" are given as exemplification of the various types of xenogenicity.

It is found out that the lexical units of architectural and design terminology have xenogenicity of different degrees: full and incomplete explicit xenogenicity as well as implicit and combined explicit and implicit xenogenicity. The largest number of lexical units express xenogenicity explicitly. The practical significance of the article lies in the possibility of using its materials in lexicographic practice.

Keywords: architectural and design terminology, architectural environment design, borrowing, xenogenicity, the Russian language

For citation: Matskevich N. A., Shchitova O. G. Ksenogenost' v russkoy arkhitekturno-dizaynerskoy terminologii [Xenogenicity in Russian architectural and design terminology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 43–51 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-43-51>

Введение

Любые социальные изменения, происходящие в обществе, отражаются в языке. С возрастающим спросом общества на грамотную организацию и благоустройство открытых и закрытых архитектурных пространств, внедрением современных инновационных технологий в индустрию дизайна появилась необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов области дизайна архитектурной среды. Профессиональное общение

осложняется из-за появления различных терминов, обозначающих новые методы, средства, приемы формирования пространств, инновационные строительные материалы и т. д. Данный факт послужил толчком к увеличению интенсивности процесса неологизации в русской терминологии дизайна архитектурной среды, в частности процесса заимствования терминов из других языков.

Одной из актуальных проблем в современном терминоведении является изучение активно попол-

нящегося вокабуляра новыми номинациями, в том числе и в терминологии дизайна архитектурной среды. Межкультурные и межъязыковые контакты, глобализация и интернационализация научного знания приводят к постоянному обогащению терминологии заимствованными единицами. Показателем иноязычного влияния на профессиональную терминологию является ее ксеногенный характер, т. е. наличие чужеродных иноязычных или инокультурных признаков, к средствам реализации которых относятся заимствования, окказиональные иноязычные элементы и их дериваты, кальки и др. [1, с. 7].

Цель исследования – выявление и описание типов ксеногенности в русской терминологии дизайна архитектурной среды. К задачам работы относятся: 1) определение понятия «ксеногенность»; 2) выявление типов ксеногенности в русской архитектурно-дизайнерской терминологии; 3) описание терминологических единиц данной специальной области, обладающих ксеногенностью, выраженной на разных языковых уровнях.

Научная новизна исследования связана с выявлением фактора ксеногенности в архитектурно-дизайнерской терминологии; описанием специальной лексики, не зафиксированной в терминологических словарях, но активно функционирующей в профессиональной речи; введением в научный оборот современных материалов профессионального интернет-дискурса. Практическая значимость работы заключается в возможности использования данного материала в лексикографической практике.

Материалом для исследования послужили иноязычные номинации сферы «Дизайн архитектурной среды» и их дериваты. Источниками материала выступают лингвистические и терминологические словари, учебная и научная литература по специальности, тексты профессиональных интернет-источников: коммерческие каталоги, патенты на изобретения, архитектурно-строительные порталы, блоги, сайты интернет-магазинов, статьи и др. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) используется для уточнения времени заимствования новейших заимствованных номинаций. Всего проанализировано более 230 лексических единиц иноязычного происхождения.

В качестве исследовательских методов и приемов использованы описательный и лексикографический методы, приемы систематизации и классификации, этимологического анализа, дефиниционный, компонентный, дистрибутивный и контекстный анализ.

Проблемы исследования

Проблемами заимствования и ксенолексики, разработкой классификаций для их упорядочива-

ния занимаются Л. М. Баш, С. В. Гринев-Гриневич, А. И. Дьяков, Е. А. Золотарева, Л. Д. Кадырова, Э. И. Кудрикова, М. А. Мазанова, Э. Н. Меркулов, Т. Е. Никандрова, О. А. Никитина, С. Л. Савилова, О. Г. Щитова и др.

В данном исследовании термин *ксеногенность* (греч. ξένος ‘чужой’) понимается как «чужеродность», он коррелирует с понятиями *иноязычное происхождение*, *иноязычность*, *инонациональность*, *инокультурность*. В «Словаре иностранных слов» (1937) совокупность иностранных слов в языке называется *ксенолексикой* [2, с. 312]. Е. В. Маринова отождествляет понятия *ксеноязычие* и *ксеноязычное слово с иноязычием, инородным словом* [3, с. 20]. Однако О. Г. Щитова, С. Л. Савилова разграничивают понятия *ксенолексики* и *заимствование*, полагая, что все заимствования являются ксеногенными, но не всю ксенолексику возможно назвать заимствованиями. Заимствования – «иноязычные лексические единицы, ассимилированные, освоенные принявшим их языком...» [4, с. 278]. Ксенолексики включает в себя варваризмы, иноязычные вкрапления, экзотизмы, заимствования [4, с. 279]. Таким образом, ксеногенность является общим признаком иноязычных слов, находящихся на разных уровнях адаптации и ассимиляции в языке-реципиенте.

Категория ксеногенности с опорой на труды Р. Барта, Л. Ельмслева, А. Ж. Греймаса и других разрабатывается в исследованиях таких лингвистов, как М. А. Мазанова (2011), О. А. Никитина (2016) и др. Э. И. Кудрикова (2021), А. И. Дьяков, Е. А. Золотарева (2022) исследуют явление англогенности как частный случай ксеногенности.

Под *ксеногенностью* в данной работе понимается наличие у языковой единицы признаков иноязычного влияния, а именно формальной и/или семантической соотнесенности с эквивалентом иностранного языка. *Эксплицитная ксеногенность* проявляется на формальном и семантическом уровнях и выражается в полном виде (полная эксплицитная ксеногенность) в иноязычных вкраплениях, лексических и синтаксических заимствованиях. *Иноязычные вкрапления* – «слова и словосочетания, передаваемые на письме и в устной речи графическими и фонетическими средствами языка-источника» [5, с. 411]: *Corian*, *Historical bulb*, *Carbon Chair* и др. Под *лексическими заимствованиями* мы понимаем лексемы, у которых заимствованы как форма, так и значение: *бидермейер/бидермайер* (нем. Biedermeier), *биоморфизм* (англ. biomorphism), *даунлайт* (англ. downlight), *дизайн* (англ. design), *молдинг* (англ. molding), *лаунж-зона* (англ. lounge-zone). *Синтаксическими заимствованиями* считают «терминологические словосочетания, восходящие к неоднословным терминам ино-

странного языка» [6, с. 55]: *Васту Шастра* (санскр. वास्तु शास्त्र < वास्तु [vāstu] ‘место, дом, строительство’ и शास्त्र [śāstra] ‘учение’), *нуи сибори* (яп. ぬいしぼり < ぬい [nui] ‘шитье’ и しぼり [shibori] ‘ткань с белыми крапинками’ (ср.: сибори, араши сибори [7])) и под.

Неполная эксплицитная ксеногенность проявляется в гибридах, состоящих из иноязычных и русских морфем, или заимствованиях с частичной морфемной субституцией, а также в дериватах, образованных на базе иноязычных слов: *патинирование, планировщик, фликерный, хюггено* и др.

Имплицитная ксеногенность реализуется на семантическом уровне и формально не выражена в словообразовательных и фразеологических кальках. Под *калькированием* понимают форму скрытого заимствования, «при которой из чужого языка перенимается семантика лексической или фразеологической единицы, закрепляемая либо за имеющейся в языке-реципиенте единицей, либо за вновь созданной из ресурсов принимающего языка» [8, с. 134]. *Словообразовательная калька* – «вновь созданное слово, неологизм, воспроизводящий (полностью или частично) морфемную структуру иноязычного прототипа и совпадающий с ним по лексическому значению» [8, с. 130]. Например, *пескоструйка* ‘метод декорирования стеклянных или зеркальных поверхностей’ (англ. sandblaster < sand ‘песок’ и blaster ‘струйный аппарат, машинка, аппарат для струйной очистки’), *фальш-окно* ‘имитация окна на стене’ (англ. false window < false ‘фальшь, подделка’ и window ‘окно’) и др. *Фразеологической калькой* называют «пословный перевод иноязычного словосочетания» [9, с. 155]. Примером служат термины типа *зеленое здание* (англ. green building), *умная скамейка* (англ. smart bench) и др.

Ксеногенность, выраженная комбинированно (т. е. как эксплицитно, так и имплицитно), обнаруживается в словообразовательных и фразеологических полукальках, в состав которых входят как переведенные, так и заимствованные элементы (слова или морфемы), например: *смайт-город* (англ. smart city), *гибкий неон* (англ. neon flex) и под.

Результаты и обсуждение

В русской терминологии дизайна архитектурной среды **эксплицитная** ксеногенность демонстрируется на разных уровнях языка: фонетико-графическом, морфемном, лексическом и синтаксическом.

1. На фонетико-графическом уровне полная ксеногенность проявляется в иноязычных вкраплениях: *Corian, Evil loft, Japanordic, Historical bulb, Mid-century modern, Plexiglas, smart-glass, Thermo Glass*. Приведем словарные статьи иноязычных

вкраплений среди специальных номинаций сферы «Дизайн архитектурной среды».

CORIAN (англ. corian ‘то же’). Непористый искусственный камень, применяемый как отделочный материал с эстетическими, функциональными и универсальными качествами и применяющийся в дизайне жилых, общественных и коммерческих интерьеров для изготовления барных стоек, столешниц, подоконников, оформления ваннных комнат. *Благодаря такому выбору оттенков и текстур из материала можно изготовить как подоконник Corian, так и целый комплекс для современных интерьеров* [10]. В НКРЯ с 2004 г.

2. На лексическом уровне **полная эксплицитная** ксеногенность демонстрируется в лексическом заимствовании согласно соотношению его формы и значения с формой и значением иностранного эквивалента: *антидизайн* (англ. Anti-Design), *баухауз, берсо, билборд, бохо, бродери, буазери, даунлайт, джаз, жалюзи, китч, контрдизайн* (англ. Counter-Design), *молдинг, плексиглас, скетчинг, спот, суперграфика, шенилл* (подробнее о шенилле [11, с. 61]) и др.

РАФШТОРА, -ы, ж. (нем. Raffstore ‘фасадные жалюзи’). Вид горизонтальных жалюзи, монтированных снаружи помещения коттеджа, беседки, многоэтажного здания, с низкой степенью светопропускания, возможностью управления микроклиматом в помещении, защиты старинных вещей от воздействия солнечных лучей. *Защита антикварных вещей – проектировщики часто используют рафшторы для сохранения обстановки внутри исторических зданий, а также если в интерьере используются дорогостоящие антикварные вещи (картины, мебель, гобелены)* [12]. Нет в НКРЯ.

Имплицитная ксеногенность на лексическом уровне проявляется в словообразовательных кальках, к которым относятся, например, термины *пескоструй, пескоструйный*.

ПЕСКОСТРУЙ, -я, м. (калька с англ. sandblast ‘пескоструйный аппарат’ < sand ‘песок’, blast ‘струя’). Метод декорирования зеркальной, стеклянной или деревянной поверхности, позволяющий песком или другими абразивными веществами посредством сжатого воздуха под высоким давлением сделать матовыми, шершавыми или шелковисто-матовыми рисунки и узоры любой сложности, плотности и цвета. *Художественный пескоструй является уникальной и универсальной технологией, поскольку рисунки, выполненные с ее помощью, способны органично вписаться в любой интерьер* [13]. В НКРЯ с 2007 г.

Автором пескоструя как метода декоративного оформления стеклянной поверхности стал в конце XIX в. американский военныйслужащий Бенджамин Чу Тилмен [13].

ПЕСКОСТРУЙНЫЙ, -ая, -ое (калька с англ. sandblasting < sand ‘песок’ и blast, blasting ‘дующий’). 1. Обработанный песком, распыляемым потоком воздуха. *Витраж в технике пескоструйной гравировки на стекле и зеркале представляет собой стекло толщиной не менее 5 мм, на которое в несколько слоев нанесен рисунок.* 2002 г. [14]. 2. Относящийся к пескострую как методу декорирования. *Пескоструйный аппарат для стекла с программным управлением способен создавать сложные, многооттеночные изображения.* 2018 г. [15]. В НКРЯ в первом значении с 1995 г.

Комбинированная ксеногенность, сочетающая эксплицитные и имплицитные характеристики, проявляется в полукальках, например, *глитч-ковер, глитч-мебель, смарт-скамейка, смарт-перегородка, светодизайн* и т. д. Композит *глитч-ковер* ‘ковер с расплывшимся изображением, похожим на цифровую ошибку глитч’ (восходящий к англ. glitch rug) содержит заимствование *глитч* (англ. glitch ‘сбой механизма, цифровая помеха’) и перевод англ. rug – *ковер* и вследствие этого квалифицируется как полукалька.

СМАРТ-СКАМЕЙКА, -и, ж. (англ. smart-bench ‘то же’ < smart ‘умный’, bench ‘скамейка’). Универсальная уличная скамейка с различными современными функциями (наличием Wi-Fi, тревожной кнопки, информационного дисплея с рекламой, данными о погоде, качестве и влажности воздуха, геолокации; возможностью подзарядки электронных устройств с помощью солнечных панелей, подогревом или охлаждением сиденья, регулировкой яркости освещения светильников у скамьи и т. п.). *Смарт-скамейка работает от сети 220 В, не требует особого ухода, зато с помощью «умных» технологий сделает привычную городскую жизнь немного комфортнее* [16]. Нет в НКРЯ.

3. Морфемный уровень отражает **неполную эксплицитную ксеногенность** как результат создания слов при помощи иноязычных морфем в гибридах, состоящих из морфем разного происхождения, заимствованиях с частичной морфемной субституцией, дериватах на базе заимствований.

К гибридам, образованным на базе собственно русских слов с иноязычными морфемами, относятся термины: *арт-перегородка, моносад, парк-заповедник* и др. Например, термин *моносад* содержит иноязычный префиксоид моно- (от греч. μόνος ‘один, единый, единственный’) и исконно русский корень -сад-; в состав термина *парк-заповедник* входит англицизм *парк* (park ‘то же’) и исконно русское *заповедник*.

МОНОСАД, -а, м. (греч. μόνος ‘один’). Сад или его часть, засаженный растениями преимущественно одного вида, но разных сортов, например ге-

оргинов, ирисов, лилий, пионов, роз, сирени (ср. георгинарий, иридарий, лилинаруий, пионарий, розарий, сирингарий). *Самое удивительное свойство данного типа дизайна состоит в том, что он прекрасно реализовывается в виде моносада – где используется ограниченное количество элементов для создания гармоничной композиции* [17]. В НКРЯ с 2002 г.

Наличие иностранной морфемы в терминах этого уровня не позволяет ксеногенности проявиться эксплицитно в полной мере из-за использования словообразовательных моделей и средств, характерных для русского языка.

Неполная эксплицитная ксеногенность наблюдается в заимствованиях, вошедших в русский язык с частичной морфемной субституцией: *визуализация* (англ. visualisation), *зонировать* (нем. zonieren), *проектировать* (нем. projektieren), *террасировать* (нем. terrassieren) и т. д.

ЗОНИРОВАТЬ, -рую, -рует, *несов.* (нем. zonieren ‘то же’). Разделять пространство на зоны, участки разного функционального назначения. *Появилось понимание необходимости зонировать территорию парка, выделяя в нем районы полной неприкосновенности.* 2014 г. [14]. В НКРЯ с 2011 г.

Неполную ксеногенность демонстрируют также собственно русские дериваты на базе заимствованных слов: *жаккардовый* (жаккард), *лофтовый* (лофт), *террасирование* (террасировать), *шенилловый* (шенилл) и др.

ЛОФТОВЫЙ, -ая, -ое (от рус. лофт < англ. loft ‘то же’). Относящийся к стилю дизайнера лофт, выполненный в этом стиле. *Лофтовый декор не должен стоять рядом с мебелью в схожем с ним стиле гранж* [18]. В НКРЯ с 2004 г.

ТЕРРАСИРОВАНИЕ, -я, ж. (от рус. *террасировать* < нем. terrassieren ‘то же’). Метод ландшафтного проектирования, заключающийся в создании террас в ландшафтном дизайне, искусственном изменении склонов и оврагов с помощью подпорных стенок. *Заключительным этапом террасирования участка является декорирование площадок-террас* [19]. В НКРЯ с 1936 г.

4. **На синтаксическом уровне** наблюдается эксплицитная, имплицитная и комбинированная эксплицитно-имплицитная ксеногенность сверхсловных архитектурно-дизайнерских терминов. Полная эксплицитная ксеногенность проявляется в синтаксических заимствованиях: *мид-сэчури мóдерн, неон флекс* (подробнее о неон флексе см. [20, с. 466], *опен спейс* (англ. open space) и др.

МИД-СЭНЧУРИ МÓДЕРН, -а, м. (англ. mid-century modern ‘модерн середины века’). Стиль дизайна интерьера, предполагающего помещение открытой планировки с применением искусственных

материалов, необычных светильников, ковров, винтажных аксессуаров, мебели с простыми плавными линиями, яркими геометрическими элементами декора и текстиля, естественной цветовой гаммы (белого, бежевого, серого, коричневого, молочного, зеленого) и разбавляющих ее теплых оттенков (оранжевого, горчичного, терракотового, кораллового. *И поскольку мебель мид-сенчури модерн обладает отличной эргономикой, современные дизайнеры должны были рано или поздно использовать мотивы стиля при разработке новых коллекций* [21]. Нет в НКРЯ.

Имплицитная ксеногенность характерна для фразеологических калек, передающих семантику иностранных эквивалентов, переведенных собственными русскими словами: *точечный светильник* (англ. spot light), *умный дом* и др.

УМНЫЙ ДОМ, -а, м. (англ. smart home ‘то же’). Единая автоматизированная система управления домашними техническими приборами для создания эргономичной, эстетичной, функциональной среды в помещении, улучшающей качество жизни человека. *Умный дом больше не ассоциируется с футуристикой и холодным стилем хай-тек: сегодня это нативная сопровождающая интерьера, которая умеет понимать живущего в нем человека и делать его жизнь комфортной и приятной* [22]. В НКРЯ с 2002 г.

Комбинируемая эксплицитно-имплицитная ксеногенность вербализируется в фразеологических полукальках, которые состоят из заимствованных и переведенных на русский язык элементов: *жесткий лофт* (англ. hard loft), *мягкий лофт* (англ. soft loft), *пассивный дом* (нем. Passivhaus), *световой карниз* (англ. lighting cornice) и др.

МЯГКИЙ ЛОФТ, -а, м. (англ. soft loft < soft ‘мягкий’ и loft ‘лофт’ < ‘чердак’) (см. подробнее о лофте [23, с. 729]). Вид стиля интерьера и экстерьера, применяющийся на этапе проектирования и строительства здания в стиле лофт (ср. *жесткий лофт* [24]). *От агрессивного индустриального варианта придется отказаться, но мягкий лофт подойдет. Кирпичную кладку оставить только на*

небольшом участке стены, а вместо стальной паутинны труб взять лишь небольшие элементы инженерных коммуникаций [25]. Нет в НКРЯ.

Заключение

Итак, подъязык профессиональной сферы «Дизайн архитектурной среды» регулярно заимствует иноязычные лексические единицы и пополняет ими свой лексический состав. В ходе исследования проанализировано более 230 языковых единиц иноязычного происхождения, в том числе 47 обозначений, не зафиксированных в авторитетных терминологических словарях, и более 40 номинаций, не отмеченных в НКРЯ. Определен характер ксеногенности архитектурно-дизайнерской терминологии. **Полная** эксплицитная ксеногенность представлена иноязычными вкраплениями, лексическими и синтаксическими заимствованиями, а **неполную** эксплицитную ксеногенность отражают гибриды, заимствования с частичной морфемной субституцией и дериваты на базе заимствований. **Имплицитная** ксеногенность вербализуется в словообразовательных и фразеологических кальках. **Эксплицитно-имплицитная** ксеногенность выявлена в терминах, представленных словообразовательными и фразеологическими полукальками. Исследование показало, что иноязычные языковые единицы проявляют ксеногенный характер на разных языковых уровнях: большинство иноязычных номинаций (66 % слов от общего количества проанализированных терминов) находятся на лексическом уровне, около 20 % наименований представляют синтаксический уровень, морфемный уровень репрезентируют 9,6 % единиц, 4,4 % номинаций отражают ксеногенность на фонетико-графическом уровне. Наибольший процент ксеногенной терминологии представлен лексическими заимствованиями (около 60 % обозначений) по сравнению с гибридами и кальками. Полученные данные могут быть применены в лексикографической практике, исследовании иных терминосистем, а также использованы в учебных целях преподавателями и студентами.

Список источников

1. Мазанова М. А. Семантический аспект ксеногенетики в художественном тексте (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 19 с.
2. Словарь иностранных слов / гл. ред. Ф. Н. Петров. М.: Советская энциклопедия, 1937. 723 с.
3. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка: учеб. пособие. М.: Флинта, 2013. 296 с.
4. Щитова О. Г. Новейшая ксенолексика в русской речи XXI века: к определению объема понятия // Вестник науки Сибири. Серия 9. Филология. Педагогика. 2012. № 1 (2). С. 278–286.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
6. Трофимова Н. А., Щитова О. Г. Новейшие заимствования в русской строительной терминологии XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 50–61.

7. Мацкевич Н. А., Щитова О. Г. Идеографический словарь архитектурно-дизайнерской терминологии русского языка // Вопросы лексикографии. 2023. № 27. С. 86–104.
8. Маринова Е. В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: Флинта, 2018. 240 с.
9. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2008. 304 с.
10. Искусственный камень Corian. URL: <https://www.stoleshka.ru/catalog/corian/> (дата обращения: 08.05.2023).
11. Мацкевич Н. А., Щитова О. Г. Моделирование терминологического поля «Дизайн интерьера»: логико-понятийный аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 3 (215). С. 58–68. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-3-58-68
12. Для чего нужно использовать рафшторы? URL: <https://kvartirakrasivo.ru/articles/id-ispolzovanie-rafshstor-pri-proektirovanii-i-stroitelstve-kottedzhej/> (дата обращения: 18.11.2022).
13. Художественный пескоструй. URL: <http://artultra.ru/vitrazhi/vidy-vitrazhey/hudozhestvennyu-peskostruy/> (дата обращения: 15.01.2023).
14. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 19.01.2023).
15. Как работать пескоструйным аппаратом. URL: <https://tehnika.expert/dlya-sada/kompressor/rabota-peskostruem.html> (дата обращения: 10.01.2023).
16. Оказывается, вместо обычной появилась смарт-скамейка. Объясняем, что это и кому она точно понравится. URL: <https://dzen.ru/media/hobbyka/okazyvaetsia-vmesto-obychnoi-poiavilas-smartskameika-obiasniaem-cto-eto-i-komu-ona-tochno-popravitsia-6040cf5f2bb74f6b4f921cea> (дата обращения: 10.01.2023).
17. Ландшафтный дизайн в японском стиле. URL: <https://innstroy.ru/enciklopedija-stroitelstva/landshaftnyy-dizayn-v-yaponskom-stile> (дата обращения: 25.11.2022).
18. Что такое китч в интерьере. URL: <https://deepcloud.ru/articles/cto-takoe-kitch-v-interere/> (дата обращения: 30.11.2022).
19. Сагитова А. Террасирование участка со склоном – от А до Я! URL: <https://dizlandshafta.ru/dizajn/obustrojstvo-uchastka/terrasirovanie-uchastka-so-sklonom/> (дата обращения: 30.11.2022).
20. Мацкевич Н. А. Иноязычная терминология светодизайна: таксономический аспект // Язык. Общество. Образование: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические аспекты современного инженерного образования» (10–12 ноября 2022 г). Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2022. С. 463–468.
21. Появление и возрождение стиля мид-сенчури модерн. URL: <https://dzen.ru/a/XJNa831OPwdAzgZw> (дата обращения: 09.01.2023).
22. Умный свет: эстетичные решения для умного дома. URL: <https://design-mate.ru/read/an-experience/smart-light-aesthetic-solutions-for-smart-home> (дата обращения: 07.12.2022).
23. Мацкевич Н. А., Щитова О. Г. Новейшие заимствования в русской терминологической сфере «Дизайн архитектурной среды» // Наука. Технологии. Инновации: сборник научных трудов (30 ноября – 4 декабря 2020 г). Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. тех. ун-та, 2020. Ч. 8. С. 727–732.
24. Matskevich N. A. Borrowings in the Contemporary Russian Language of Architectural Space Design // Journal of Economics and Social Sciences. 2021. № 17. URL: jess.esrae.ru/68-379 (дата обращения: 27.12.2022).
25. Стиль лофт в интерьере: советы по оформлению. URL: <https://interior3d.su/stil-loft-v-interiere.php> (дата обращения: 02.12.2022).

References

1. Mazanova M. A. *Semanticheskiy aspekt ksenogenetiki v khudozhestvennom tekste (na materiale frantsuzskogo yazyka)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The semantic aspect of xenogenetics in a literary text (on the material of the French language). Abstract of thesis cand. filol. sci.]. Moscow, 2011. 19 p. (in Russian).
2. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign vocabulary]. Chief editor F. N. Petrov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1937. 723 p. (in Russian).
3. Marinova E. V. *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoye posobiye* [Foreign language vocabulary of the contemporary Russian language: study guide]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 296 p. (in Russian).
4. Shchitova O. G. Noveyshaya ksenoleksika v russkoy rechi XXI veka: k opredeleniyu ob'yoma ponyatiya [Latest xenlexic in the Russian language of the XXI century: to understand the volume of the concept]. *Vestnik nauki Sibiri – Siberian Journal of Science*, 2012, issue 9. Filology. Teaching, no. 1 (2), pp. 278–286 (in Russian).
5. Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2010. 488 p. (in Russian).
6. Trofimova N. A., Shchitova O. G. Noveyshiye zaимstvovaniya v russkoy stroitel'noy terminologii XXI v. [Latest borrowings in Russian Construction terminology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 470, pp. 50–61 (in Russian).

7. Matskevich N. A., Shchitova O. G. Ideograficheskiy slovar' arkhitekturno-dizaynerskoy terminologii russkogo yazyka [Ideographic dictionary of architectural and design terminology of the Russian language]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*, 2023, no. 1, pp. 86–104 (in Russian).
8. Marinova E. V. *Teoriya zaimstvovaniya v osnovnykh ponyatiyakh i terminakh: slovar'-spravochnik* [The theory of borrowing in basic concepts and terms: dictionary-reference book]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 240 p. (in Russian).
9. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedeniye: uchebnoye posobiye dlya studentov vuzov* [Terminology: study guide for university students]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p. (in Russian).
10. *Iskusstvennyy kamen' Corian* [Imitation stone Corian] (in Russian). URL: <https://www.stoleshka.ru/catalog/corian/> (accessed 8 May 2023).
11. Matskevich N. A., Shchitova O. G. Modelirovaniye terminologicheskogo polya “Dizayn inter'year”: logiko-ponyatiynyy aspekt [Modelling of terminological field “Architectural environment design”: logical and conceptual aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2021, vol. 3 (215), pp. 58–68 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2021-3-58-68
12. *Supergrafika v sovremennoy gorodskoy srede* [Supergraphics in contemporary urban habitat] (in Russian). URL: https://dzen.ru/a/Ymj5Yhm8aFR9_Vdy (accessed 15 November 2022).
13. *Khudozhestvennyy peskostruy* [Artistic sandblast] (in Russian). URL: <http://artultra.ru/vitrazhi/vidy-vitrazhey/hudozhestvennyy-peskostruy/> (accessed 15 January 2023).
14. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language] (in Russian). URL: <http://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed 19 January 2023).
15. *Kak rabotat' peskostruynym apparatom* [How to work with sandblast apparatus] (in Russian). URL: <https://tehnika.expert/dlya-sada/kompressor/rabota-peskostruem.html> (accessed 10 January 2023).
16. *Okazyvaetsya, vmesto obychnoy poyavilas' smart-skameyka* [It turns out that there appeared smart bench instead of ordinary one] (in Russian). URL: <https://dzen.ru/media/hobbyka/okazyvaetsia-vmesto-obychnoi-poiavilas-smartskameika-obiasniaem-cto-eto-i-komu-ona-tochno-ponravitsia-6040cf5f2bb74f6b4f921cea> (accessed 10 January 2023).
17. *Landshaftnyy dizayn v yaponskom stile* [Landscape design in Japanese style] (in Russian). URL: <https://innstroy.ru/enciklopedija-stroitelstva/landshaftnyy-dizayn-v-yaponskom-stile> (accessed 25 November 2022).
18. *Chto takoye kitch v inter'yere* [What is kitsch in interior] (in Russian). URL: <https://deepcloud.ru/articles/chto-takoe-kitch-v-interere/> (accessed 30 November 2022).
19. Sagitova A. *Terrasirovaniye uchastka so sklonom – ot A do Ya!* [Terracing of the parcel with slope – from A to Z] (in Russian). URL: <https://dizlandshafta.ru/dizajn/obustrojstvo-uchastka/terrasirovanie-uchastka-so-sklonom/> (accessed 30 November 2022).
20. Matskevich N. A. Inoyazychnaya terminologiya svetodizayna: taksonomicheskyy aspekt [Foreign terminology of lighting design: taxonomic aspect]. *Yazyk. Obshchestvo. Obrazovaniye: sbornik nauchnykh trudov III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Lingvisticheskiye i kul'turologicheskkiye aspekty sovremennogo inzhenernogo obrazovaniya” (10–12 noyabrya 2022 g.)* [Language. Society. Education: a collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference “Linguistic and Cultural Aspects of Modern Engineering” Education” (November 10–12, 2022)]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2022. Pp. 463–468 (in Russian).
21. *Poyavleniye i vozrozhdeniye stilya mid-century modern* [Appearing and reappearing of mid-century modern style] (in Russian). URL: <https://dzen.ru/a/XJNa831OPwdAzgZw> (accessed 9 January 2023).
22. *Umnyy svet: estetichnye resheniya dlya umnogo doma* [Smart light: aesthetic decisions for smart house] (in Russian). URL: <https://design-mate.ru/read/an-experience/smart-light-aesthetic-solutions-for-smart-home> (accessed 7 December 2022).
23. Matskevich N. A., Shchitova O. G. Noveyshiy zaimstvovaniya v russkoy terminologicheskoy sfere “Dizayn arkhitekturnoy sredy” [Latest borrowings in the Russian terminological sphere “Design of architectural environment”]. *Nauka. Tekhnologii. Innovatsii: sbornik nauchnykh trudov (30 noyabrya – 4 dekabrya 2020 g.)* [Science. Technologies. Innovations: a collection of scientific papers (November 30 – December 4, 2020)]. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University Publ., 2020. Issue 8. Pp. 727–732 (in Russian).
24. Matskevich N. A. Borrowings in the Contemporary Russian Language of Architectural Space Design. *Journal of Economics and Social Sciences*, 2021, no. 17. URL: jess.esrae.ru/68-379 (accessed 27 December 2022).
25. *Stil' loft v inter'yere: sovery po oformleniyu* [Loft style in interior: designing advice] (in Russian). URL: <https://interior3d.su/stil-loft-v-interiere.php> (accessed 2 December 2022).

Информация об авторе

Мацкевич Нина Александровна, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050); старший преподаватель, Томский государственный архитектурно-строительный университет (пл. Соляная, 2, Томск, Россия, 634003).

Щитова Ольга Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Matskevich N. A., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050); Senior Lecturer, Tomsk State University of Architecture and Building (pl. Solyanaya, 2, Tomsk, Russian Federation, 634003).

E-mail: nina.a.matskevich@gmail.com.

Shchitova O. G., PhD Philology, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 24.01.2023; accepted for publication 25.05.2023

Языковая репрезентация концепта «одиночество» в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества»

Арина Григорьевна Чукавина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, arina.chukavina@yandex.ru

Аннотация

Рассматриваются способы вербализации концепта «одиночество» в оригинальном тексте Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества». Анализ позволил произвести моделирование концепта путем построения его семантического поля, выделения ядерной и периферийной зон концепта. Показано, что художественный концепт обладает своими отличительными особенностями и требует особой методики анализа.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении способов вербализации и моделирования концепта «одиночество» в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» (на материале испанского языка).

Новизна работы заключается в том, что в ней был произведен концептуальный анализ одиночества в оригинальном тексте, что до сих пор не входило в поле лингвистических исследований: построено семантическое поле, выделены ядерная и периферийные зоны концепта, установлены когнитивные признаки для каждого из ядерных лексем, а также когнитивные признаки предметных образов.

Материалом исследования послужил текст романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» на испанском языке. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью описательного метода. Кроме того, в исследовании используется метод концептуального анализа текста, включающий в себя приемы описания ядра и периферии концепта, анализ словарных дефиниций и описание содержания концепта.

В результате анализа способов вербализации концепта «одиночество» было произведено моделирование семантического поля концепта, выделены его ядро и периферия. В ядерную зону концепта вошли ключевое слово-репрезентант концепта и другие лексические единицы словообразовательного гнезда. К периферии концепта были отнесены три группы лексем, номинирующих одиночество, а также образы одиночества, созданные с помощью метафорических средств.

Концепт может быть смоделирован через обращение к построению семантического поля. Анализ показал, что семантическое поле концепта «одиночество» представляет собой сложную систему, единицы которой объединены общими семантическими признаками. Концепт «одиночество» вербализуется в романе посредством лексем, входящих в ядро и периферию концепта. Кроме того, большое значение имеют образы одиночества, представленные с помощью метафорических средств.

Ключевые слова: художественный концепт, концепт одиночество, семантическое поле, метафорические средства

Для цитирования: Чукавина А. Г. Языковая репрезентация концепта «одиночество» в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 52–59. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-52-59>

Language representation of the concept “loneliness” in the G. G. Marquez’s novel “One Hundred Years of Solitude”

Arina G. Chukavina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, arina.chukavina@yandex.ru

Abstract

The ways of verbalizing the concept “loneliness” in the original text of G. G. Marquez’s “One Hundred Years of Solitude”. The analysis made it possible to model the concept by constructing its semantic field, highlighting the core and peripheral zones of the concept. It is shown that the artistic concept has its own distinctive features and requires a special method of analysis.

The purpose of this study is to identify ways of verbalizing and modeling the concept of loneliness in the novel by G. G. Marquez “One Hundred Years of Solitude” (on the material of the Spanish language).

The novelty of the work lies in the fact that it carried out a conceptual analysis of loneliness in the original text, which has not yet been included in the field of linguistic research: a semantic field has been built, the core and peripheral zones of the concept have been identified, cognitive signs have been established for each of the core lexemes, and also cognitive features of objective images.

The research material is the novel by G. G. Marquez "One Hundred Years of Solitude" in the Spanish language. The empirical base of the study was formed using a descriptive method, which included the use of a continuous sample. In addition, the study uses the method of conceptual text analysis, which includes methods for describing the core and periphery of the concept, analyzing dictionary definitions and describing the content of the concept.

As a result of the analysis of the methods of verbalization of the concept of loneliness, the semantic field of the concept was modeled, its core and periphery were identified. The core zone of the concept includes the keyword-representative of the concept and other lexical units of the derivational nest. Three groups of lexemes nominating loneliness, as well as images of loneliness created with the help of metaphorical means, were assigned to the periphery of the concept.

The concept can be modeled by referring to the construction of a semantic field. The analysis showed that the semantic field of the concept of loneliness is a complex system, the units of which are united by common semantic features. The concept "loneliness" is verbalized in the novel by means of lexemes included in the core and periphery of the concept. In addition, the images of loneliness, presented with the help of metaphorical means, are of great importance.

Keywords: artistic concept, concept of loneliness, semantic field, metaphorical means

For citation: Chukavina A. G. Yazykovaya reprezentatsiya kontsepta "odinochestvo" v romane G. G. Markesa "Sto let odinochestva" [Language representation of the concept "loneliness" in the G. G. Marquez's novel "One Hundred Years of Solitude"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 52–59 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-52-59>

Введение

Роман Г. Г. Маркеса относится к жанру нового латиноамериканского романа, который основывается на традициях русских и западноевропейских романов. Как отмечают исследователи, отличительной чертой романа является так называемый магический реализм, сочетающий в себе реальные и мистические элементы [1]. В магическом реализме символы и образы имеют большое значение, а открытый финал позволяет читателю самому сделать выводы о том, что было вымыслом, а что реальностью. Это модернистское течение зародилось в Латинской Америке в XX в., когда авторы пытались осмыслить реальные явления через призму фольклора и мифов. Главными представителями течения стали М. А. Астуриас, Х. Л. Борхес, А. Карпентьер, Х. Кортасар и Г. Г. Маркес [2].

Е. М. Мелетинский в монографии «Поэтика мифа» указывает на то, что Г. Г. Маркес в своем романе деформирует фольклорные источники в гротескно-юмористическом стиле, а также позволяет себе вольную мифологизацию истории народов Латинской Америки. Автор отмечает, что одним из самых оригинальных проявлений мифотворчества в романе является сложная динамика соотношения жизни и смерти, памяти и забвения, живого и мертвого, пространства и времени. «Мертвые могут оживать, если о них помнят и они „нужны“, а живые, порвавшие связи с подлинно живым, уходят в „мертвую“ комнату в доме Буэндиа» [3]. Мифологизация проходит через всю повествовательную линию романа и может являться одним из ключей к раскрытию концепта одиночества в романе.

Концепт одиночества в романе Г. Г. Маркеса уже становился объектом анализа в лингвистических работах. Так, С. Н. Богатырева в статье «Мета-

форическое моделирование концепта одиночество в художественной картине мира Габриэля Гарсиа Маркеса» посредством метафорического ряда моделирует чувственно-наглядный образ одиночества, представленный как «некий живой организм, способный перемещаться в пространстве, обладающий прочной внешней оболочкой, обеспечивающей его цельность и замкнутость от внешнего мира; наделенный огромной, неисчерпаемой силой «затягивания» за счет разности внутреннего и внешнего давления» [4, с. 207].

Актуальность данного исследования обусловлена попыткой реконструкции концептуального содержания одиночества через призму его языковой репрезентации. Кроме того, творчество Г. Г. Маркеса представляет собой неизменный интерес для лингвистов и литературоведов, поскольку содержит в себе не только большое количество образных языковых средств, но и мифологических интерпретаций культурных реалий Латинской Америки. Актуальность также определяется тем, что концепт «одиночество» является сравнительно новым объектом когнитивной лингвистики и требует более детального рассмотрения. Одиночество в творчестве Г. Г. Маркеса занимает центральное место и является частью его индивидуального мировоззрения.

Новизна работы заключается в том, что в ней был произведен концептуальный анализ одиночества в оригинальном тексте, что до сих пор не входило в поле лингвистических исследований: построено семантическое поле, выделены ядерная и периферийные зоны концепта, установлены когнитивные признаки для каждой из ядерных лексем, а также когнитивные признаки предметных образов.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении способов вербализации и моделирования концепта одиночества в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» (на материале испанского языка).

Материал и методы

Материалом исследования послужил текст романа Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества» на испанском языке. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью описательного метода, включающего в себя прием сплошной выборки. Кроме того, в исследовании используется метод концептуального анализа текста, включающий в себя приемы описания ядра и периферии концепта, анализ словарных дефиниций и описание содержания концепта.

Результаты и обсуждение

Не существует однозначного определения термина «концепт», так как он является междисциплинарным и активно используется в различных отраслях науки: в философии, логике, социологии, лингвокультурологии, психолингвистике и когнитивной лингвистике. По мнению В. И. Карасика, концепт – это «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [5, с. 109].

Художественный концепт характеризуется несколькими особенностями. Одним из первых художественный концепт выделил С. А. Аскольдов, противопоставляя его познавательному концепту. Ученый отметил, что познавательные концепты являются универсальными, в то время как художественные – индивидуальными. Художественный концепт не может в полной мере выразить намерение автора, читатель должен дополнить его, чтобы воспринять замысел автора, так как такой концепт не поддается логике [6].

К проблеме изучения художественного концепта обращались такие исследователи, как Н. С. Болотнова, Л. В. Миллер, М. Р. Проскуряков, Т. А. Трипольская и другие. А. В. Боброва в диссертационном исследовании предприняла попытку реконструкции художественного мира Андрея Битова путем моделирования концептов «одиночество» и «уединение». Автор придерживается интегративного подхода к выбору методов концептуального анализа, для того чтобы получить многомерное описание фрагмента художественной картины мира. Экспликация концептуального содержания концепта «одиночество» осуществлялась посредством моделирования ассоциативно-семантического поля [7].

Н. С. Поздеева рассматривает коммуникативно-дискурсивные признаки концепта «одиночество»

на материалах различных художественных произведений. В концепте выделялись понятийные и дискурсивные признаки, позволяющие смоделировать его в виде словарной статьи [8].

Существуют различные определения художественного концепта. Так, Н. С. Болотнова считает, что художественный концепт – это единица поэтической картины мира, обладающая эстетической сущностью и образными средствами выражения, обусловленными авторским замыслом. Наибольшую значимость имеют образный, ассоциативный и символический слои художественного концепта [9].

В своем исследовании мы определяем художественный концепт как особое ментальное образование, интерпретированное автором художественного текста и отражающее индивидуальные особенности авторской художественной картины мира.

В исследовании для определения способов вербализации концепта «одиночество» мы будем использовать метод моделирования семантического поля. Под семантическим полем понимается совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [10]. Такое поле может объединять в своем составе «разнородные языковые средства, принадлежащие к различным грамматическим классам или уровням языка» [11, с. 5].

Л. М. Васильев под семантическим полем понимает парадигматическую структуру, обязательные и факультативные места в которой занимают классы слов, объединенные семантической категорией или субкатегорией [12]. Обязательными местами в поле являются ядерная зона, а факультативными – периферия.

В строении семантического поля традиционно выделяются ядерная и периферийные зоны. К ядру поля относятся лексические единицы, наиболее полно характеризующие понятийный признак семантического поля, его ключевое слово. В периферийную зону входят смежные с другими полями лексические единицы, наиболее удаленные в своем значении от ядра. Таким образом, иерархические отношения в семантическом поле определяются отношением единиц к ядру поля. Внутри семантического поля единицы вступают в ассоциативные, иерархические отношения и отношения оппозиции. Ядро концепта представляет собой базовый слой, присоединяющий к себе другие когнитивные слои, которые впоследствии формируют когнитивные признаки концепта.

Для определения первичного образа, заложенного в интересующий нас концепт, рассмотрим внутреннюю форму ключевого слова-репрезентанта концепта «одиночество», которое наряду с дру-

гими лексическими единицами словообразовательного гнезда войдет в ядерную зону семантического поля. В романе такой лексемой является solo (47 словоупотреблений), являющаяся наиболее частотной по сравнению с другими лексемами словообразовательного гнезда (soledad – 46 словоупотреблений, soltero – 4, solitario – 42, desolado – 9, desolación – 4), а также являющаяся производящей для других лексем с семантической и словообразовательной точек зрения. Кроме того, она обладает свойством легкой выводимости и не является эмоционально окрашенной единицей.

Обращение к этимологическому анализу слова-репрезентанта позволяет получить более глубокие сведения о значении слова. В испанском языке слово soledad происходит от латинского слова solitas или solitatis с таким же значением. Его лексические компоненты включают в себя sol- ('один') + -tās. В латинском языке корневая морфема указывает на то, что человек находится один, без кого-либо еще. Основу дефиниции составляет отсутствие социального или иного окружения у человека, человек находится один, наедине с собой. Данная корневая морфема создает образ, общий для всех слов-репрезентантов, и мотивирует значение слова.

Реконструкция понятийного слоя концепта осуществляется с помощью анализа словарных дефиниций его слов-репрезентантов, используемых в романе: solo, sola, soltero, soltera, solitario, solitaria, desolado, desolada, desolación. Автором статьи используются два наиболее полных толковых словаря испанского языка: «Словарь испанского языка Испанской королевской академии» (Diccionario de la lengua española de Real Academia Española) и «Толковый словарь испанского языка Марии Молинер» (Diccionario de uso del español de María Moliner). Дефиниции слов, приведенные в данных словарях, сравниваются между собой для выявления более точного значения каждой из лексем.

Рассмотрим значение ключевого слова solo. В «Словаре испанского языка Испанской королевской академии» данная лексема трактуется как:

1. Único en su especie (единственный в своем роде); 2. Que está sin otra cosa o que se mira separado de ella (у которого чего-то нет или он не считает себя принадлежащим к чему-либо); 3. Dicho de una persona: Sin compañía (о человеке: без компании); 4. Que no tiene quien le ampare, socorra o consuele en sus necesidades o aflicciones (у которого нет никого, кто мог бы защитить его, помочь или утешить в его нуждах или невзгодах) [13].

В «Толковом словаре испанского языка Марии Молинер» можно найти похожие трактовки:

1. Se aplica a las cosas de que no hay otra del mismo nombre, en absoluto o en el sitio, ocasión, etc.,

de que se trata (это относится к вещам, у которых нет других одноименных вещей вообще или в рассматриваемом месте, случае и так далее); 2. Sin compañía: (без компании), sin acompañamiento de otra cosa (без сопровождения); aplicado a personas, sin familia próxima (о человеке: без семьи), sin amigos (без друзей), sin nadie que le ayude o socorra (без кого-либо, кто мог бы помочь) [14].

Таким образом, лексема solo представляет одиночество в качестве физического, социального и эмоционального состояния человека, находящегося в отдалении от других людей, обусловленного субъективными и объективными причинами.

Исходя из словарных дефиниций в семантическом поле «одиночество», представленном в тексте романа, выделяем три группы лексем, номинирующих одиночество, входящих в периферийную зону концепта:

1. Физическое одиночество. Это признак, номинирующий местонахождение человека или предмета отдельно от других. Сюда относятся лексем, номинирующие одиночество в качестве реального физического явления:

no había un hombre sobre la tierra – ни единого человека на земле (...no había un hombre sobre la tierra capaz de soportar así fuera por un día una negligencia... – ...на земле не было ни единого человека, способного в течение дня вот так терпеть пренебрежение...) [15, с. 189];

retiro – уединение (...los primeros viernes, los retiros, los sacrificios y los impedimentos cíclicos... – ...первые пятницы, уединения, жертвы и циклические препятствия...) [15, с. 168];

sin que nadie lo viera – никем не замеченный (Así pasó mucho tiempo sin que nadie lo viera en la casa... – Так он провел много времени, и никто не видел его в доме...) [15, с. 60];

sin que nadie tenga que meterse – никто не вмешивается (...y yo puedo gritar todo lo que quiera sin que nadie tenga que meterse... – я могу кричать все, что мне захочется, и никто не будет вмешиваться...) [15, с. 24];

destierro – изгнание (...y lo vio maltratado por el rigor del destierro... – ...и она увидела, что сделала с ним жизнь в изгнании...) [15, с. 131];

encierro – заключение, изоляция (Vinieron luego el luto prolongado y el encierro obligatorio... – Затем последовали продолжительный траур и обязательное заточение...) [15, с. 231];

olvidado hasta por los pájaros – забытый даже птицами (En aquel Macondo olvidado hasta por los pájaros... – В том Макондо, забытом даже птицами...) [15, с. 323].

2. Социальное одиночество. В данную группу могут быть отнесены лексем, репрезентирующие социальный статус человека:

huérfano, huerfanita – сирота (*Dándole besitos huérfanos en el cuenco de la mano herida... – Осыпая его сиротливыми поцелуями в ладошку раненой руки...*) [15, с. 314];

viudez, viuda – вдовство (*Sabía que Amaranta había consagrado su viudez de virgen a la crianza de Aureliano José... – Он знал, что Амаранта посвятила свое девственное вдовство воспитанию Аурелиано Хосе...*) [15, с. 101];

forastero, vagabundo – бродяга (*El hombre que lo hizo posible, un forastero, perdió para siempre la serenidad... – Человек, который сделал это возможным, бродяга, навсегда потерял спокойствие...*) [15, с. 158];

extraño – чужак (*...terminaron por convertirlo en un extraño – ...в итоге они превратили его в незнакомца...*) [15, с. 139];

abandonado – брошенный, заброшенный (*Esa noche durmieron en la abandonada mansión colonia... – В ту ночь они спали в заброшенном особняке Кельна...*) [15, с. 236];

arrojado – выброшенный (*...los muertos niños, que iban a ser arrojados al mar como el banano de rechazo – ...мертвые дети, которых собирались выбросить в море, как недоспелый банан*) [15, с. 245].

3. Эмоциональное одиночество. Сюда мы относим лексемы, вызывающие эмоциональную реакцию человека на одиночество. Выделяются эмоции с негативной коннотацией:

tristeza, melancolía – грусть (*...también para que no notara la tristeza de la casa. – ...чтобы он не замечал этой грусти дома.*) [15, с. 208];

añoranza, anhelo – тоска (*...los acontecimientos más recientes y triviales le parecían dignos de añoranza, porque a medida que el barco se alejaba, la memoria se le iba volviendo triste. – ...самые последние и тривиальные события казались ему достойными тоски, потому что по мере того, как корабль удалялся, память о нем становилась грустной.*) [15, с. 321];

dolor – боль (*Rebeca se levantó a media noche y comió piñados de tierra en el jardín, con una avidez suicida, llorando de dolor y de furia... – Ребекка встала посреди ночи и съела горсть земли в саду с самоубийственной жадностью, плача от боли и ярости...*) [15, с. 54];

aflicción – скорбь (*...disiparan la aflicción de José Arcadio Buendía por la muerte de Melquíades... – ...они развеивают скорбь Хосе Аркадио Буэндия по поводу смерти Мелькиадеса...*) [15, с. 61];

luto – траур (*En una casa amordazada por el luto... – В доме, охваченном трауром...*) [15, с. 78];

angustia – мука (*Se sentó a esperarla, como quien espera una carta, y era cierto que en una época arrancaba botones para volver a hablarlos, de modo*

que la ociosidad no hiciera más larga y angustiosa la espera. – Она сидела и ждала ее, как ждут письма, и, правда, она даже отрывала пуговицы и пришивала их обратно, чтобы безделье не делало ожидание более долгим и мучительным.) [15, с. 222];

padecer – страдать (*También ella padecía la espina de un amor solitario. – Она также страдала от заноз одинокой любви.*) [15, с. 57].

А также выделяются лексемы с позитивной коннотацией:

paz – покой (*...una pasión tan desafortunada no fuera a perturbar la paz de los muertos. – ...такая неутоленная страсть не должна была нарушать покой мертвых.*) [15, с. 77];

tranquilidad – спокойствие (*La compañera de José Arcadio les pidió que los dejaran tranquilos... – Спутница Хосе Аркадио попросила их оставить их в покое...*) [15, с. 27];

serenidad – умиротворенность (*El único rincón de serenidad fue establecido por los pacíficos negros antillanos que construyeron una calle marginal... – Единственный уголок спокойствия был создан мирными чернокожими жителями Вест-Индии, которые построили окраинную улицу...*) [15, с. 183].

Моделирование образного слоя происходит посредством выявления чувственных образов, которые могут быть как перцептивными, так и метафоричными. Метафорическое осмысление соответствующего предмета или явления формирует образные признаки концепта [16].

Г. Г. Маркес создает предметные образы одиночества с помощью метафорических средств. С. Н. Богатырева, анализируя оригинальный текст произведения, отмечает, что Г. Г. Маркес уже в заглавии романа использует метафорическую конструкцию «Сто лет одиночества» в качестве образа, объективированного в художественном тексте во множестве символично-метафорических повторений. Она утверждает, что «концепт „одиночество“ является прямым отражением ключевой идеи произведения и авторской концепции в целом, он имплицитно связан целым рядом испытываемых чувств и эмоций» [4, с. 205–207].

Образные представления одиночества в романе связаны с передачей эмоционального состояния человека посредством каких-либо внешних причин:

muerte – смерть (*...le había permitido entender por qué los hombres le tienen miedo a la muerte. – ...это позволило ему понять, почему мужчины боятся смерти.*) [15, с. 23];

divorcio – развод (*...gente de mala índole, partidaria de ahorcar a los curas, de implantar el matrimonio civil y el divorcio... – ...люди скверного*

характера, сторонники повешения священников, введения гражданского брака и развода...) [15, с. 78];

separación – разлука (...у *comprendieron que estaban tan identificados que preferían la muerte a la separación*. – ...и они поняли, что были настолько близки, что предпочли смерть разлуке) [15, с. 325].

Наиболее частотным является использование образа старости и смерти в метафоре одиночества. Так, например, слово *muerte* (смерть) используется в романе 137 раз, а также образованные от него прилагательные *muerto/muerta* 107 раз:

Había estado en la muerte, en efecto, pero había regresada porque no pudo soportar la soledad (Она действительно была мертва, но вернулась, потому что не могла вынести одиночества) [15, с. 40]; *Murió de viejo en la soledad, sin un quejido, sin una protesta, sin una sola tentativa de infidencia, atormentado por los recuerdos y por las mariposas amarillas que no le concedieron un instante de paz...* (Он умер от старости в одиночестве, без стога, без протеста, без единой попытки неверности, терзаемый воспоминаниями и желтыми бабочками, не дававшими ему ни минуты покоя...) [15, с. 233].

Используя данные фрагменты текста, можно построить ассоциативно-смысловую цепочку, включающую в себя номинат концепта, его текстовые и внетекстовые ассоциаты: *soledad – muerte – viejo – atormentado* (одиночество – смерть – старик – терзаемый). С помощью описания семантики единиц, входящих в ассоциативно-смысловое поле, можно представить содержание концепта в том виде, в котором он отражен в культурном и индивидуально-авторском сознании.

Проанализировав ассоциативно-смысловую цепочку, мы можем выделить следующие когнитивные признаки: одиночество представляется как существо, терзающее людей в их последние минуты жизни. Смерть и одиночество неразрывно связаны в романе. На протяжении всего романа герои бегут от смерти, стараются укрыться от нее, однако она настигает их в форме одиночества, разделяя их физически и эмоционально. Кроме того, все люди рода Буэндиа постоянно, сами того не желая, притягивают к себе одиночество. Одним из главных героев, воплощающих в себе одиночество, является Аурелиано. Всю свою жизнь он все дальше и дальше удалялся в одиночество, которое для него было подобным смерти.

Кроме того, очень часто используется образ пустыни в качестве метафоры одиночества:

Remedios, la bella, se quedó vagando por el desierto de la soledad... (Ремедиос, красавица, осталась бродить по пустыне одиночества) [15, с. 190]; *...mientras los amantes solitarios navegaban contra la corriente de aquellos tiempos de postrimerías,*

tiempos impenitentes y aciagos, que se desgastaban en el empeño inútil de hacerlos derivar hacia el desierto del desencanto y el olvido (...в то время как одинокие влюбленные плыли против течения времени, несущего с собой конец жизни, губельного и неудачного времени, которое тратило себя на тщетные попытки увести их в пустыню разочарования и забвения) [15, с. 328].

Здесь выделяется следующая ассоциативно-смысловая цепочка: *soledad – desierto – olvido – desencanto* (одиночество – пустыня – забвение – разочарование). Так, одиночество в романе представляется в качестве пустынного места, в котором люди предаются забвению и разочарованию и терпят самих себя.

Образ пустыни разворачивается на протяжении всего романа и является центральным в романе Г. Г. Маркеса наряду с образом смерти. Маркес использует пустыню в качестве олицетворения одиночества рода Буэндиа, указывая на то, что у них не осталось ничего, кроме своего одиночества.

В моделировании художественного концепта наиболее важными являются ассоциативные образы, из которых и формируется индивидуально-авторское видение мира. Из этих частичек складываются исключительные смыслы, созданные и переданные автором, помогающие читателю погрузиться в художественный мир автора. Образ смерти является доминирующим в образном слое одиночества и проходит через всю линию романа. Все люди рода Буэндиа были одиночками с момента рождения до своей смерти, и из этого одиночества строился их внутренний мир. Их попытки выбраться из одиночества приводили лишь к распространению этого одиночества среди других людей. Даже город Макондо был подчинен одиночеству и страдал вместе с ними. Одиночество существовало сто лет; ровно столько, сколько существовал род Буэндиа.

Заключение

Таким образом, концепт может быть смоделирован через обращение к построению семантического поля. Анализ показал, что семантическое поле концепта «одиночество» представляет собой сложную систему, единицы которой объединены общими семантическими признаками. Концепт «одиночество» вербализуется в романе посредством лексем, входящих в ядро и периферию концепта. К ядру концепта относится ключевое слово-репрезентант *solo* и пять производных от него лексем (*soledad, soltero, solitario, desolado, desolación*). К периферии относятся лексемы, характеризующие различные виды одиночества: физическое, социальное и эмоциональное. Наиболее обширной оказалась группа лексем, характеризующих эмоциональное одиночество. Эмоциональный аспект не

оценивается автором негативно, одиночество может приносить покой и умиротворение.

Кроме того, к периферии концепта относятся образы одиночества, созданные с помощью метафорических средств. Так, наиболее частотными в

романе являются образы старости, смерти и пустыни, которые проходят через всю сюжетную линию романа. Образ пустыни также является центральным в данном произведении и олицетворяет одиночество рода Буэндия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хортова Е. А. Фольклорные и мифологические мотивы в романе Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» // Вестник РУДН. 2001. № 5. С. 59–62.
2. Кислицын К. Н. Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274–277.
3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 407 с.
4. Богатырева С. Н. Метафорическое моделирование концепта одиночество в художественной картине мира Габриэля Гарсиа Маркеса // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 204–208.
5. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) // Концепты. 1997. № 2. С. 156–158.
6. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь. 1928. № 2. С. 28–45.
7. Боброва А. В. Концепты одиночество и уединение в художественной картине мира А. Битова: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 199 с.
8. Поздеева Н. С. Коммуникативно-дискурсивные признаки концепта одиночество: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2013. 22 с.
9. Болотнова Н. С. Поэтическая картина мира и ее изучение в коммуникативной стилистике текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 198–207.
10. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 352 с.
11. Полевые структуры в системе языка / под ред. З. Д. Поповой. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 198 с.
12. Васильев Л. М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. 206 с.
13. Diccionario de la lengua española. URL: <http://www.dle.rae.es> (дата обращения: 15.11.2022).
14. Moliner Ruiz, M. Diccionario de Uso del Español. Madrid: Gredos, 1998. 3180 p.
15. García Márquez, G. Cien años de soledad. Bogota: Casa Editorial El Tiempo, 2001. 334 p.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток – Запад, 2007. 315 с.

References

1. Khortova E. A. Fol'klornyye i mifologicheskie motivy v romane Gabrielya Garsia Markesa "Sto let odinochestva" [Folklore and mythological motifs in the novel "One Hundred Years of Solitude" by Gabriel Garcia Marquez]. *Vestnik RUDN*, 2001, no. 5, pp. 59–62 (in Russian).
2. Kislitsyn K. N. Magicheskiy realizm [Magic realism]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniyе – Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, no. 1, pp. 274–277 (in Russian).
3. Meletinsky E. M. *Poetika mifa* [Poetics of myth]. Moscow, Eastern Literature Publ., 2000. 407 p. (in Russian).
4. Bogatyreva S. N. Metaforicheskoye modelirovaniye kontseptya odinochestvo v khudozhestvennoy kartine mira Gabrielya Garsia Markesa [Metaphorical modeling of the concept of loneliness in the artistic picture of the world by Gabriel Garcia Marquez]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, 2020, no. 3 (42), pp. 204–208 (in Russian).
5. Karasik V. I. Yazykovyye kontsepty kak izmereniya kul'tury (subkategorial'nyy klaster temporal'nosti) [Language concepts as dimensions of culture (subcategorical cluster of temporality)]. *Kontsepty*, 1997, no. 2, pp. 156–158 (in Russian).
6. Askoldov S. A. Kontsept i slovo [Concept and word]. *Russkaya rech' – Russian speech*, 1928, no. 2, pp. 28–45 (in Russian).
7. Bobrova A. V. *Kontsepty odinochestvo i uyedineniye v khudozhestvennoy kartine mira A. Bitova. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The concepts of loneliness and solitude in the artistic worldview of A. Bitov. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Novosibirsk, 2017. 199 p. (in Russian).
8. Pozdeyeva N. S. *Kommunikativno-diskursivnyye priznaki kontseptya odinochestvo. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Communicative and discursive features of the concept of loneliness. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Arkhangelsk, 2013. 22 p. (in Russian).
9. Bolotnova N. S. Poeticheskaya kartina mira i yeyo izucheniye v kommunikativnoy stilistike teksta [Poetic picture of the world and its study in the communicative style of the text]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2003, no. 3–4, pp. 198–207 (in Russian).
10. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika: uchebnik* [Linguistic semantics: textbook]. Moscow, URSS Editorial Publ., 2000. 352 p. (in Russian).
11. Popova Z. D., Sternin I. A., Belyayeva E. I. *Polevyye struktury v sisteme yazyka* [Field structures in the language system]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta Publ., 1989. 198 p. (in Russian).

12. Vasiliev L. M. *Obshchiye problemy lingvistiki: teoriya i metody* [General problems of linguistics: theory and methods]. Ufa, RITs BashGU Publ., 2007. 206 p. (in Russian).
13. Diccionario de la lengua española [Recurso electrónico]. *Real Academia Española*. URL: <http://www.dle.rae.es> (accessed 15 November 2022).
14. Moliner Ruiz M. *Diccionario de Uso del Español*. Madrid, Gredos, 1998. 3180 p.
15. García Márquez G. *Cien años de soledad*. Bogota: Casa Editorial El Tiempo, 2001. 334 p.
16. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, Vostok – Zapad Publ., 2007. 315 p. (in Russian).

Information about the author

Чукавина А. Г., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Chukavina A. G., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 18.12.2022; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 18.12.2022; accepted for publication 25.05.2023

Функционирование сравнительно-уподобительных наречий (на материале высказываний с адвербиалами военной тематики)

Гульнара Салаватовна Толмачева

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
15899123417@163.com*

Китайский нефтяной университет (Пекин), кампус Карамай, Карамай, Китай

Аннотация

Исследование выполнено в рамках функциональной грамматики и направлено на изучение русских сравнительно-уподобительных наречий военной тематики, которые еще не были предметом специального изучения.

Цель работы – провести комплексный анализ функционирования сравнительно-уподобительных наречий военной тематики с учетом их явных и неявных семантических признаков. Поставленная цель включает установление состава данной тематической группы, словообразовательных особенностей рассматриваемых наречий и типов их сочетаемости.

Материалом для исследования послужили сравнительно-уподобительные наречия военной тематики и высказывания с ними, извлеченные из Национального корпуса русского языка и найденные путем свободного поиска в интернет-источниках. Работа проводилась в рамках теории категориальных ситуаций функциональной грамматики А. В. Бондарко, а также применялись элементы контекстуального и компонентного анализа.

В ходе исследования выявленный состав данной группы наречий классифицирован по семантическим подгруппам (характеризующие поведение лиц, относящиеся к разным видам и подразделениям войск, к условиям пребывания на военной службе, а также воинским званиям и должностям). Установлена словообразовательная специфика подгрупп, наряду с качественно-предметным выделяется качественно-обстоятельное словообразовательное значение, обусловленное отнесенностью производящего к условиям и месту дислокации.

На основе выделенных подгрупп наречий проанализированы высказывания с ними, установлены закономерности функционирования, выделены типовые ситуации. При их классификации учитывалась зависимость наречий от разных частей речи (глаголов, наречий, прилагательных, существительных), их лексического значения, распространителей, включения в соединительные, противительные, уточняющие и пояснительные отношения. В итоге определены как общие семы, характеризующие изучаемые наречия (по внешности и речи, характеру и поведению, обстановке и условиям жизни), так и индивидуальные (благородство, щедрость, способ передвижения и т. д.), связанные с отдельными образами. Выбор говорящим разных контекстов, в которых функционируют сравнительно-уподобительные наречия, может либо отсылать адресата к общеизвестному образу, либо актуализировать одну из черт, входящих в комплекс признаков.

Ключевые слова: *сравнительно-уподобительные наречия, лексические и словообразовательные подгруппы, контексты с наречиями военной тематики, функциональная грамматика*

Для цитирования: Толмачева Г. С. Функционирование сравнительно-уподобительных наречий (на материале высказываний с адвербиалами военной тематики) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 60–67. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-60-67>

Functioning of comparative adverbs (the study of statements with military adverbials)

Gul'nara S. Tolmacheva

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, 15899123417@163.com

China Petroleum University (Beijing) Karamay Campus, Karamay

Abstract

The study is carried out within the framework of functional grammar and is aimed at studying Russian comparative-assimilative adverbs of military themes.

The aim of the work is to conduct a comprehensive study of the functioning of comparative-assimilative adverbs of military themes taking into account explicit and implicit semantic features, to determine the composition of this thematic group and to identify word-formation features and types of combinability.

The research is based on the works of Russian linguists treating comparative adverbs from different points of view and applying different scientific approaches, as well as on the works of linguists studying lexical-semantic groups of words of the “war” thematic group. The illustrative material was taken from statements from the National Corpus of the Russian language and from a free selection from the Internet. The work was carried out within the framework of A.V. Bondarko’s theory of categorical situations of functional grammar, and elements of contextual and component analysis were also applied.

During the research, the composition of this group of adverbs was distributed into semantic subgroups describing the behaviour of persons belonging to different types and divisions of troops, conditions of military service, military ranks and positions. In dividing into word-formation types, a special type with a qualitative-substantive connotation was distinguished, with the meaning of places of location and dislocation of military operations. The division of military adverbs into compatibility types was carried out taking into account the connective, adversative, qualifying and explanatory relations with the main word and as the result both general (according to appearance and speech, character and behaviour, situation and living conditions) and individual senses were identified.

As a result of the study, it was found that to represent the behaviour of persons, objects and phenomena of military subjects, comparative-suggestive adverbs actualize in the minds of native speakers either a well-known image in the form of background knowledge, or one of the nuclear or peripheral features.

Keywords: comparative and assimilative adverbs, military thematic group, compatibility, functional grammar

For citation: Tolmacheva G. S. Funktsionirovaniye sravnitel’no-upodobitel’nykh narechiy (na materiale vyskazyvaniy s adverbialami voyennoy tematiki) [Functioning of comparative and assimilative adverbs (the study of statements with military adverbials)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 60–67 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-60-67>

Введение

Функционирование наречий относится к сложным актуальным проблемам современной русистики, которые в последнее время привлекают внимание лингвистов [1–4]. В эту проблематику включается и характеристика сравнительно-уподобительных наречий (СУН).

Дискуссионными вопросами, касающимися данной семантической группы наречий, являются: 1) выделение СУН как самостоятельной группы [5] или включение их в группу наречий образа действия [2]; 2) формулировка общего значения данной группы [1] и выделение тематических подгрупп, число которых варьируется и зависит от выбранного критерия, например наречия, образованные от названий лиц по социальному статусу, по роду деятельности, по месту жительства, по возрастным признакам и оценочным действиям [3]; а также распределенные по таким тематическим группам, как животный мир, языки и народы, воздушное пространство [6]. Отметим, что охарактеризованы лишь немногие подгруппы наречий: образованные от антропонимов [7] и зоонимов [8]. Многими отмечается словообразовательная специфика СУН [3, 9, 10], заключающаяся в расхождении у них формальной и семантической мотивации. Однако важно ее уточнение по отношению к отдельным тематическим группам.

В ходе работы было установлено, что в характеристике СУН существует ряд лакун, требующих специального изучения, к которым можно отнести их состав и разные подгруппы, словообразователь-

ную специфику, закономерности функционирования в высказываниях, в том числе выявление типовой сочетаемости.

Цель нашего исследования – выявить особенности поведения сравнительно-уподобительных наречий военной тематики (СУН ВТ) в высказываниях с учетом явных и неявных семантических признаков. В задачи исследования входит также определение состава тематической группы СУН ВТ, особенностей их словообразовательной характеристики и сочетаемости.

Материал и методы

Материалом исследования послужили выявленные 54 СУН ВТ, а также высказывания с ними, извлеченные из Национального корпуса русского языка (около 1 800), а также найденные в результате свободного поиска в интернете (около 700), что позволило расширить представления не только о сравнительно-уподобительных наречиях этой тематики, но и других тематических групп. В качестве методов исследования использовалась теория категориальных ситуаций А. В. Бондарко [11], элементы контекстуального и компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Состав, тематические подгруппы и словообразовательная характеристика сравнительно-уподобительных наречий военной тематики

Первым этапом исследования стало выявление состава СУН ВТ. Сложность заключается в том,

что они практически не отражаются в основных толковых словарях [12, 13]. В большей степени данные наречия представлены в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой (29 СУН ВТ), например, *по-флотски* – ‘так, как характерно для тех, кто служит на флоте’, *по-армейски* – ‘так, как характерно для военнослужащих’. В лексикографических источниках только три слова представлены как полисеманты: *по-генеральски* – ‘характерно для генералов, величаво, важно’; *по-боевому* – ‘активно, энергично, действенно’; *по-казарменному* – ‘так, как характерно для казармы, грубо, непристойно’ [13], их толкования включают переносные значения, хотя многозначными могут быть многие СУН ВТ. В специализированном словаре В. В. Бурцевой [14] представлено восемь наречий: *по-солдатски*, *по-морскому*, *по-моряцки*, *по-матросски*, *по-командирски*, *по-уставному*, *по-солдафонски*, *по-строевому*. Мы видим, что список изучаемых наречий скуден и охарактеризован не в полном объеме. Для выявления СУН ВТ в нашем исследовании привлекались не только лексикографические источники, но и работы по тематическим и лексико-семантическим группам слов военной тематики [15, 16]. В этих работах при довольно представительном лексическом материале практически отсутствуют наречия. Поиск СУН ВТ производился путем их образования от соответствующих прилагательных и существительных и проверялся по НКРЯ и интернет-источникам.

В список анализируемых слов вошли следующие выявленные 54 СУН ВТ: *по-адъютантски*, *адъютантски*, *по-армейски*, *армейски*, *по-артиллерийски*, *артиллерийски*, *по-атамански*, *по-боевому*, *по-боцмански*, *по-военному*, *по-воински*, *по-генеральски*, *генеральски*, *по-гвардейски*, *гвардейски*, *по-гусарски*, *гусарски*, *по-дембельски*, *по-десантному*, *по-ефрейторски*, *по-кавалерийски*, *кавалерийски*, *по-казарменному*, *по-командирски*, *командирски*, *по-капитански*, *капитански*, *по-корабельному*, *по-матросски*, *по-матросскому*, *по-моряцки*, *по-морски*, *по-морскому*, *по-окопному*, *по-офицерски*, *офицерски*, *по-партизански*, *партизански*, *по-пехотному*, *по-пластунски*, *по-рядовому*, *по-снайперски*, *снайперски*, *по-строевому*, *по-солдатски*, *солдатски*, *по-солдафонски*, *по-танкистски*, *по-танковому*, *по-уставному*, *по-фельдфебельски*, *фельдфебельски*, *по-флотски*, *по-фронтальному*.

По тематическому критерию были выделены следующие подгруппы СУН ВТ, которые обладают некоторыми словообразовательными и функциональными особенностями.

1. Характеризующие действия как свойственные различным видам и родам войск и флота, их подразделениям: *по-пехотному*, *по-танкистски*, *по-танковому*, *по-артиллерийски*, *артиллерийски*,

по-десантному, *по-гвардейски*, *по-кавалерийски*, *по-флотски*, *по-корабельному*, *по-моряцки*, *по-партизански* и др.

2. Характеризующие действия в определенных условиях, на определенных военных территориях: *по-фронтальному*, *по-военному*, *по-окопному*, *по-боевому*, *по-уставному*; *по-казарменному*, *по-пластунски*, *по-строевому* и др.

3. Характеризующие поведение людей как свойственное представителям воинских званий и должностей, а также по их неофициальным номинациям: *по-генеральски*, *генеральски*, *по-капитански*, *по-командирски*, *командирски*, *по-офицерски*, *офицерски*, *по-гусарски*, *по-ефрейторски*, *по-атамански*, *по-адъютантски*, *по-солдатски*, *по-боцмански*, *по-матросски*, *по-капитански*, *капитански*, *по-снайперски*, *снайперски*, *по-фельдфебельски*, *по-дембельски* и др.

Отметим, что границы между этими подгруппами не всегда жесткие: одно и то же наречие может передавать разные значения. Так, наречия *по-партизански*, *партизански* могут относиться к любой из выделенных подгрупп, указывая на специфику этих особых отрядов, действующих в тылу врага, а также характеристику представителей этих отрядов.

Выделенные подгруппы обладают определенной словообразовательной спецификой, которая будет рассмотрена ниже.

Особенности словообразовательной структуры различных категорий наречий рассматривали многие ученые [3, 9]. Однако изучение СУН ВТ позволяет увидеть как общие свойства для всех СУН, так и специфические черты именно этой группы. Существенным отличием всех СУН является расхождение формальной и семантической мотивации. С формальной стороны, СУН ВТ образованы от прилагательных, а с семантической – от существительных. Характерной чертой словообразования СУН ВТ является мотивация одним и тем же прилагательным двух видов дериватов: образованных префиксально-суффиксальным способом и суффиксальным (из 54 выбранных СУН ВТ – 39 наречий образованы приставочно-суффиксальным способом, 13 наречий имеют своего рода пары: *партизански* и *по-партизански*, *адъютантски* и *по-адъютантски*, *артиллерийски* и *по-артиллерийски*, *армейски* и *по-армейски*, *гвардейски* и *по-гвардейски* и др. Из СУН ВТ приставочно-суффиксальные дериваты употребляются чаще, чем суффиксальные. Например, *по-армейски* – 140 примеров, а *армейски* – 4 примера, *по-партизански* (87) – *партизански* (2), *по-гусарски* (116) – *гусарски* (2). Но интересно, что из СУН ВТ *по-снайперски* – 30 примеров, а *снайперски* – 117. Заметим, что употребление наречия *снайперски* чаще используется не в

значении ‘как свойственно военному снайперу на поле боя’, а метафорически ‘метко, точно попадая в цель’, например: *Таков парадокс исторического кинематографа, работающего в обход фактов, но снайперски попадая в нерв и боль политической минуты...* (Сараскина Л. И. Большой формат: экранная культура в эпоху трансмедийности).

Отметим, что более существенными в аспекте функционирования являются предметно-относительные и предметно-обстоятельственные подгруппы, которые даны в работе О. К. Кочинева [9, с. 18], учитывающие их словообразовательное значение. Соглашаясь с выделением этих значений, уточним их формулировку, в которой нашел отражение формальный аспект и недостаточно учитывается семантический: скорее, речь идет о предметно-качественном (*по-танкистски, по-моряцки, по-офицерски*) и обстоятельно-качественном (*по-окопному, по-фронтовому, по-строевому*). Эти наречия формально образуются не от относительных прилагательных, а от их второго, качественного и с семантической точки зрения – от личных существительных в первом случае, а также, соответственно, от качественных прилагательных и существительных, называющих пространство или условие.

Приведем примеры: 1) *Водитель шел за мной, по-матросски широко расставляя ноги, сильно сутулясь и размахивая руками* (Серова М. Сердцу не прикажешь); *Он громко, по-солдатски, чавкал и утирал рот платком из холста* (Герман Ю. Россия молодая); *Держался он очень прямо, по-военному, отличался быстрой, почти бесшумной походкой* (Холмогоров Е. Исторический флогистон). Ср.: *по-матросски* – ‘как свойственно матросу, как характерно для него’; *по-солдатски* – ‘так, как характерно для солдат, рядовых военнослужащих сухопутных войск или для любых военнослужащих’; *по-военному* – ‘так, как характерно для военнослужащих’ [12].

2) *Правда, номеров «люкс» там не было, и ребята разместили по-казарменному – всей гурьбой в спортивном зале* (Батуева Е. В. Все девушки мечтают выйти замуж); *Спать пришлось по-фронтовому, в машинах, или на брезенте поверх мотора, или в пакаузах товарной станции* (Савин В. Союз нерушимый). В высказываниях реализуется качественно-обстоятельный оттенок места: *по-казарменному* – ‘так, как характерно для казармы, как в казарме’, *по-фронтовому* – ‘так, как бывает на фронте’ [13].

Итак, был выявлен довольно значительный объем СУН ВТ, который часто не отражен в словарях. Эти наречия имеют не только общие свойства, характерные для всех СУН, но и свои лексические и

словообразовательные особенности как в формальном, так и в семантическом плане.

Как и все СУН, они характеризуются расхождением формальной и семантической мотивации. Формальная особенность анализируемых наречий заключается в их образовании префиксально-суффиксальным (приставка по- и суффиксы -ски, и -ому/-ему) и суффиксальным (-ски) способами. Семантически они мотивируются не только словами со значением лица, но и предмета, называющего пространство или условия существования. В ходе исследования выделяется особый словообразовательный тип, где в качестве семантически мотивирующих являются слова с качественно-обстоятельным оттенком, имеющие отнесенность к отдельным организациям, родам войск, местам локации.

Было отмечено, что выделенные нами лексические подгруппы и словообразовательные типы не тождественны, но наблюдаются некоторые тенденции, связывающие их. Так, качественно-предметные значения реализуются в первой и третьей подгруппе (характеризующие действия как свойственные разным видам и родам войск и флота, характеризующие поведение людей как свойственные представителям воинских званий и должностей), качественно-обстоятельные чаще соотносятся со второй лексической подгруппой (характеризующие действия в определенных условиях, на определенных военных территориях).

Рассмотрев лексический и словообразовательный потенциал СУН ВТ, попытаемся выявить некоторые закономерности их функционирования.

Характеристика распространителей сравнительно-уподобительных наречий военной тематики

Семантика СУН ВТ включает целый комплекс семантических признаков, которые могут быть представлены в высказывании либо в виде актуализации одного из признаков, входящих в этот комплекс, либо в общем виде, без конкретизации. При выявлении способов представления семантики СУН ВТ анализ материала показал широкий спектр сочетаемости, который способствует/не способствует экспликации неявных сем. Было установлено, что СУН ВТ могут зависеть не только от спрягаемых/неспрягаемых глагольных форм, но и от других наречий, от имен прилагательных, от имен существительных. Кроме того, важным является вхождение их в соединительные, противительные, уточняющие и пояснительные отношения.

Итак, были выявлены следующие типы сочетаний: 1) СУН ВТ, сочетающиеся только с глаголом без актуализаторов; 2) СУН ВТ, примыкающие к

глаголу, наряду с другими наречиями, реализующими соединительные и противительные отношения; 3) СУН ВТ, вступающие в уточняющие, пояснительные отношения; 4) СУН ВТ, зависящие от прилагательного или существительного.

К первому типу употребления относятся те СУН ВТ, которые примыкают к глагольным формам без дальнейшей конкретизации, говорящий полагается на наличие у адресата определенных фоновых знаний. В этом случае чаще используются глаголы-идентификаторы, обладающие общей семантикой (действовать, вести себя, воевать). Например: *В отряд вошли матросы, пехотные части, артиллерия и кавалерия. Отряд будет действовать партизански* (Алданов М. Бегство); *Конечно, нам следовало бы вести себя по-партизански, лелея свой дерзновенный план...* (Климонтович А. Н. Дорога в Рим); *Они нынче сами научились по-партизански воевать, беляки* (Залыгин С. Соленая Падь). *По-партизански* может ассоциироваться с разными семами, чаще 'в тылу врага, самостоятельно', а также 'скрытно', 'стихийно', 'неорганизованно'. Неясно, какое из этих значений или весь комплекс реализуется в этих высказываниях. Отмечаются случаи, когда употребление данного типа сочетаемости приводит к непониманию, например: *Когда же выяснилось, что в конце концов никто толком не знает, как надо стричь по-артиллерийски* (Катаев В. Сын полка). Исключением можно считать наречие по-снайперски, за которым закреплена семантика 'метко', 'точно': например: *Это он учил своих курсантов выходить на позицию по-снайперски* (Болтунов М. Спецоперация «Зверобой»).

Во втором типе употребления СУН ВТ выступают в сочинительном ряду с другими наречиями, а глаголы, которые они распространяют, относятся к разным лексическим группам. В случае соединительных отношений наречия могут дополнять друг друга: *Теплов отчеканил громко и совершенно по-солдатски: – Товарищ капитан, разрешите с вами?* (Кржишталович В. Осада). Слова *громко* и *по-солдатски* относятся к глаголу *отчеканил*, но характеризуют разные аспекты речи: силу звука и другую, не вполне ясную характеристику (четкость? соответствие уставу?). Могут наблюдаться и своего рода градационные отношения: *Поступил он вполне по-солдатски, по-воински, как поступали, наверно, тогда, когда нужно было хвататься и за соломинку* (Бойченко С. Преодоление); *– Нехорошо говорите, Павлов, – помрачнел Рацупкин. – Не по-офицерски и вообще не по-мужски* (Корнилов В. Демобилизация). Близкие по значению слова *по-солдатски*, *по-воински* отличаются тем, что при сравнении производящих (солдат, воин) первое является частью второго, примерно те же ха-

рактеристики проявляются и у контекстуальных синонимов *по-офицерски* и *по-мужски*, актуализирующих сему 'благородное поведение', свойственное, по мнению говорящего, офицерам и настоящим мужчинам.

При противопоставлении чаще возможна актуализация как ядерных, так и периферийных, даже потенциальных признаков: *Ясно, что соответствующая работа может вестись не партизански, а регулярно* (Устрялов Н. Ю. Дневник). В данном случае у СУН акцентируется семантический признак 'плохо организованный', проявляющийся в нерегулярности действий; а в высказывании *КП США должна действовать «в унисон», а не по-партизански в МКД* (Черняев А. Дневник) – сема 'несогласованно', 'отдельными группами'. В следующем примере в СУН *по-армейски* благодаря противопоставлению домашнему обращению выявлена периферийная сема 'официальное обращение', соответствующее армейским уставным правилам и нормам: *– Какой вы милый! – вдруг сказала Сашенька как-то совсем по-домашнему, а не по-армейски* (Михальский В. Одинокому везде пустыня). Аналогичное явление наблюдается и в высказывании: *Это было скупое, не по-гвардейски* (Шварц Е. Дневник), где в СУН выявляется сема 'щедрость'.

Итак, в однородном ряду СУН ВТ дается общее представление, которое при соединительных отношениях может дополняться или усиливаться, а при противопоставлении из комплекса признаков выделяется либо центральная, либо периферийные, неявные семы.

При третьем типе употребления СУН ВТ могут уточнять другое наречие или сами конкретизируются, вступая в пояснительные отношения. Рассмотрим примеры: *На мой вопрос о прошлых заслугах господина Муромцева старик по-гвардейски скупое и точно доложил, что Сергей Андреевич был кадет, юристконсульт французской компании* (Конецкий В. Начало конца комедии). Наречия *скупое* и *точно* характеризуют речевую особенность, которую говорящий считает принятой в гвардии, СУН выступает в собственно сравнительном значении, не служит для конкретизации главных слов, так как может считаться нестандартным для адресата, оно отсылает к некоторому образу. Такое же употребление можно наблюдать и в следующем случае: *Русские только приготовились отобедать, а курды, по-партизански все быстро проглотив, уже играли в футбол* (Егерева Е. Курды у русских). СУН *по-партизански* зависит от слова *быстро*, а не от деепричастия *проглотив* и не служит для уточнения главного слова, скорость принятия пищи не ассоциируется у рядового носителя языка с партизанской жизнью, в этом случае можно гово-

речь о наведенной семе. В некоторых примерах актуализируются периферийные семы, ср.: *Сами участники Кубанского похода были одеты, надо сказать, весьма пестро, что называется, по-партизански* (Туркул А., Лукаш И. Дроздовцы в огне). Можно предположить, что, употребляя сочетание *пестро, по-партизански*, автор подчеркивает отсутствие единообразия, военной формы защитного цвета, нерегламентированность и стихийность военного соединения. *А проснувшись и сразу уразумев, что и вправду дым возле конюшен, с ходу, как привык, обе ноги одновременно, по-кавалерийски сунул в ботфорты...* (Васильев Б. Картежник и брестер, игрок и дуэлянт). Для придания особой образности вводится наречие *по-кавалерийски*, примыкающее к другому наречию – *одновременно*, что создает особую атмосферу описываемого исторического периода.

Примеров, где СУН ВТ уточняют наречия, представлено много: *тихо по-партизански, тупо по-солдафонски, цинично по-генеральски, по-матросски враскачку, по-гусарски лихо, честно-благородно по-офицерски, сработал топорно по-армейски, четко по-армейски, по-пластунски бесшумно* и др. Таким образом, наречия образа действия несут в себе основной смысл, а СУН ВТ уточняет образ военнослужащего.

К четвертому типу употребления относятся СУН ВТ, зависящие от имен прилагательных и существительных.

Поведение СУН ВТ, зависящих от прилагательных, во многом аналогично тому, которое демонстрируют слова, примыкающие к наречиям: основное содержание передается главным словом, а СУН ВТ служат только добавочным выразительным средством: – *Это была вся обстановка кухни, по-казарменному чистой, холодной и безликой* (Мальшева А. Сфинксы северных ворот). Однородный ряд прилагательных описывает кухню, и это описание вызывает ассоциацию с казармой. СУН ВТ может называть причину существования называемого признака: *По-офицерски прямолинейный, он не умел хитрить и ловчить в извилистых коридорах власти* (Трошев Г. Моя война). Здесь представлена характеристика человека (*прямолинейный*), а сравнение *по-офицерски* связывает эту черту со службой в армии. Аналогично ведет себя наречие и в следующем высказывании: *И никто не обращал внимания на человека, шагавшего в немецкой, по-фронтному грязной шинели, перехваченной солдатским ремнем, и на семенившего рядом с ним мальчишку* (Гофман Г. Сотрудник гестапо). Характеристика шинели (*грязной*) объясняется фронтowymi условиями.

СУН ВТ, зависящие от существительных, называют либо способы, рецепты приготовления блюд,

либо обычаи, принятые в том или ином роде войск. В первом случае они относятся к конкретным, вещественным существительным и представляют собой компрессивную конструкцию (*макароны по-флотски, селедка по-гвардейски, телятина по-капитански*) с пропуском причастий (приготовленный, жаренный) и в нашем сознании не относятся к словам военной тематики. Во втором – наречия определяют отглагольные существительные (*крепление по-десантному, рукопашка по-партизански*) и имплицитно ритуал приема новичков в десантные войска или вид борьбы в партизанском отряде или в диверсионной группе, что может конкретизироваться в высказывании или оставаться неэксцентрированным: *Что это значит? «Рукопашка» по-партизански. Начнем с того, что рукопашный бой и диверсионные группы спецназа – явления, плохо стыкуемые* (Белов А. Воины возмездия).

Анализ функционирования СУН ВТ показал, что их регулярная сочетаемость служит для выявления типовых сем и аспектов характеристики лица, предмета, явления. Наиболее часто встречаются актуализаторы, связанные с представлением *внешнего вида и речи*: *держась подтянуто, хорошо сложенный, держась прямо, коротко стриженный* и др.; *четко, прямо, ясно, точно, сдержанно и корректно, прямо и строго* и под.; *характера и поведения*: *прямолинейно, дисциплинированно, решительно, сурово и искренне, ладно и бодро, быстро, четко* и т. д.; *обстановка и условия жизни*: *аккуратно, застеленный; неуютно, чисто, сурово, безлико, просто* и пр.

Помимо повторяющихся общих характеристик, каждое из СУН ВТ имеет свои индивидуальные признаки: *по-солдатски* – *топорно, грубовато, живо, честно*; *по-матросски* – *враскачку*; *по-снайперски* – *точно*; *по-партизански* – *скрытно, тайно*; *по-казарменному* – *однообразно, серо, строго*; *по-генеральски* – *величаво и важно, привилегированно*; *по-пластунски* – *бесшумно* и др. В высказываниях могут встретиться неожиданные, нетипичные ассоциации, не поддающиеся систематизации.

В целом хотя нельзя говорить о полной соотносительности выделенных нами лексических, словообразовательных подгрупп и закономерностей их функционирования, тем не менее существуют определенные тенденции в их распределении: большей свободе в сочетаемости в одних случаях и некоторых ограничениях – в других.

Заключение

Как показало исследование, требуется дальнейшее изучение наречий, необходим более детальный анализ в лексическом, словообразовательном и синтаксическом плане. Комплексное исследование од-

ной из тематических групп дало возможность представить состав СУН ВТ, выделить семантические подгруппы, характеризующие не только действия лиц, но и целых воинских видов и родов войск, а также ситуаций, учитывающих условия жизни военных и территории их пребывания.

Изучаемые наречия обладают значительной словообразовательной спецификой, в том числе связанной с выделенными подгруппами. С этой точки зрения не только были отмечены формальные возможности образования СУН ВТ, в частности образование их префиксально-суффиксальным и суффиксальным способами, варьированием суффиксов -ски и -ому/-ему, но и сформулированы качественно-предметное и качественно-обстоятельное словообразовательные значения.

Выявление особенностей функционирования СУН ВТ строилось с учетом их связи с главным словом (глаголами разной семантики, наречиями, прилагательными и существительными), а также с включением в соединительные, противительные, уточняющие и пояснительные отношения. Разные виды сочетаемости могут вызывать в представлении адресата либо некий общий образ, базирующийся на комплексе семантических признаков, либо актуализировать один из ядерных или периферийных признаков, входящих в этот комплекс. Такой подход позволяет говорить о существовании в языковом сознании некоторых общих свойств, связанных с военной тематикой, а также с индивидуальными представлениями отдельного явления.

Список источников

1. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная система семантических разрядов наречий (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2008. Вып. 4. С. 30–55.
2. Дегальцева А. В. Наречия образа действия в разных сферах современного русского общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла в предложении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2021. 51 с.
3. Огольцева Е. В. Образный потенциал сравнительно-уподобительных наречий // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Филологические науки. 2008. Вып. 13. С. 4–8.
4. Щеникова Е. В. Современные словообразовательные процессы в области наречий и слов категории состояния (на материале интернет-форумов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, № 1. С. 17–29. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.2>
5. Тихонов А. Н. Современный русский язык: Морфемика. Словообразование. Морфология. М.: Цитадель-трейд, 2002. 464 с.
6. Бобунова М. А. Сравнительно-уподобительные наречия в художественной прозе Воробьева К. Д. // Курское слово. Курск, 2010. Вып. 7. С. 31–39.
7. Козельская Н. А., Панфилов В. Ю. Лексическое и словообразовательное значение сравнительно-уподобительных наречий // Семантико-когнитивные исследования: межвузовский сборник научных трудов / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2016. Вып. 7. С. 30–34.
8. Балабанова А. В. Сравнительно-уподобительные зоонимические наречия в художественной прозе Е. И. Носова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 55. С. 19–23.
9. Кочинева О. К. Наречия с префиксом по- и суффиксом -ому(-ему) в современном русском литературном языке. Мурманск: Мурманский государственный педагогический институт, 1962. С. 18.
10. Русская грамматика: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
11. Бондарко А. В. Категоризация в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1–4. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 30.10.2022).
13. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.07.2022).
14. Бурцева В. В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Русский язык. Медия, 2005. 750 с.
15. Демидович Т. В. Особенности использования «военной» экспрессивно и стилистически окрашенной лексики в языке художественной литературы о Великой Отечественной войне // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 10 (301). Вып. 76. С. 38–40.
16. Лю Жуйфэн. Тематическая группа Война в лингвосоциокультурном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 23 с.

References

1. Pankov F. I. Funktsional'no-kommunikativnaya sistema semanticheskikh razryadov narechiy (fragment lingvodidakticheskoy modeli russkoy grammatiki) [The functional-communicative system of semantic classes of adverbs (fragment of a linguodidactic model of Russian grammar)]. *Vestnik MGOU. Filologiya – Bulletin of the Moscow State University. Series: Philology*, 2008, no. 9, vol. 4, pp. 30–55 (in Russian).

2. Degal'tseva A. V. *Narechiya obraza deystviya v raznykh sferakh sovremennogo russkogo obshcheniya: strukturno-sematicheskaya tipologiya i rol' v organizatsii smysla v predlozhenii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Adverbs of the way of action in different spheres of modern Russian communication: structural and semantic typology and role in the organization of meaning in a sentence. Abstract of the thesis cand. philol. sci.]. Saratov, 2021. 51 p. (in Russian).
3. Ogol'tseva E. V. *Obraznyy potentsial sravnitel'no-upodobitel'nykh narechiy* [Image Potential of Comparative Adverbial Adverbs]. *Uchyonyye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskiye nauki – Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 2008, vol. 13, pp. 4–8 (in Russian).
4. Shchenikova E. V. *Modern Word-Formation Processes in the Field of Adverbs and State-of-Being Words (Based on the Material of Internet Forums). Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 17–29 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.1.2>
5. Tikhonov A. N. *Sovremennyy russkiy yazyk: Morfemika. Slovoobrazovaniye. Morfologiya* [Modern Russian Language: Morphemics. Word-formation. Morphology]. Moscow, Tsitadel'-trejd Publ., 2002. 464 p. (in Russian).
6. Bobunova M. A. *Sravnitel'no-upodobitel'nyye narechiya v khudozhestvennoy proze Vorob'yova K. D.* [Comparative and assimilative adverbs in the fiction prose of Vorobyov K. D.]. Kursk, Kurskoye slovo Publ., 2010. vol. 7. pp. 31–39 (in Russian).
7. Kozel'skaya N. A., Panfilov V. Yu. *Leksicheskoye i slovoobrazovatel'noye znachenie sravnitel'no-upodobitel'nykh narechiy*. [Lexical and word-formation meaning of comparative adverbs]. In: Sternin I. A. (ed.) *Semantiko-kognitivnyye issledovaniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Semantic and cognitive research: interuniversity collection of scientific papers]. Voronezh, Istoki. 2016. Vol. 7. Pp. 30–34.
8. Balabanova A. V. *Sravnitel'no-upodobitel'nyye zoonimicheskiye narechiya v khudozhestvennoy proze E. I. Nosova* [Comparative-subjective zoonimic adverbs in E. I. Nosov's fiction prose]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena – Izvestiya: Herzen University of Humanities and Sciences*, 2008, no. 55, pp. 19–23 (in Russian).
9. Kochineva O. K. *Narechiya s prefiksom po- i suffiksom -omu (-emu) v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Adverbs with prefix po- and suffix -omu (-emu) in modern Russian literary language]. Murmansk, Murmanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii institut Publ., 1962. P. 18 (in Russian).
10. *Russkaya grammatika: Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya: v 2 tomakh. Tom 1* [Russian Grammar: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Vocabulary formation. Morphology: 2 volumes. Vol. 1]. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. p. 783 (in Russian).
11. Bondarko A.V. *Kategorizatsiya v sisteme funktsional'noy grammatiki* [Categorisation in the System of Functional Grammar]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2011. 488 p. (in Russian).
12. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh. Tom 1–4* [Dictionary of Russian language: in 4 volumes. Volume 1–4]. Ed. A. P. Evgenieva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1999 (in Russian). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 30 Oktober 2022).
13. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrasovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000 (in Russian). URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (accessed 15 July 2022).
14. Burtseva V. V. *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of adverbs and service words of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk. Media Publ., 2005. 750 p. (in Russian).
15. Demidovich T. V. *Osobennosti ispol'zovaniya "voynennoy" ekspressivnoy stilisticheskoy okrashennoy leksiki v yazyke khudozhestvennoy literatury o Velikoy Otechestvennoy voyne* [Peculiarities of the use of "military" expressive and stylistically coloured vocabulary in the language of the fiction about the Great Patriotic War]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: 9. Filologiya. Iskusstvovedeniye – Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art History*, 2013, no. 10 (301), vol. 76, pp. 38–40 (in Russian).
16. Lyu Zhujfen. *Tematicheskaya gruppa Voyna v lingvosotsiokul'turnom aspekte. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Thematic group War in the lingvo-sociocultural. Abstract of the thesis cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2014. 23 p. (in Russian).

Информация об авторе

Толмачева Г. С., аспирант, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126); преподаватель русского языка как иностранного, Китайский нефтяной университет (Пекин), кампус Карамай (ул. Андин, 355, Карамай, СУАР, Китай, 834000).

Information about the author

Tolmacheva G. S., postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126); teacher of Russian as a foreign language, China Petroleum University (Beijing) Karamay Campus (ul. Andin, 355, Karamay, XUAR, China, 834000).

Статья поступила в редакцию 27.12.2022; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 27.12.2022; accepted for publication 25.05.2023

Рекламные ролики к курсам по русскому языку в онлайн-образовании

Лайцзына Ашан

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, 1375486401@qq.com

Аннотация

Растущая популярность онлайн-обучения привела к появлению большого количества платформ и курсов онлайн-обучения, что затрудняет их выбор для слушателей. Благодаря рекламным видеороликам потенциальный слушатель может быстрее понять преимущества того или иного курса среди множества доступных вариантов.

Существуют различия между рекламными видеороликами на разных платформах онлайн-образования. Эти различия касаются способов представления рекламно-информационного материала.

В данном исследовании мы поставили цель выявить оптимальные лингвистические приемы в рекламном сопровождении именно лингвистических образовательных ресурсов.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования был проведен сравнительный анализ рекламных видеороликов на двух платформах – «Образование на русском» и Stepik. Мы выявили факторы, определяющие различия в видеороликах. Во-первых, обе платформы предъявляют разные требования к авторам. Во-вторых, платформы отличаются своим форматом (картинки, презентации и визуальный ряд). Отличие формата определяет стилистическое различие текстов, представленных в видеороликах. Авторы используют в речи элементы разных языковых стилей: книжно-письменного и разговорного. Особенно ярко это проявляется на лексическом уровне.

Рекламные видеоролики на платформах «Образование на русском» и Stepik выполняют роль «навигатора» в курсе, облегчая выбор того или иного подходящего курса для слушателя.

Ключевые слова: *рекламный видеоролик, платформа, текст, структура, стиль*

Для цитирования: Ашан Л. Рекламные ролики к курсам по русскому языку в онлайн-образовании // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 68–75. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-68-75>

Promotional videos to the russian language courses in online education

Laizina Ashan

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, 1375486401@qq.com

Abstract

Introduction. The growing popularity of online learning has led to the emergence of many online learning platforms and courses, which makes it difficult for students to choose them. Thanks to the promotional videos, the potential listener can quickly understand the benefits of a particular course among the many available options.

There are differences between promotional videos on different online education platforms. These differences relate to the ways of presenting promotional and informational material.

In this study, we set a goal of identifying the optimal linguistic techniques in the advertising support of the linguistic educational resources.

During the study, a comparative analysis of Promotional videos on two platforms “Education in Russian” and “Stepik” was carried out. The factors that determine the differences in the Promotional videos are revealed. Firstly, both platforms have different requirements for authors. Secondly, platforms are distinguished by their format (pictures, presentations, and visual series). Differences in the format determine the stylistic difference between the texts presented in the videos. The authors use their speech elements of different language styles: book-written and colloquial. This is especially evident at the lexical level.

Promotional videos on two platforms “Education in Russian” and “Stepik” act as a “navigator” in the course, making it easier for the listener to choose one or another suitable course.

Keywords: *promotional video, platform, text, structure, style*

For citation: Ashan L. T Reklamnyye roliki k kursam po russkomu yazyku v onlayn-obrazovanii [Promotional videos to the russian language courses in online education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 68–75 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-68-75>

Введение

Онлайн-образование становится все более популярным среди разных категорий обучающихся. Большое количество платформ затрудняет выбор для слушателей того или иного курса [1]. Рекламные видеоролики дают представление о курсе, показывают его преимущество.

Рекламный видеоролик – это реклама курсов для новой формы образования, то есть для массового открытого онлайн-курса (МООК), который позволяет учащимся лучше понять содержание курса и области, которые он охватывает.

Исходя из разнообразия видов рекламы, Л. Г. Фещенко разделил рекламу на четыре типа коммуникации, в которых задействованы разные органы чувств: зрение (речемыслительная деятельность в форме обмена письменной информацией – чтение), зрение (восприятие посредством зрения образных представлений – наблюдение), слух, зрение и слух (трансляция рекламной информации происходит через раздражение зрительных реакций разной природы и слуховых) [2, с. 15]. Рекламные видеоролики – это зрительно-слуховая реклама, имеют как вербальные (речь/голос), так и невербальные (видео, картинки и т. д.) компоненты. Как правило, наличие невербальной составляющей воспринимается как неременный атрибут полноценного рекламного текста [3, с. 2].

В данной статье мы рассматриваем вербальную и невербальную составляющие рекламных видеороликов, размещенных на разных платформах, в целях выявления наиболее эффективных средств речевого воздействия и взаимодействия со зрителями.

Материал и методы

В данной статье мы проводим сопоставительный анализ рекламных видеороликов к курсам по русскому языку, расположенных на платформах «Образование на русском» и Stepik.

Помимо метода сопоставительного анализа также используется метод научного описания в совокупности его приемов: прием систематизации и обобщения материала, прием количественных подсчетов, контекстуальный анализ. Сбор материала проводился с помощью приема сплошной выборки.

Проанализировано 28 рекламных видеороликов МООК по русскому языку, размещенных на открытой для всех платформе «Образование на русском» Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, и 22 рекламных видеоролика, размещенных на платформе Stepik.

Результаты и обсуждение

Характеристика платформ

Выбор платформ «Образование на русском» и Stepik обусловлен тем, что они являются достаточно авторитетными и занимают лидирующие позиции.

На портале «Образование на русском» размещено более 150 онлайн-курсов разнообразной тематики, которые можно использовать для самообучения или в учебном процессе в школе или вузе. Все представленные онлайн-курсы открыты и бесплатны для слушателей [4].

Stepik – российская образовательная платформа и конструктор бесплатных и платных онлайн-курсов и уроков. По состоянию на 2020 год на платформе зарегистрировано 5 млн пользователей. Целевая аудитория – школьники, студенты, начинающие специалисты [5]. Кроме бесплатных курсов, есть небольшое количество платных. Некоторые курсы на Stepik по истечении определенного периода удаляются с платформы.

На платформе «Образование на русском» требуется, чтобы автор курса был сотрудником того или иного университета. На Stepik любой желающий может загрузить курс. Обе платформы известны в сфере онлайн-образования. Между ними есть существенные отличия, и слушатели могут выбирать между ними в зависимости от своих потребностей.

Любой рекламный видеоролик состоит из начала, основной части и заключения. Начало – приветствие или обращение к аудитории или использование речевого воздействия для привлечения внимания и установления связи со слушателями. Основная часть – краткое содержание курса, чтобы слушатели могли понять сложность курса, для кого он предназначен. Заключение – призыв к аудитории присоединиться к курсу и пожелание успехов.

Начало как структурный элемент текста

В процессе исследования мы проанализировали видеоролики, в которых встречается несколько вариантов начала текста. Мы зафиксировали три ключевых элемента, которые встречаются в рекламных видеороликах платформ «Образование на русском» и Stepik: приветствие, риторический вопрос, самопрезентация автора видеоролика.

Исходя из трех элементов, выделенных в ходе анализа видеороликов, мы также определили возможные структуры начала видеоролика в зависимости от наличия или отсутствия одного из элементов.

Приветствие

Приветствие – это традиционный способ установления контакта с адресатом. Любой рекламный видеоролик, более того, любая форма речи начинается с приветствия. Разница в приветствии может показать отношения между адресантом и адресатом.

В рекламных видеороликах встречаются нейтральные приветствия: «*здравствуйте*», «*добрый день*» либо обращение – «*дорогие друзья*». Адресант хочет относиться к аудитории как к равным и уважаемым партнерам, поэтому при приветствии обращается к слушателям «*друзья*».

Структура приветствия в рекламном видеоролике зависит от университета, преподаватели которого его подготовили.

В ходе анализа мы зафиксировали наличие двух видов структур вступления:

- 1) наличие приветствия;
- 2) отсутствие приветствия, приглашение на курс как альтернатива приветствию.

В изученных в процессе исследования видеороликах платформы «Образование на русском» два раза встречается следующая структура вступления:

Приветствие + тема курса.

1. *Дорогие друзья! Предмет нашего разговора – русский язык...* [4].

2. *Здравствуйте, уважаемые слушатели курса! Мы, преподаватели Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, разработали для вас новую программу «Русский язык на отлично»* [4].

В свою очередь в рекламных видеороликах онлайн-платформы Stepik встречается следующая структура вступления:

Приветствие + название университета + тема курса

Мы зафиксировали четыре примера подобной структуры приветствия в видеороликах образовательной платформы.

1. *Здравствуйте! Это Балтийский федеральный университет им. И. Канта, и мы представляем вам курс риторики, записанный на базе нашего университета* [6].

2. *Дорогие друзья! В Балтийском федеральном университете им. И. Канта мы подготовили для вас курс по истории* [6].

3. *Добрый день! Балтийский федеральный университет им. И. Канта приветствует вас. Мы подготовили курс по истории философии и представляем его на Stepik* [6].

4. *Здравствуйте! Вас приветствует Балтийский федеральный университет имени И. Канта. Мы подготовили для вас курс лекций по философии* [6].

Всего на платформе «Образование на русском» из 28 рекламных видеороликов мы зафиксировали наличие приветствия только в двух видеороликах. В свою очередь на платформе Stepik из 23 рекламных видеороликов наличие приветствия было зафиксировано в 14 видеороликах. Приветствие может сблизить автора и аудиторию. Поэтому у аудитории не возникает ощущения, что курс или преподаватель незнакомы.

На платформе «Образование на русском» мы зафиксировали примеры того, как авторы пропускают приветствие. В процессе исследования видеороликов платформы «Образование на русском» мы зафиксировали шесть примеров следующей структуры вступления:

Отсутствие приветствий + приглашение на курс («добро пожаловать на курс...») + тема курса

Фразы, встречающиеся в структурном элементе «приветствие» в видеороликах «Образование на русском»:

1. *Добро пожаловать на курс «Историческая грамматика русского языка»!* [4].

2. *Добро пожаловать на курс «Лексикология и лексикография русского языка»!* [4].

3. *Добро пожаловать на курс «Морфология современного русского языка»!* [4].

4. *Добро пожаловать на курс «Фонетика современного русского языка»!* [4].

5. *Добро пожаловать на курс «Морфемика и словообразование современного русского языка»!* [4].

6. *Добро пожаловать на курс «Старославянский язык»!* [4].

Таким образом, мы видим, что в начале рекламного видеоролика приглашение часто является альтернативой приветствию.

Риторические вопросы

Важным компонентом дистанционного обучения является связь между субъектами образовательного процесса [7, с. 16]. MOOK не похожи на традиционное обучение, в онлайн-курсах самое сложное – это взаимодействие. Обучать без прямого взаимодействия с обучающимися сложнее, чем при обучении в традиционной форме. Самый простой способ взаимодействия – задавать вопросы.

Риторические вопросы являются наиболее распространенным приемом в начале образовательных рекламных видеороликов. Начало с вопроса может привлечь интерес аудитории.

Чтобы вызвать отклик у аудитории, задаваемые вопросы не должны быть слишком сложными. Авторы видеороликов стремятся задавать вопросы, с которыми большинство людей, вероятно, уже сталкивались.

Мы зафиксировали шесть рекламных видеороликов, начинающихся с риторических вопросов,

как на платформе «Образование на русском», так и на платформе Stepik. Структура начала на обеих платформах в этой категории:

Отсутствие приветствия + риторический вопрос

Примеры подобных приветствий в видеороликах на платформе «Образование на русском»:

1. «Эй, борода! а как проехать к Плюшкину?», – что это: метафора, метонимия, синекдоха? [4]

2. Как сделать выступление приближенным к интересам конкретной аудитории? [4].

3. Что общего между словами «ромашка» и «ворожей», «белка» и «векша»? В каких регионах России собирают кислинку, кислушку и барбарис? [4].

4. Знаете ли вы, как составить договор? Можете ли вы написать рецензию на фильм или статью? А выступить перед аудиторией с сообщением? [4].

5. Современному человеку дают много советов: что кушать? как одеваться? где отдохнуть? [4].

6. Часто ли вы обращаетесь к словарю? Любите ли держать его в руках, листать, читать? [4]

Примеры подобных приветствий в видеороликах на платформе Stepik:

1. Как подготовиться к презентации? Как написать речь для важного события? Как заговорить человеческим языком, простым и доступным? [6].

2. Приходилось ли вам задумываться, чем вы оплачиваете товары или услуги? Деньгами или дЕньгами? [6].

3. Почти с самого своего начала человечество занимали фундаментальные вопросы: что там в небе? является ли наша Земля основой целой Вселенной? что такое мироздание? [6].

4. Когда Россия стала называться Россией? Когда в России стали использовать понятия «империя» и «нация» применительно к самой России? Кто? Как? Когда? [6].

5. Кто знал искуса Березкина? Почему европейские указатели сюжетов не работают в Австралии? [6].

6. Хотите узнать, что все это значит? [6].

Авторы задают простые вопросы, связанные с темой курса. Вопросы связаны с навыками, имеющими отношение к курсу (например, «Как составить договор?», «Как подготовиться к презентации?»), или с вопросами, которые заинтересуют аудиторию (например, «Что это такое мироздание?», «Когда Россия стала называться Россией?»). Таким образом, они направлены на то, чтобы потенциальный слушатель почувствовал, что курс улучшит их способности в определенной области или сможет ответить на их запросы.

Самопрезентация

Мы зафиксировали примеры самопрезентации в рекламных видеороликах платформы Stepik. Структура начала таких видеороликов:

Приветствие + самопрезентация + тема курса

На платформе Stepik автору сначала необходимо представиться. Самопрезентация может включать в себя рассказ о том, как зовут автора, где он работает и как долго работает, каких успехов достиг в своей профессиональной деятельности, тем самым продемонстрировав свой профессионализм.

Этот прием встречается три раза на платформе Stepik и не встречается на платформе «Образование на русском». Например:

Всем привет! Меня зовут Владимир Пахомов, я научный сотрудник Института русского языка Российской академии наук, главный редактор портала «Грамота.ру», член экспертного совета тотального диктанта [6].

«Грамота.ру» – авторитетный сайт для поиска русских слов. Автор является главным редактором этого сайта, это подтверждает его компетентность, что заставляет аудиторию воспринимать курс как необходимый.

Также есть более короткие варианты самопрезентации:

1. *Здравствуйте друзья! Меня зовут Галина Николаевна, я эксперт ЕГЭ, представляю вам тренажер по заданию № 4 на ЕГЭ по русскому языку [6].*

2. *Здравствуйте! Меня зовут Хутова Ляйсан, и я рада приветствовать вас на курсе «Подготовка к ЕГЭ по русскому языку» [6].*

Из этих двух примеров ясно, что самопрезентация не обязательно должна быть всесторонней, но автор должен обязательно назвать свое имя в видеоролике.

Таким образом, на платформе Stepik текст видеоролика начинается с самопрезентации автора, что привлекает интерес зрителя, помогает зрителю узнать больше о компетенциях автора, все это необходимо для того, чтобы набрать больше обучающихся на курс. В свою очередь на платформе «Образование на русском» все курсы подготовлены преподавателями университетов, поэтому элемент «самопрезентация» в структуре приветствия отсутствует, в нем нет необходимости. Для того чтобы обозначить, какой именно университет создал данный видеоролик, на платформе «Образование на русском» демонстрируется логотип и название университета в начале или в конце видеоролика.

Формат основной части рекламного видеоролика

Рекламные видеоролики чаще всего не очень длинные, обычно они длятся 2–3 минуты, очень

редко длительность видеоролика может доходить до 5–6 минут. Всего за несколько минут автор должен донести до зрителя как можно больше информации. Для привлечения внимания зрителя автор может использовать некоторое речевое воздействие, то есть, помимо обогащения содержания видеоролика, автор обогащает форму подачи рекламного видеоролика, используя разные форматы оформления видеороликов.

Использование фрагмента курса – наиболее распространенный формат оформления основной части курса на платформе «Образование на русском». Таким образом, основная часть представляет собой видеоролик, состоящий из нескольких клипов из курса.

Примеры использования фрагментов курса в рекламных видеороликах на платформе «Образование на русском»:

Так и остается загадкой, если «изюм» в тюркских языках – это виноград вообще, то в русском языке слово «изюм» только виноград сушеный. «Мир на вас» дословно обозначает это выражение «ас-саляму ‘аляйкум», но мы переводим на русский язык как «мир вам» [4].

Этап «запоминание» является одним из завершающих подготовки оратора к публичному выступлению. Вся технология создания ораторской речи – это, по сути дела, один большой прием. Вступление и заключение – это, можно так сказать, психологические части, как работать и вообще, какое вступление выбрать к речи [4].

В примерах, приведенных выше, между предложениями нет связи. Автор объединил интересные и привлекающие внимание аудитории фрагменты урока в рекламный видеоролик, потому что одна из важнейших функций рекламного видеоролика – привлечение студентов к записи на курс.

В рекламном видеоролике важно также, чтобы текст был кратким и ясным. Фрагменты курса демонстрируются в видеоролике в формате слайдов презентации или текста. Это соответствует принципу конкретности выступления, отмеченному в работе Д. А. Гусева [8, с. 108].

Далее мы рассмотрим еще один пример использования фрагментов курса в рекламном видеоролике:

Сегодня в России сложилась своеобразная языковая картина... И положению, запрещение что-либо сделать являются... Путешествие по дорогам и тропам русского языка... [4].

Видеоролик из примера не соответствует принципу конкретности: он состоит из незаконченных предложений. Такие видеоролики не передают информации и не привлекают потенциальных слушателей. Текст видеоролика должен быть конкретным, чтобы слушатели могли понять его тему.

Использование подзаголовков также является одним из распространенных форматов оформления основной части видеоролика. При таком формате в одном рекламном видеоролике обычно более двух авторов. Каждый автор дает описание, связанное с названием, основанное на заголовке. Например:

Подзаголовок: Звуковая система

Автор 1:

– Очень важно, конечно, подчеркнуть, что носовые гласные не были унаследованы праславянским языком из проекта европейского, это уже собственно славянское новое образование.

Подзаголовок: Объяснения языковых явлений

Автор 2:

– «Мертвец» – категория одушевленности. Как так? Все дело в том, что речь идет о мертвом человеке. А если вы скажете: «Вижу труп» – там никакой одушевленности нет, это тоже старый остаток исконного значения – это слово значит «поваленное дерево» [4].

Это пример подзаголовков из рекламного видеоролика курса «Историческая грамматика русского языка». Автор выбрал пять интересных подзаголовков (звуковая система, объяснения языковых явлений, вехи, жизнь слова, проблемы), основанных на названии этого курса, для краткого объяснения.

Основной функцией подзаголовка рекламного текста является поддержание интереса целевой аудитории к рекламному тексту [9].

При выборе оформления основной части рекламного видеоролика в формате разбивания его на подзаголовки количество выступающих в рекламном видеоролике может быть разным: два или более авторов взаимодействуют друг с другом для представления курса или один автор представляет курс только монологом. Когда два и более авторов описывают курс, взаимодействие между авторами можно разделить на различные формы:

1. «Вопрос-ответ».

2. Два или более авторов описывают различные аспекты курса.

Пример формата «вопрос-ответ»:

Студент:

– А зачем вообще нужна история языка, если наша главная цель – изучить современный русский язык?

Автор:

– Хорошо знать современный русский язык может только тот человек, который хорошо знает его историю [4].

Пример формата, при котором два или более авторов описывают различные аспекты курса:

Автор 1:

– Русский язык территориально окрашен, он особенный в каждом уголке нашей страны.

Автор 2:

– Это ярко проявляется в местных диалектах, метком и образном языке деревни [4].

Когда один автор создает курс, ему доступно меньше форматов рекламных видеороликов. Поэтому некоторые авторы включают демонстрацию слов или понятий в видеоролик, чтобы дать зрителю визуальную опору. Автор также может включить некоторые видеоэлементы, например студентов на занятиях или виды университета. Все это помогает автору разнообразить рекламный видеоролик.

По результатам проведенного исследования мы пришли к выводу, что использование фрагментов курса и форматов подзаголовков для оформления рекламных видеороликов является наиболее распространенным приемом в лингвистических образовательных ресурсах. Поскольку большинство рекламных видеороликов на платформе «Образование на русском» созданы на основе фрагментов курсов, каждый из которых преподают как минимум два или более преподавателей, рекламные видеоролики создаются с использованием диалогового формата. В платформе Stepik большинство курсов являются личными, поэтому рекламные видеоролики создаются в форме монологов.

Автор, использующий монолог для представления курса, может быть немного скучным. Следует контролировать длину рекламного видеоролика или, возможно, добавить в него несколько видеороликов и изображений, чтобы эффективно привлечь внимание зрителя. В случае с несколькими авторами формат объявления может быть более разнообразным, например, формат «вопрос-ответ» позволит лучше ответить на вопросы зрителя, включив в него некоторые из вопросов, которые могут возникнуть у зрителя.

В процессе просмотра рекламного видеоролика зрители могут пропустить некоторые основные моменты или не уделить содержанию столько же внимания, как в начале. Поэтому в конце рекламного видеоролика автор использует некоторое речевое воздействие, таким образом снова привлекая внимание аудитории или приглашая ее записаться на курс. Приглашение чаще всего встречается в конце рекламных видеороликов. Обе платформы используют глагол «приглашать» в конце рекламных видеороликов, чтобы призвать зрителей записаться на курсы.

Поскольку самая главная цель рекламного видеоролика – повлиять на действие зрителя, т. е. записаться на курс, повелительное наклонение глагола также является одним из распространенных способов выражения приглашения. Именно поэтому в конце рекламного видеоролика выбран глагол повелительного наклонения (*смотрите, слушайте, записывайте*).

Стилистическая характеристика текста рекламного видеоролика

Стиль рекламы является темой многочисленных дискуссий. Д. А. Гусев [8], Е. С. Кара-Мурза [10], М. Н. Макеева [11] называют рекламный стиль самостоятельным речевым стилем. Д. Э. Розенталь и Н. Н. Кохтев [12] рассматривают рекламный стиль как сочетание различных стилей. Соглашаясь с последним мнением, мы обосновываем его на основе анализа языкового стиля, использованного в рекламном видеоролике.

В рекламе сочетаются разговорный, научный, публицистический, художественный и деловой стили. Д. Э. Розенталь и Н. Н. Кохтев в 1978 г. заметили: «Стиль рекламы „многослоен“» [12, с. 11]. Тексты рекламных видеороликов составляются с опорой на книжно-письменный стиль, в то же время большинство ораторов хотят использовать разговорный стиль, который делает сложные, абстрактные знания простыми. Так, Н. Н. Кохтев предположил, что в настоящее время наблюдается активная тенденция к взаимопроникновению стилей [13, с. 127].

Использование конкретного стиля в рекламном видеоролике зависит от формата видеоролика и содержания курса. Например, если это курс журналистики, языковое наполнение рекламного видеоролика будет приближено к публицистическому стилю путем использования общественно-политической и медийной лексики [13, с. 122]. В лекции, как правило, используется научный язык, пусть и в своей разговорной форме. Так, если рекламный видеоролик представляет собой фрагмент лекции курса, его языковое содержание будет приближено к научному стилю. Если же рекламный видеоролик воплощен в форме диалога между двумя или более ораторами, то в нем могут быть представлены языковые средства как разговорного, так и научного стили. Научный стиль речи логичен и объективен, но иногда является трудным для понимания из-за использования терминов и абстрактных существительных.

Кроме того, языковые средства, используемые в рекламном видеоролике, могут зависеть от целевой аудитории курса. Рекламные видеоролики рассчитаны на определенную аудиторию, поэтому важно, чтобы содержание и темп речи оратора были доступными для слушателей.

Необходимо также упомянуть стиль публичной речи в рекламных видеороликах. «Публичная речь – это особая форма речевой деятельности в условиях непосредственного контакта; речь, произносимая в определенной аудитории и адресованная определенному адресату; ораторская речь. Публичная речь произносится для того, чтобы проинформировать слушателей и оказать на них желаемое воздействие (убедить в чем-либо, внушить что-либо, призвать к чему-либо и т. д.)» [14, с. 9].

Рассмотрим пример речи в рекламном видеоролике на платформе «Образование на русском»:

В общем, как мы увидим, далее к этим задачам и обратился структурализм XX века, но древнеиндийские грамматисты уже к V веку до новой эры блистательно и неповторимо их решали. Вот они первые структуралисты. Греки зарекомендовали себя заядлыми спорщиками. Это они придумали слово «философия» и сделали из нее что-то вроде вида спорта в олимпийских состязаниях. Ведь именно философия, точнее, теософия того времени, то есть философские рассуждения с неизменным центром «Бог», установила что-то вроде тоталитарного режима в науке. В отличие от средневековой европейской науки, можно сказать, что в Древней Греции процветал научный плюрализм. После 10-векового тоталитаризма церкви в Европе с ее канонами и догмами, ворвавшийся Ренессанс как будто объявил амнистию для всего научного инакомыслия [4].

Из вступления автора к истории лингвистического учения мы можем увидеть три основные характеристики научного стиля: логичность (к V веку до нашей эры, после 10-векового), обобщенность (с неизменным центром «Бог») и абстрактность (структурализм, философия, теософия, тоталитаризма, Ренессанс). Но, поскольку самая главная функция рекламного видеоролика – информировать и побудить слушателя записаться на курс, то автор по-прежнему должен использовать разговорный стиль. Исследования показывают, что люди часто стремительней и активней реагируют на приземленный разговорный стиль, чем на возвышенный и официальный [15, с. 150]. Соотношение научного и разговорного стиля в речи зависит от содержания курса и аудитории, а также от личного ораторского опыта автора.

Рассмотрим примеры стиля речи в рекламных видеороликах платформы Stepik:

Здравствуйте, дорогие друзья! Если вы никогда не изучали русский язык, но вам это интересно, добро пожаловать на наш курс. На нашем курсе мы учим русский алфавит. Первые слова, фразы и диалоги на русском языке [6].

Мы рады снова вас приветствовать на нашем курсе «Русский язык как иностранный. Учусь в России». И сегодня мы приступаем к следующей части нашего курса – «Основы грамматики». Здесь вы познакомитесь с первыми грамматическими конструкциями русского языка. Выучите новые слова и узнаете новые выражения по-русски [6].

В рекламных видеороликах, цитаты из которых приведены выше, ораторы говорят медленно, произносят каждое слово четко, не используют термины и даже включают в видеоролик китайские и русские субтитры. Курс создан для иностранных студентов, поэтому авторы выбирают более простые и понятные выражения.

Таким образом, выбор автором языкового стиля зависит от целевой аудитории и формы рекламного видеоролика. В силу характера MOOK автор и аудитория не взаимодействуют лицом к лицу. Автор не может определить однородность аудитории. И так, в текстах рекламных видеороликов присутствуют языковые средства всех функциональных стилей, за исключением официально-делового. Поскольку в некоторых текстах рекламных видеороликов может наблюдаться смешение разных стилей, эти тексты будут определяться как межстилевые функциональные тексты.

Заключение

Анализ материала показал, что рекламные ролики обладают различными функциями: передают информацию, привлекают интерес зрителя, создают взаимосвязь со зрителем и побуждают зрителя записаться на курс. Рекламные ролики к курсам выполняют роль «навигатора» в курсе, облегчая выбор того или иного подходящего курса для зрителя. То есть потенциальные обучающиеся могут понять общее содержание курса, увидев рекламный ролик.

Для создания выделяющегося среди аналогичных курсов рекламного ролика авторам ролика необходимо внимательно подходить к подбору информации, формата и стиля речи рекламного ролика.

Список источников

1. Демешкина Т. А., Стаканова Т. К. Языковая платформа как инструмент обучения русскому языку как иностранному // Язык. Культура. Образование: сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 4 июня 2021 г. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 2021. С. 88–94.
2. Фещенко Л. Г. Структура рекламного текста. СПб., 2003. 232 с.
3. Тюрина С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2009. № 1. С. 75–77.
4. Платформа «Образование на русском». URL: <https://pushkininstitute.ru> (дата обращения: 11.12.2022).
5. Stepik. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Stepik> (дата обращения: 11.12.2022).
6. Платформа Stepik. URL: <https://stepik.org/catalog> (дата обращения: 11.12.2022).
7. Марчук Н. Ю. Психолого-педагогические особенности дистанционного обучения // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 78–85.

8. Гусев Д. А. Основные принципы эффективного построения системы дистанционного обучения // Наука и школа. 2014. № 5. С. 106–112.
9. Добросельский В. В. Рекламный текст: анализ, структура // Филологический аспект. 2015. № 4. С. 3.
10. Кара-Мурза Е. С. Преподавание и изучение русской коммерческой рекламы в медиавузе // Медиалингвистика. 2018. Т. 5, № 1. С. 97–109. DOI: 10.21638/11701/spbu22.2018.108
11. Макеева М. Н. К вопросу о месте рекламы: стиль vs дискурс // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 48–54.
12. Кохтев Н. Н., Розенталь Д. Э. Слово в рекламе. М.: Экономика, 1978. 71 с.
13. Кохтев Н. Н. Основы ораторской речи. М.: Флинта, 2013. 328 с.
14. Левчаева Н. В. Публичное выступление как эффективное средство повышения качества обучения студентов // Мир науки и образования. 2015. № 1 (1). С. 9.
15. Ломако А. П., Судакова Т. Г. Языковые особенности рекламных текстов // Мир глазами молодых. Студенческие чтения: сб. материалов Междунар. студ. науч.-практ. науч. онлайн-конф., 15 мая 2018 г. Курск: Курск. гос. мед. ун-т. С. 149–154.

References

1. Demeshkina T. A., Stakanova T. K. Yazykovaya platforma kak instrument obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Language platform as a tool for teaching Russian as a foreign language]. *Yazyk. Kul'tura. Obrazovaniye: sbornik materialov II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Language. Culture. Education: Collection of materials of the II All-Russian scientific-practical conference]. Omsk, Omsk State Pedagogical University Publ., 2021. Pp. 88–94 (in Russian).
2. Feshchenko L. G. *Struktura reklamnogo teksta* [The structure of the advertising text]. Saint Petersburg, 2003. 232 p. (in Russian).
3. Tyurina S. Yu. O ponyatiyakh reklamnyy diskurs i reklamnyy tekst [On the concepts of advertising discourse and advertising text]. *Vestnik IGEU – Bulletin of the Ivanovo State Energy University*, 2009, no. 1, pp. 75–77 (in Russian).
4. *Platforma “Obrazovaniye na russkom”* [Platform “Education in Russian”] (in Russian). URL: <https://pushkininstitute.ru> (accessed 12 November 2022).
5. *Stepik* (in Russian). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Stepik> (accessed 12 November 2022)
6. *Platforma Stepik* [Platform Stepik] (in Russian). URL: <https://stepik.org/catalog> (accessed 12 November 2022).
7. Marchuk N. Yu. Psikhologo-pedagogicheskiye osobennosti distantsionnogo obucheniya [Psychological and pedagogical features of distance learning]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii – Pedagogical education in Russia*, 2013, no. 4, pp. 78–85 (in Russian).
8. Gusev D. A. Osnovnyye printsipy effektivnogo postroyeniya sistemy distantsionnogo obucheniya [Basic principles of effective construction of a distance learning system]. *Nauka i shkola – Science and School*, 2014, no. 5, pp. 106–112 (in Russian).
9. Dobroselskiy V. V. Reklamnyy tekst: analiz, struktura [Advertising text: analysis, structure]. *Filologicheskyy aspekt*, 2015, no. 4, pp. 3 (in Russian).
10. Kara-Murza E. S. Prepodavaniye i izucheniye russkoy kommercheskoy reklamy v mediavuze [Teaching and studying Russian commercial advertising in a media university]. *Medialingvistika – Medialinguistics*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 97–109 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu22.2018.108
11. Makeyeva M. N. K voprosu o meste reklamy: stil' vs diskurs [To the question of the place of advertising: style vs. discourse]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 5 (109), pp. 48–54 (in Russian).
12. Kokhtev N. N., Rosenthal D. E. *Slovo v reklame* [Word in advertising]. Moscow, Ekonomika Publ., 1978. 71 p. (in Russian).
13. Kokhtev N. N. *Osnovy oratorskoy rechi* [Fundamentals of oratory]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 328 p. (in Russian).
14. Levchayeva N. V. Publichnoye vystupleniye kak effektivnoye sredstvo povysheniya kachestva obucheniya studentov [Public speaking as an effective means of improving the quality of student learning]. *Mir nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1 (1), p. 9 (in Russian).
15. Lomako A. P., Sudakova T. G. Yazykovyye osobennosti reklamnykh tekstov [Linguistic features of advertising texts]. *Mir glazami molodykh. Studencheskiye chteniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy onlayn-konferentsii, 15 maya 2018 g.* [The world through the eyes of the young. Student readings: collection of materials of the International Student Scientific and Practical Scientific Online Conference, May 15, 2018]. Kursk, Kursk State Medical University Publ., 2018. Pp. 149–154.

Информация об авторе

Лайцзына Ашан, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Laizina Ashan, postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 26.01.2023; accepted for publication 25.05.2023

РОМАНСКИЕ И ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81-2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-76-83>

К вопросу о типологии телескопных единиц (на материале французской публицистики)

Светлана Владимировна Слепцова¹, Инна Брониславовна Акиншина²,
Ирина Александровна Авилова³

^{1, 2, 3} Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

¹ sleptsova@bsu.edu.ru

² akinshina@bsu.edu.ru

³ avilova_i@bsu.edu.ru

Аннотация

Словарный состав любого языка время от времени обновляется. Средства массовой информации довольно эффективно способствуют этому процессу, особенно в области словообразования. Одним из способов словообразования в языке французской публицистики является телескопия, которая стремится не только эмоционально воздействовать на реципиента, привлекая его внимание к событиям, но и экономно использовать речевые средства. Материалом исследования послужили французские газеты, ориентированные на широкий круг читателей. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема произвольной выборки. На основе разработок Джона Элджио, изучающего способы образования телескопизмов в английском языке, исследование позволило выявить и составить типологию телескопных лексических единиц, употребляющихся в языке современной французской публицистики: 1) лексические единицы, полученные путем слияния полных исходных компонентов; 2) лексические единицы с усечением конечных элементов первых исходных компонентов; 3) лексические единицы с полным совпадением отдельных элементов исходных компонентов и их наложением; 4) лексические единицы с усечением конечных элементов обоих исходных компонентов. Анализ словарного состава каждого типа по лексическим значениям, морфологическим признакам и грамматическим категориям позволил разработать модели французских телескопных слов. Во всех моделях в процессе слияния участвуют части речи, выраженные существительными, прилагательными и глаголами.

Первый тип телескопных образований включает модель, основанную на соединении двух существительных, которые в результате дают новое слово, также выраженное существительным.

Наиболее распространенным в языке французских письменных средств массовой информации является второй тип с усечением второго элемента первого компонента исходных лексических единиц. В этом типе зарегистрировано пять моделей телескопизмов, а в качестве компонентов этого типа словообразования используются существительные, прилагательные и глаголы. При слиянии двух слов, выраженных глаголом, в результате добавления суффиксов *ment/age* образуется телескопное слово, выраженное существительным.

В третий тип телескопизмов вошла модель, в которой соединяются прилагательное и существительное, при этом средняя часть новообразованного слова является полным совпадением двух исходных компонентов.

Четвертый тип характеризуется двумя моделями: первая из них основывается на создании существительного в результате слияния двух глаголов, а во вторую вошли термины, образованные от греческих компонентов.

Ключевые слова: информационное пространство, телескопия, телескопная единица, игра слов, словообразование

Для цитирования: Слепцова С. В., Акиншина И. Б., Авилова И. А. К вопросу о типологии телескопных единиц (на материале французской публицистики) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 76–83. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-76-83>

ROMAN AND GERMANIC LANGUAGES

On the typology of telescoped words (based on the material of French journalism)

Svetlana V. Sleptsova¹, Inna B. Akinshina², Irina A. Avilova³

^{1, 2, 3} Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

¹ sleptsova@bsu.edu.ru

² akinshina@bsu.edu.ru

³ avilova_i@bsu.edu.ru

Abstract

The vocabulary of any language is updated from time to time. The mass media contribute quite effectively to this process, especially in the field of word formation. One of the ways of word formation in the language of French journalism is blending, which seeks not only to emotionally influence the recipient, attracting his attention to events, but also to use speech means economically. French newspapers aimed at a wide range of readers served as the material for the study. The empirical base of the study was formed by using the means of random sampling. Based on the research work of John Algeo, who studies the means of forming telescoped words in English, the study made it possible to identify and compile a typology of telescopic lexical units used in the language of modern French journalism: 1) lexical units obtained by merging complete initial components; 2) lexical units with truncation of finite elements of the first initial components; 3) lexical units with complete coincidence of individual elements of the initial components and their overlap; 4) lexical units with the finite element truncation of both initial components. The analysis of the vocabulary of each type by lexical meanings, morphological features and grammatical categories made it possible to develop the models of French blend words. In all models, parts of speech expressed by nouns, adjectives and verbs are involved in the process of merging.

The first type of blend formations includes a model based on the combination of two nouns, which, as a result, give a new word, also expressed by a noun.

The most widespread model in the language of the French journalism is the second type, with the truncation of the second element of the first component of the initial lexical units. Five models of telescoped units have been registered in this type. The components of these word formation models are nouns, adjectives and verbs. When two words expressed by a verb merge, as a result of addition the suffixes *ment/age*, a telescoped word expressed by a noun is formed.

The third type of telescoped words includes a model that connects adjectives and nouns. In this case, the middle part of the newly formed word is a complete coincidence of the two initial components.

The fourth type is characterized by two models: the first of them is based on the creation of a noun due to the combination of two verbs, and the second includes terms formed from Greek components.

Keywords: *information space, blending, telescoped units, word-play, word formation*

For citation: Sleptsova S. V., Akinshina I. B., Avilova I. A. K voprosu o tipologii teleskopnykh edinits (na materiale frantsuzskoy publitsistiki) [On the typology of telescoped words (based on the material of French journalism)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 76–83 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-76-83>

Введение

Сегодня невозможно представить современного человека вне информационного пространства. Информационное пространство – это своего рода многоуровневая система, в основе которой содержатся каналы коммуникации, к которым относятся как традиционные (печатные издания; электронные: радио, телевидение; информационные агентства), так и сетевые СМИ (интернет-издания, интернет-каналы и радиостанции) [1, с. 143]. Язык СМИ во все времена был объектом исследования

лингвистов, поскольку он находится в состоянии постоянного развития, а самым мобильным компонентом языковой системы является словарный состав языка.

Одним из наиболее интересных способов обновления словарного состава выступает такое явление, как телескопия. В последние десятилетия внимание лингвистов разных языков приковано к этому объекту исследования. Они рассматривают телескопию как «игру слов», которая создает «оригинальный и запоминающийся образ» [2, с. 181], и

как способ создания неологизмов, анализируют признаки, по которым новые слова можно отнести к телескопии, составляют типологии на основе общих признаков телескопных единиц [3, с. 133]. Но, несмотря на огромную работу, проделанную исследователями в этой области, проблема изучения такого способа словообразования, как телескопия, на материале французских письменных СМИ остается актуальной, поскольку именно публицистика способствует проникновению в состав языка новых, необычных слов, призванных не только побуждать интерес читателей к предоставляемой информации, но и реализовать один из принципов языка – экономию языковых средств посредством компрессии.

Принцип языковой экономии – один из самых важных для публицистики. В нем большую роль играет телескопное слово. Оно содержит в себе сразу два понятия и позволяет автору статьи выразить целую мысль [4, с. 25, 28; 5, с. 10].

Несмотря на многочисленные исследования в этой области словообразования, на сегодняшний день все еще существуют разногласия по определению самого термина «телескопное слово» [6]. Наиболее широкую трактовку таких лексических единиц представила Е. А. Ардаматская. Автор полагает, что «телескопизмы – это лексические единицы, образованные из любых фрагментов и контрактур» [7, с. 19]. Т. И. Скоробогатова, О. Ю. Суралева поднимают вопрос о лингвистическом статусе телескопных образований, который требует конкретизации и уточнения [8, с. 102]. Т. Р. Тимошенко считает, что телескопия занимает промежуточное место между такими способами словообразования, как словосложение, аббревиация и деривация [9, с. 45]. М. М. Лукина же рассматривает телескопию как самостоятельный способ словообразования [10, с. 552]. Такого же мнения придерживаются Л. В. Эрстлинг и Э. С. Адзиева. Авторы относят телескопию к достаточно продуктивному словообразовательному способу создания новых слов [3, с. 135; 11, с. 98]. Многие из таких слов, попадая на страницы прессы, настолько регулярно употребляются, что постепенно закрепляются в языке и фиксируются в словаре, т. е. входят в состав официального литературного языка.

В данной работе, вслед за Л. В. Эрстлинг, телескопное слово рассматривается как «слово, составленное из сегментов двух (или нескольких) исходных слов или из двух полных слов с обязательным наложением общего звукового сочетания» [3, с. 134], а само явление телескопии как самостоятельный способ словообразования.

В основе данной статьи лежит типология телескопных слов, предложенная Д. Элджио на материале английского языка [12].

Цель данной статьи – разработать типологию телескопных единиц, основанную на способе их образования, и составить модели телескопизмов с учетом их лексических значений, морфологических признаков и грамматических категорий на материале современной французской публицистики.

Материал и методы

Источниками исследования послужили французские газеты, рассчитанные на массового читателя: *Le Monde*, *Le Monde diplomatique*, *Le point* и *le Figaro*.

В ходе исследования применялись метод словообразовательного анализа, метод компонентного анализа, описательный метод, сравнительный метод. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема произвольной выборки.

Результаты и обсуждение

Исследование языка французской публицистики позволило составить типологию телескопных слов с учетом способов их образования и разработать модели данных телескопизмов.

В первый тип вошли **лексические единицы, полученные путем слияния полных исходных компонентов**. Примером может служить слово *radiodiffusion* – «радиовещание» из французской газеты, например:

Informer, instruire, divertir: les termes du triptyque fondateur de la radiodiffusion publique ont connu des fortunes diverses (Le Monde diplomatique, mai 2014). – Информировать, обучать, развлекать: термины основополагающей триады радиовещания испытали превратности судьбы.

Retour sur la suppression de l'Office de radiodiffusion-télévision française, en 1974, et sur la libéralisation des ondes, qui mènera à la privatisation de TF1 (Le Monde diplomatique, avril 2012). – Возвращение к упразднению системы управления французским радиовещанием и телевидением в 1974 году и к либерализации оборудования для передачи радиоволн приведет к приватизации TF1.

Телескопная единица *radiodiffusion* образовалась благодаря слиянию двух целых существительных (N) женского рода: *radio* – «радио» и *diffusion* – «вещание». Схематично данную модель в нашем исследовании мы представили так: $1N + 2N = 3N$.

Во второй тип телескопизмов мы включили **лексические единицы с усечением конечных элементов первых исходных компонентов**. Например, телескопное слово *EduFrance* обозначает название центра информации по вопросам получения высшего образования во Франции. Данное слово появилось вследствие соединения существи-

тельных женского рода *éducation* – «образование» и *France* – «Франция», но в процессе объединения первое слово теряет конечный элемент *-cation*.

Это слово довольно просто и емко объясняет свое значение. По одному названию *EduFrance* можно догадаться о деятельности самого центра. Например:

L'agence EduFrance, la vitrine française du «commerce mondialisé de l'esprit» dont parlait Claude Allègre, remplit-elle correctement sa mission? (Le Monde, février 2002). – Агентство **EduFrance**, французская витрина «всемирной торговли умами», о которой говорил Клод Аллегр, правильно ли она выполняет свою миссию?

Не менее интересным для анализа является телескопная единица этого же типа *Télématin*. Это название утренней телепередачи, которая на русский язык тоже переводится как «утренняя телепередача». Данный телескопизм появился в результате объединения существительного женского рода *télévision* – «телевидение» без второго компонента *-vision* и полного существительного мужского рода *matin* – «утро»:

– *Il faut dire que la journaliste de France 2, rédactrice en chef, de 1997 à 2001, de la partie infos de «Télématin», a une certaine expérience des brumes du réveil et de la façon d'y remédier (Le Monde, juin 2002).* – Надо сказать, что журналистка телеканала *France 2*, главный редактор с 1997 по 2001 год новостного раздела **Télématin**, имеет некоторый опыт с *brumes du réveil* и знает, как с ними бороться (*Brumes du réveil* – это название музыкального произведения Люка Феррари и Брунгильд Феррари, сочетающее в себе различные шумы. – Прим. авт.).

Такая модель телескопных лексических единиц в нашем исследовании представлена следующим образом: $1N[] + 2N = 3N$, где $[]$ обозначает усеченный элемент.

Исследование позволило нам выделить в этом типе телескопизмов следующую модель: $1V[] + 2V = 3V$. Например, телескопная единица *bafouiller* – «бормотать; бессвязно, невнятно говорить; путаться в словах; мямлить; запинаться» возникла благодаря слиянию усеченного элемента *baf-* от глагола (V) *bafre* – «разговаривать с набитым ртом» и полной формы глагола *fouiller* – «шарить, рыться». Слово *bafouiller* используется во французской разговорной речи, и в энциклопедическом словаре оно представлено с пометой (разг.) [13].

Le motif est connu – licenciement abusif – et l'ancienneté aussi – un an –, rappelle la journaliste, qui demande une réponse précise. La ministre bafouille... (Le Monde diplomatique, décembre 2017). – Причина известна – неправомерное увольнение – и стаж тоже – один год, – напоминает

журналистка, которая требует четкого ответа. Министр запинаясь...

В процессе изучения фактического материала было выделено телескопное существительное *bafouillement*, образованное от глагола *bafouiller* – «бессвязная речь; бормотание, болтовня» и суффикса *-ment*, указывающего на то, что существительное относится к мужскому роду, например:

Peut-on composer une épopée autre que grotesque lorsqu'on met bout à bout les odes à l'Europe sociale d'Elisabeth Guigou et de Martine Aubry, les bafouillements de Jacques Delors, les chuintements de Jean-Claude Juncker, les hystéries de Cohn-Bendit, les commercialismes de Lamy, les fulgurances charismatiques de Moscovici, et tant d'autres remarquables contributions à la chronique d'un désastre annoncé? (Le Monde diplomatique, juillet 2015). – Можно ли сочинить эпопею, а не гротеск, если соединить оды Элизабет Гигу и Мартине Обри, адресованные социальной Европе, болтовню Жака Делора, шипение Жан-Клода Юнкера, истерики Кон-Бендита, коммерциализм Лами, харизматические порывы Московичи и многие другие примечательные характеристики, расположенные в хронологической последовательности на пути к неминуемому провалу.

Синонимом к слову *bafouillement* выступает телескопная единица *bafouillage* с суффиксом *-age*. Это существительное мужского рода, которое также было зарегистрировано в языке французской публицистики:

Bafouillages, problèmes de son, lapsus, lancements ratés, correspondants occupés... la soirée du premier tour des municipales a été marquée par de nombreux couacs (Le Figaro le 23 mars 2014). – Болтовня, проблемы со звуком, оговорки, неудачные запуски, занятые корреспонденты... вечер первого тура муниципальных выборов был отмечен множеством неурядиц.

Существительные, образованные от глаголов *bafre* и *fouiller* с суффиксами *-ment* и *-age* мы отнесли к самостоятельной модели в нашем исследовании: $1V[] + 2V + -ment/-age = 3N$.

Необходимо отметить, что на страницах французской публицистики довольно часто в последнее время встречается телескопное слово *autoconfinement* – «самоограничение». Это связано с распространением заболевания COVID-19 и вынужденной мерой находиться людям в состоянии самоизоляции. Данное телескопное слово произошло в результате объединения прилагательного (Adj) *automatique* – «автоматический/ая» с усечением конечного элемента *-matique* и полного существительного мужского рода – *confinement* – «ограничение». Оно образовано по модели: $1Adj[] + 2N = 3N$, например:

De l'isolement autoritaire à l'autoconfinement (Le Monde diplomatique, Janvier 2023) – От авторитарной изоляции к самоограничению.

В ходе анализа лексического состава французских письменных средств массовой информации было выявлено телескопное слово autoroutier – «магистральный». Это прилагательное появилось благодаря слиянию существительного женского рода automobile – «автомобиль» без второго компонента *-mobile* и прилагательного routier/ière – «дорожный/ая»:

Installés au carrefour de flux autoroutiers, industriels, ferroviaires et fluviaux, les habitants d'Anvers expérimentent au quotidien l'idéologie de la mobilité (Le Monde diplomatique, avril 2010). – Жители города Антверпен, живущие на перекрестке **магистральных** дорог, грузовых, железнодорожных и водных путей, каждый день ощущают непостоянство. Телескопное слово autoroutier по способу образования относится к модели $1N[] + 2Adj = 3Adj$.

К третьему типу мы отнесли **лексические единицы с полным совпадением отдельных элементов исходных компонентов и их наложением**. Существительное женского рода internationalisation – «интернационализация» является ярким примером данного типа. Оно образовалось из двух полноценных слов, но второй элемент первого компонента абсолютно идентичен первому элементу второго компонента. Если разложить эту лексическую единицу на элементы, мы получим inter[national]isation, то есть у прилагательного мужского рода international – «интернациональный» и у существительного женского рода nationalisation – «национализация» есть общий компонент. Такая модель в нашем исследовании схематично представлена как $1Adj \leftrightarrow 2N = 3N$, например:

Internationalisation et américanisation au programme (Le Monde, septembre 2001). – **Интернационализация** и **американизация** на повестке дня.

Анализ языка французской публицистики позволил нам выделить четвертый тип телескопизмов, который объединил **лексические единицы с усечением конечных элементов обоих исходных компонентов**. В слове chantepleure – «лейка, разбрызгиватель, кран» (это существительное женского рода) соединились два глагола: chanter – «петь» и pleurer – «плакать». Оба эти глагола в результате слияния потеряли конечную *-r*. Модель, к которой мы отнесли этот телескопизм, представлена в виде $1V[] + 2V[] = 3N$, например:

«Boire à tire-larigot» signifierait ainsi boire comme un joueur de flûte, boire à tire gosier; ou à la chantepleure du tonneau (Le Figaro, 16 février 2022). – «Хлестать вино» означает пить как дудочник, пить из горлышка или из **крана** в бочонке.

Уже неоднократно отмечалось, что пресса – это тот «мир», в котором постоянно фиксируются даже малейшие языковые преобразования. В результате изучения фактического материала нам удалось выделить телескопную единицу chantepleure в таком же значении – «лейка, разбрызгиватель, кран», но с изменением категории рода. Данное слово в этом случае употребляется в мужском роде по всем правилам французского языка, т. е. с артиклем *le* и без окончания *-e*. Например:

Le chantepleur, un arrosoir sans bec ni anse, vient d'être remis au goût du jour par Bacsac (Le Figaro, mars 2016). **Le chantepleur**, лейка без носика и ручки, только что была представлена на свет компанией Bacsac.

Здесь речь идет о названии самой лейки, которое присвоила ей компания Bacsac. Чтобы показать разницу между значением слова и названием предмета, сотрудники компании изменили категорию рода имени существительного.

Кроме того, был зарегистрирован еще один вариант использования данного телескопизма – *le Chantepleure*. Такое название имеет музыкальный альбом певца Джоана Пау Вердые. В данном примере телескопное слово употребляется с артиклем мужского рода *le* и с добавлением окончания женского рода *-e*:

Au total, il avait publié 17 albums parmi lesquels Tabou-le-chat et le Chantepleure, et un dernier opus, Les rêves gigognes, sorti en 2010 (Le Figaro, 21 juin 2020). – В общей сложности он выпустил 17 альбомов, среди которых Tabou-le-chat и **le Chantepleure**, а последнее произведение, Les rêves gigognes, появилось в 2010 году.

К отдельной модели четвертого типа – $1N[] + (o) + 2N[] = 3N$ – мы отнесли телескопные слова греческого происхождения. Например, существительное женского рода calligraphie – «каллиграфия, красивый почерк, каллиграфическая надпись» появилось в результате слияния греческих слов. Многие этимологические словари дают такое происхождение этого слова: kallos – «красота» + grapho – «я пишу» [14]. Léon Clédat в своем этимологическом словаре 1914 г. отмечает, что calligraphie образовано от kallos – «красота, красавица» и graphie – «графика, начертание, написание», а само слово graphie уже произошло от греческого глагола graphein – «писать, рисовать» [15, с. 79]:

Souvent, il accompagne ses textes de calligraphies originales (Le Monde diplomatique, février 1994). – Часто он сопровождает свои тексты оригинальными **каллиграфическими надписями**.

Несмотря на то что во французском языке довольно много грецизмов с компонентом *-graphie*, которые очень прочно вошли в разряд терминологической лексики, обозначающей область какой-

либо науки, научной дисциплины [16, с. 7], в плане лексического анализа они представляют большой интерес, например ряд терминов греческого происхождения присоединяли элементы слов при помощи интерфикса *-o-* [16, с. 6; 17, с. 149]. Таким образом могут служить существительные женского рода *cartographie* – «картография», которое произошло от *chartes* – «карта» + *graphie*, и *iconographie* – «иконография», основанное на *eikon* – «образ» + *graphie*, например:

Le propos s'adosse à une cartographie originale ainsi qu'à une iconographie qui privilégie le travail des artistes plutôt que des images convenues (Le Monde diplomatique, septembre 2014). – Идея основана на оригинальной картографии и на иконографии, где предпочтение отдается творчеству художников, а не банальным изображениям.

Изучив исходные компоненты греческого происхождения вышеуказанных телескопных слов, необходимо отметить, что исконно греческим является только второй компонент *-graphie*. Первый же вопреки своему происхождению видоизменился и приобрел уже французское написание.

Заключение

Таким образом, анализ фактического материала языка французской публицистики позволил выделить четыре типа телескопных единиц с учетом способа их образования, а также схематично представить модели телескопизмов, относящихся к этим типам. В первый тип вошли лексические единицы, полученные путем слияния полных исходных компонентов. По результатам исследования все компоненты (исходные и конечные) выражены именем существительным. Второй тип телескопных еди-

ниц оказался наиболее распространенным и включает пять моделей этого способа словообразования. Все модели представлены лексическими единицами с усеченными конечными элементами первых исходных компонентов. Данный тип словообразования представлен такими частями речи, как существительное, глагол и прилагательное. Кроме того, из двух исходных компонентов, выраженных глаголом, с помощью добавления суффиксов *-ment* и *-age* образуется телескопное существительное. Необходимо отметить, что процессу слияния подвержены и слова, относящиеся к разным частям речи, например прилагательное и существительное. Такие словообразования можно выделить и в третьем типе телескопизмов – лексические единицы с полным совпадением отдельных элементов исходных компонентов и их наложением. Здесь два слова, имеющие одинаковые элементы, как будто растворяются друг в друге, образуя новую лексическую единицу. В четвертый тип вошли лексические единицы с усечением конечных элементов обоих исходных компонентов. В данном типе словообразования были зарегистрированы телескопные единицы, построенные на основе глаголов и существительных. Кроме того, в этот тип вошли слова, полученные благодаря соединению греческих компонентов. Как правило, это терминологическая лексика, где терминологические элементы присоединяются с помощью интерфикса *-o-*. Исследование позволило зарегистрировать одни и те же телескопные единицы, которые употребляются как в мужском, так и в женском роде. Анализ лексических единиц показал, что такое явление используется для того, чтобы акцентировать внимание читателей на различии значения слова и названии самого предмета.

Список источников

1. Добровольская И. А. Понятие «информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 140–147.
2. Слепцова С. В., Свищев Г. В. Функционирование телескопных лексических единиц в языке современных французских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36): в 2 ч. Ч. II. С. 180–183.
3. Эрстлинг Л. В. Телескопные слова во французском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2010. № 4 (22). С. 132–142.
4. Костюшкина Г. М., Шагланова Е. А. Компрессия информации как проявление закона экономии в языке (на материале текстов рекламы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 3 (714). С. 23–39.
5. Кузнецова И. М. Паронимическая неология во французском языке // Риторика – лингвистика: сб. статей. Серия 7. Смоленск: Смолен. гос. ун-т, 2008. Т. 2. С. 100–108.
6. Гетманская М. Ю. Семантико-стилистические особенности телескопизмов в современном русском языке // Каталог публикаций Пятигорского государственного лингвистического университета, 2008. URL: https://upload.pgu.ru/iblock/b88/uch_2008_vii_00023.pdf (дата обращения: 01.02.2023).
7. Ардаматская Е. Н. Акронимия как форма адаптивности языковой системы (на материале английской морской терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 19 с.
8. Скоробогатова Т. И., Суралева О. Ю. Об истории изучения телескопных образований и определении их статуса в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 4. С. 100–103.
9. Тимошенко Т. Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1975. 192 с.

10. Лукина М. М. Телескопия и ее место в английском словообразовании // Молодой ученый. 2019. № 20 (258). С. 550–553. URL: <https://moluch.ru/archive/258/59240/> (дата обращения: 16.02.2023).
11. Адзиева Э. С. Телескопизмы современного английского языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 3-3 (105). С. 97–100.
12. Algeo J. Blends: A structural and systematic view // *American Speech*. 1977. № 52. P. 47–54.
13. Bafouiller // *Encyclopédie Universelle*. Paris, 2012. URL: https://encycopedie_universelle.fr-academic.com/27549/bafouiller (дата обращения: 01.02.2023).
14. Большая советская энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/92518/Каллиграфия> (дата обращения: 01.02.2023).
15. Calligraphie // *Dictionnaire Étymologique de la langue française*. Paris, 1914. URL: <https://archive.org/details/dictionnairety00cluoft/page/79/mode/1up?view=theater> (дата обращения: 01.02.2023).
16. Бейн Е. И. Роль греко-латинских элементов во французском терминологическом образовании // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2017. № 2. С. 3–8.
17. Носачева М. И., Данилина Н. И. Способы образования сложных слов в медицинской терминологии (на материале немецкого языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 4. С. 145–156.

References

1. Dobrovolskaya I. A. Ponyatiye “informatsionnoye prostranstvo”: razlichnyye podkhody k yego izucheniyu i osobennosti [The concept of “Information space”: different approaches to its study and features]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Linguistics and Journalism*, 2014, no. 4, pp. 140–147 (in Russian).
2. Sleptsova S. V., Svishchev G. V. Funktsionirovaniye teleskopnykh leksicheskikh yedinit v yazyke sovremennykh frantsuzskikh SMI [The functioning of telescopic lexical units in the language of modern French media]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 6 (36), v 2 ch., ch. II, pp. 180–183 (in Russian).
3. Erstling L. V. Teleskopnyye slova vo frantsuzskom yazyke [Telescopic words in French]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya – St. Tikhon's University Review*, 2010, no. 4 (22), pp. 132–142 (in Russian).
4. Kostyushkina G. M., Shaglanova Ye. A. Kompresiya informatsii kak proyavleniye zakona ekonomii v yazyke (na materiale tekstov reklamy) [Information compression as a manifestation of the law of economy in language (based on advertising texts)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2015, no. 3 (714), pp. 23–39 (in Russian).
5. Kuznetsova I. M. Paronimicheskaya neologiya vo frantsuzskom yazyke [Paronymic Neology in French]. *Ritorika – lingvistika: sbornik statey. Seriya 7* [Rhetoric – linguistics: collection of articles. Series 7]. Smolensk, Smolensk State University Publ., 2008, iss. 2, pp. 100–108 (in Russian).
6. Getmanskaya M. Yu. Semantiko-stilisticheskiye osobennosti teleskopizmov v sovremennom russkom yazyke [Semantic and stylistic features of telescopings in modern Russian]. *Katalog publikatsiy Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Catalog of publications of the Pyatigorsk State Linguistic University]. 2008 (in Russian). URL: https://upload.pgu.ru/iblock/b88/uch_2008_vii_00023.pdf (accessed 1 February 2023).
7. Ardamatskaya Ye. N. *Akronimiya kak forma adaptivnosti yazykovoy sistemy (na materiale angliyskoy morskoy terminologii). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Acronymy as a form of adaptability of the language system (based on English maritime terminology). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Leningrad, 1987. 19 p. (in Russian).
8. Skorobogatova T. I., Suraleva O. Yu. Ob istorii izucheniya teleskopnykh obrazovaniy i opredelenii ikh statusa v sovremennom frantsuzskom yazyke [On the history of the study of telescopic formations and the determination of their status in modern French]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, iss. 12, no. 4, pp. 100–103 (in Russian).
9. Timoshenko T. R. *Teleskopiya v slovoobrazovatel'noy sisteme sovremennogo angliyskogo yazyka. Dis. kand. filol. nauk* [Telescoping in the word-formation system of modern English. Diss. cand. philol. sci.]. Kiev, 1975. 192 p. (in Russian).
10. Lukina M. M. Teleskopiya i yeyo mesto v angliyskom slovoobrazovanii [Telescoping and its place in English word formation]. *Molodoy uchenyy*, 2019, no. 20 (258), pp. 550–553 (in Russian). URL: <https://moluch.ru/archive/258/59240/> (accessed 16 February 2023).
11. Adziyeva E. S. Teleskopizmy sovremennogo angliyskogo yazyka [Telescopisms of Modern English]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal – International Research Journal*, 2021, no. 3–3 (105), pp. 97–100 (in Russian).
12. Algeo J. Blends: A structural and systematic view. *American Speech*, 1977, no. 52, pp. 47–54.
13. Bafouiller. *Encyclopédie Universelle*. Paris, 2012. URL: https://encycopedie_universelle.fr-academic.com/27549/bafouiller (accessed 1 February 2023).
14. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia] (in Russian). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/92518/Каллиграфия> (accessed 1 February 2023).

15. Calligraphie. *Dictionnaire Étymologique de la langue française*. Paris, 1914. URL: <https://archive.org/details/dictionnairey00cluoft/page/79/mode/1up?view=theater> (accessed 1 February 2023).
16. Beyn Ye. I. Rol' greko-latinskikh elementov vo frantsuzskom terminoobrazovanii [The role of Greek-Latin elements in French term formation]. *Vestnik Taganrogskegogo instituta imeni A. P. Chekhova*, 2017, no. 2, pp. 3–8 (in Russian).
17. Nosacheva M. I., Danilina N. I. Sposoby obrazovaniya slozhnykh slov v meditsinskoy terminologii (na materiale nemets-kogo yazyka) [Ways of Forming Compound Words in Medical Terminology (Based on the German Language)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniiye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2019, iss. 18, no. 4, pp. 145–156 (in Russian).

Информация об авторах

Слепцова С. В., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Студенческая, 14, Белгород, Россия, 308007).

Акиншина И. Б., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Студенческая, 14, Белгород, Россия, 308007).

Авилова И. А., старший преподаватель, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (ул. Студенческая, 14, Белгород, Россия, 308007).

Information about the authors

Sleptsova S. V., associate professor, Belgorod State University (ul. Studencheskaya, 14, Belgorod, Russian Federation, 308007).

Akinshina I. B., associate professor, Belgorod State University (ul. Studencheskaya, 14, Belgorod, Russian Federation, 308007).

Avilova I. A., senior lecturer, Belgorod State University (ul. Studencheskaya, 14, Belgorod, Russian Federation, 308007).

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 17.02.2023; accepted for publication 25.05.2023

Прямые тактики дискредитации администрации Д. Байдена и средства их реализации (на материале передачи Tucker Carlson Tonight)

Елена Анатольевна Бурмакова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия, bea83@list.ru

Аннотация

Различные речевые стратегии и тактики их реализации широко применяются в современной политической медиажурналистике как одно из средств ведения информационной войны. Для оказания необходимого воздействия на аудиторию используется богатый арсенал речевых стратегий и тактик. Речеповеденческая стратегия дискредитации и тактики ее реализации входят в число наиболее частотных стратегий политической медиажурналистики. В статье проводится анализ двух прямых тактик, реализующих стратегию дискредитации: тактики негативного прогнозирования и тактики обманутого ожидания.

Цель статьи состоит в исследовании средств реализации прямых тактик негативного прогнозирования и обманутого ожидания, объективирующих речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена.

Источником материала исследования послужили 229 передач Tucker Carlson Tonight общим объемом 743 страницы. Эмпирической базой исследования являются 554 контекста, в которых реализуются рассматриваемые тактики. Для анализа материала использован описательный и сравнительно-сопоставительный метод с применением методик контекстного анализа, а также дефиниционного, семантического, лексико-стилистического и количественного анализа.

Большую часть эмпирического материала составляют контексты, реализующие тактику негативного прогнозирования. Кроме того, обнаружены случаи совмещения обеих тактик. Для реализации тактик негативного прогнозирования и обманутого ожидания используется большое разнообразие языковых средств: морфологические, синтаксические, лексические (экспрессивные лексические единицы с негативной окраской, неформальные лексические единицы, ярлыки, фразеологизмы) и стилистические средства (образные и синтаксические экспрессивные средства, средства описания и выделения признака).

Для реализации тактик негативного прогнозирования и обманутого ожидания используются: модальные глаголы *can (could), may (might), will (would)*, условные придаточные предложения 0-го и 1-го типа, фразеологизм, метафора и эпитет. На уровне морфологии только тактика негативного прогнозирования реализуется посредством Future simple, тогда как для тактики обманутого ожидания свойственно употребление глаголов в Past simple. Типичными стилистическими средствами тактики негативного прогнозирования являются перифразы на основе различных видов иносказания (эвфемизм, дисфемизм, литота, экстенуация). Для тактики обманутого ожидания характерно применение стилистического контраста.

Администрация Д. Байдена подвергается дискредитации посредством тактики негативного прогнозирования чаще, чем обращением к тактике обманутого ожидания. Максимальный дискредитирующий эффект возможен при одновременной актуализации данных тактик.

Ключевые слова: *английский язык, стратегия дискредитации, прямые тактики, тактика негативного прогнозирования, тактика обманутого ожидания, языковые средства, ток-шоу*

Для цитирования: Бурмакова Е. А. Прямые тактики дискредитации администрации Д. Байдена и средства их реализации (на материале передачи Tucker Carlson Tonight) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 84–91. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-84-91>

Direct tactics and their linguistic means to discredit the Biden administration (based on “Tucker Carlson Tonight”)

Elena A. Burmakova

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, bea83@list.ru

Abstract

Various communication strategies and tactics are implemented in modern political media to conduct information warfare. Moreover, they are used to govern the public opinion. A discrediting strategy and its tactics is one of the most

frequently used strategy in political media. The article focuses on two direct tactics implementing a discrediting strategy: the tactics of negative forecasting, the tactics of deceived expectations. The purpose of the article is to investigate the means of performing the tactics of negative forecasting and the tactics of deceived expectations, which discredit the D. Biden administration directly.

The corpus drawn upon is 229 scripts of “Tucker Carlson Tonight”, 743 pages in total. The empirical material of the study is 554 contexts, where both the tactics are performed. To analyze the material, we used a descriptive and comparative method along with contextual analysis techniques, as well as definition, semantic, lexical-stylistic and quantitative analysis.

Most of the empirical data comprises contexts that implement the tactics of negative forecasting. In addition, there are some cases when both the tactics perform simultaneously. A set of linguistic means is used to implement the tactics of negative forecasting and of deceived expectations. These means include morphological, syntactic, lexical, and stylistic ones.

To perform the tactics of negative forecasting and deceived expectations, the common language tools are: modal verbs can (could), may (might), will (would), the zero conditional and the first conditional, idioms, metaphors and epithets.

The Future simple is used to perform the tactics of negative forecasting, whereas the tactics of deceived expectations is implemented by the Past simple. The peculiar stylistic means for the tactics of negative forecasting are euphemism, dysphemism, litote, extenuation. Stylistic contrast is common for the tactics of deceived expectations.

The Biden administration is discredited by the tactics of negative forecasting more often than by the tactics of deceived expectations. The discrediting effect is maximized when these tactics are used simultaneously.

Keywords: English language, discrediting strategy, direct tactics, tactics of negative forecasting, tactics of deceived expectations, linguistic means, talk show

For citation: Burmakova E. A. Pryamyye taktiki diskreditatsii D. Baydena i sredstva ikh realizatsii (na materiale peredachi Tucker Carlston Tonight) [Direct tactics and their linguistic means to discredit the Biden administration (based on “Tucker Carlson Tonight”)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 84–91 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-84-91>

Введение

Для современного общества информационная война стала повседневным явлением. Обыватели получают сведения о текущей политической обстановке в своей стране и за ее пределами из средств массовой информации. По сути, «политическая коммуникация не просто опосредована СМИ, но СМИ фактически являются основной средой ее существования» [1, с. 36]. Вся транслируемая СМИ информация теперь «подчинена конкретным, как правило, политическим целям» [2, с. 204], а именно: закрепить в общественном сознании выгодные тем или иным силам мнения, суждения и оценки, которые в конечном счете влияют на формирование политического выбора [3, с. 121–122].

Политические обозреватели имеют возможность воздействовать на сознание своей аудитории и моделировать объективную реальность, например, акцентировать внимание на незначительных недочетах в действиях политических деятелей или, наоборот, завуалировать их глобальные провалы. Постоянная аудитория политических ток-шоу, как правило, имеет четкое представление о политических взглядах журналиста, таким образом, имеющийся опыт и ассоциации с конкретной передачей или каналом вещания также имеют дополнительное влияние на восприятие аудиторией речи журналиста [4, с. 4]. Подобные ток-шоу целенаправленно транслируют информацию в утрированно-

категоричной форме для провоцирования у аудитории шквала негативных или позитивных эмоций. За последние годы эта тенденция возросла и приобрела регулярный характер.

Политики и другие общественные деятели часто жалуются на отсутствие беспристрастности в СМИ, утверждая, что СМИ представляют искаженную картину, которая служит их интересам. Следовательно, при анализе политического текста важно учитывать то, как язык отражает идеологическую позицию тех, кто его создает и транслирует [5, с. 17–18].

Речевое поведение политических обозревателей, способы организации и презентации информации, различные речевые стратегии становятся объектами лингвистических исследований. Одной из перспективных в плане изучения является дискредитирующая стратегия с сопутствующими тактиками, поскольку дискредитация (умаление авторитета, подрыв доверия) представляет собой основу политической антирекламы, явления, характерного при освещении событий, фактов и мнений в политической медиажурналистике [6, с. 21].

Цель настоящего исследования состоит в выявлении средств реализации прямых тактик негативного прогнозирования и обманутого ожидания, подчиненных единой речеповеденческой стратегии дискредитации администрации Д. Байдена. Проведенное исследование позволит обнаружить

характерные особенности каждой отдельно рассматриваемой тактики в аспекте их языкового наполнения, а также выявить общность обнаруженных средств, актуализирующих стратегию дискредитации.

Материал и методы

Источником материала исследования послужили скрипты 229 авторских передач американского политического обозревателя Такера Карлсона с января по декабрь 2021 г. общим объемом 743 страницы.

Эмпирическую базу исследования составляют дискредитирующие администрацию Д. Байдена контексты, актуализирующие тактику негативного прогнозирования и тактику обманутого ожидания. База формировалась с помощью приема сплошной выборки. В исследовании используется описательный и сравнительно-сопоставительный методы с применением методик контекстного анализа, а также дефиниционного, семантического, лексико-стилистического и количественного анализа.

Цель дискредитации – лишить авторитета, подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах, намерениях и действиях кого-либо. В лингвистике такой интенции соответствует речеповеденческая стратегия дискредитации, актуализируемая через посредство тщательно продуманного репертуара тактик с единой дискредитирующей ориентацией. Традиционно данная стратегия рассматривается в рамках политической коммуникации, что обусловлено ее целевыми установками, направленными на постоянную борьбу и удержание власти [1, 7–9]. Большинство исследователей, разрабатывающих данное направление, признают, что главной целью стратегии дискредитации является понижение статуса оппонента [6–8, 10].

В настоящее время сложилось несколько подходов к выделению тактик дискредитации и алгоритму их группировки. Э. Н. Егорова, определяя стратегию дискредитации как одну из самых сильных конфликтных стратегий речевого поведения, выделяет следующие тактики: обвинения, разоблачения, обнародования негативных фактов, оскорбления, намека, драматизации, иронии, игнорирования личности, компрометации, угрозы и пр. [11, с. 69–75].

По мнению О. С. Иссерс, дискредитирующие тактики подразделяются на оскорбление, издевку и обвинение [8, с. 160–177]. О. Н. Паршина ограничивается двумя: обвинения и оскорбления [9, с. 85–94]. Данное исследование опирается на классификацию дискредитирующих тактик Н. Б. Руженцевой, которая подразделяет речевые тактики в зависимости от способа манифестации дискредитации на универсальные тактики, прямые тактики эмоционального воздействия, прямые социально

ориентированные тактики, прямые тактики перепрограммирования и косвенные дискредитирующие тактики [6]. В числе прямых социально ориентированных тактик в политической коммуникации автор выделяет следующие: «этикетные» тактики, тактика создания антиимиджевого образа и тактика обманутого ожидания. Среди прямых тактик перепрограммирования фигурируют тактики отрицания прежних реалий, негативного прогнозирования и др. Специфику любой прямой тактики составляет эксплицитная компрометация объекта дискредитации, осуществляемая с помощью широкого спектра приемов и языковых средств (лексических, стилистических, грамматических), к которым принадлежат в первую очередь «инвективы, маркеры чуждости и другие пласты отрицательно-оценочной лексики» [12, с. 169].

Тактика негативного прогнозирования принадлежит к группе прямых тактик перепрограммирования, ориентированных на изменение представлений адресата о мире [6, с. 190]. Иными словами, суть данной тактики состоит в том, чтобы заменить сложившуюся систему представлений адресата о дальнейшем развитии событий на смоделированный говорящим и «единственно верный» неблагоприятный сценарий путем изображения мрачного настоящего и беспросветного будущего, виновником которого является объект дискредитации. То есть реализация тактики не ограничивается определенным временным пространством [13, с. 75]. Основная коммуникативная задача отправителя дискредитирующего сообщения направлена на создание образа врага на основании интерпретации имеющихся фактических данных и субъективной позиции говорящего. Максимальный эффект таких сообщений достигается за счет формирования у адресата опасений, обострения чувства неопределенности, тревоги и страха.

Дискредитация путем апелляции к социальным установкам массового адресата направлена на подрыв доверия к дискредитируемому лицу и строится на контрасте «должно быть»/«есть на самом деле». Речь идет о *тактике обманутого ожидания*, сущность которой заключается в том, чтобы «максимально увеличить разрыв между представлениями и не соответствующей им реальной действительностью» [6, с. 168]. Необходимым основанием данной тактики является уже имеющееся психологическое напряжение адресата, вызванное разочарованием от ложности надежд и ожиданий. То есть адресант дискредитирующего высказывания, акцентируя внимание на ложности обещаний, эксплуатирует эмоциональный фон адресата и тем самым находится в благоприятных условиях, чтобы вселить в зрителя уверенность, что его ожидания и впредь будут непременно обмануты. Самая

частая разновидность этой тактики – противопоставление предвыборных обещаний и их невыполнения [6, с. 168].

Тактика обманутого ожидания может развертываться как в перспективной, так и в ретроспективной вариации [6, с. 168]. Ретроспекция важна для аргументации, и это позволяет говорить о рациональных негативных ожиданиях, о событиях в перспективе. Так, тактика обманутого ожидания коррелирует с тактикой негативного прогнозирования, что можно объяснить определенной организацией памяти человека, сохраняющей информацию о его «прошлом опыте и о том, как часто имела место та или иная цепь событий в прошлом» [14, с. 47]. Обманутое ожидание, по сути, подразумевает «возможность развития нескольких сценариев продолжения ситуации» [14, с. 47], так, вероятностное прогнозирование, опирающееся на прошлый отрицательный опыт, предвещает неблагоприятное будущее. И чем чаще и кардинальнее надежды и ожидания людей не находят воплощения в реальности, тем выше степень вероятности и регулярности последующих негативных событий.

Результаты и обсуждение

В ходе анализа было выявлено 554 дискредитирующих администрацию Д. Байдена контекста, в 409 из которых реализуется тактика негативного прогнозирования, тактика обманутого ожидания насчитывает 145 контекстов, а симбиоз обеих прямых тактик представлен 36 случаями.

Тактика негативного прогнозирования

Дискредитация администрации Д. Байдена через тактику негативного прогнозирования происходит, во-первых, путем привлечения внимания к общеизвестным фактам со знаком минус о положении и событиях в стране. Т. Карлсон, не ограничиваясь определенным временным пространством, моделирует возможные неблагоприятные сценарии, внушая аудитории чувство тревоги и страха и, главным образом, враждебности по отношению к нынешнему главе государства и его администрации.

При реализации дискредитирующей тактики негативного прогнозирования используется разнообразный ряд языковых средств:

1. Морфологические средства: *Future simple tense*, модальные глаголы *can (could), may (might), will (would)*.

2. Синтаксические средства: *условные придаточные предложения 0, 1, 2-го типа*, конструкция *be going to*, словосочетания *be sure to, be (un)likely to, be about to*.

3. Лексические средства: *экспрессивные лексические единицы с негативной окраской, неформальные лексические единицы, ярлыки, фразеологизмы*.

4. Стилистические средства выразительности:

а) образные средства: *метафора, метонимия, сравнение, аллюзия*;

б) средства описания и выделения признака: эпитеты (*конкретизирующие, оценочные, образные, тавтологические, устойчивые*), *перифразы на основе различных видов иносказания (эвфемизм, дисфемизм, литота, гипербола, экстенуация, ирония)*;

в) синтаксические экспрессивные средства: *гипофора, риторический вопрос, повтор, инверсия, стилистический контраст*.

Морфологические и синтаксические средства выполняют функцию «скелета» тактики негативного прогнозирования, сама же дискредитация актуализируется лексическими и стилистическими средствами. В ходе анализа отобранных дискредитирующих администрацию Д. Байдена фрагментов было обнаружено четыре типа лексических средств общим количеством 354:

1. Неформальные лексические единицы (23; 7 %): *moron, crap, screw-up, flip-flopp*.

2. Экспрессивные лексические единицы с негативной окраской (106; 30 %): *loathsome, vindictive, mock, rape, lunacy, indignity*.

3. Фразеологизмы (191; 54 %): *scoff at, tear down, on purpose, stumbling block, in deep trouble*.

4. Ярлыки (34; 9 %): *White supremacists, fascists, anti-vaxxers, extemists, terrorists*.

Кроме того, тактика негативного прогнозирования реализуется с помощью разнообразного арсенала стилистических средств выразительности общим количеством 729 (многим из которых свойственна многофункциональность, т. е. их экспрессивные задачи пересекаются) [15, с. 51]:

1. Образные средства:

1.1. Метафора (121; 16 %): *The Bidens' love will be healing for this country*.

1.2. Метонимия (33; 5 %): *That's how we're making America healthier*.

1.3. Сравнение (17; 2 %): *Running out of energy in Texas is like starving to death at the grocery store: You can only do it on purpose, and Texas did*.

1.4. Аллюзия (16; 2 %): *the praetorian guard; a renaissance in journalism; a Russian Q-Anon*.

2. Средства описания и выделения признака:

2.1. Эпитет (конкретизирующие, оценочные, образные, тавтологические, устойчивые (81; 11 %): *pointless foreign wars; power-mad governor; rapidly disappearing American middle class; economic illiterate*.

2.2. Перифразы на основе различных видов иносказания:

2.2.1. Эвфемизм (11; 1,5 %): *casualties, privileged, up-and-coming*.

2.2.2. Дисфемизм (12; 2 %): *anarchical tyranny, distant fringes, disobedient bad people*.

2.2.3. Литота (24; 3 %): *But it's true, they're not rich people who live there.*

2.2.4. Гипербола (18; 2,5 %): *As soon as we get rid of all these white men, everything will be great.*

2.2.5. Экстенуация (4; 0,5 %): *Most Republicans haven't said a word.*

2.2.6. Ирония (128; 17 %): *And so you have to ask yourself, how long will it be before Joe Biden appoints his horse to the Supreme Court? Don't you dare laugh. That would be a hate crime.*

3. Синтаксические экспрессивные средства

3.1. Гипофора (138; 20 %): *So the question is, what will Joe Biden do about things like this? Well, nothing.*

3.2. Риторический вопрос (72; 10 %): *The question really is how much longer will this country continue to tolerate this? Who's going to protect this country? Who's going to protect our cities?*

3.3. Стилистический контраст (29; 4 %): *They are uninterested in actual crimes like murder, but will arrest you for caring about your child's education.*

3.4. Повтор (27; 4 %): *We need to change course immediately – and acknowledge our mistakes, the people in charge need to acknowledge their mistakes – or else the consequences will be awful.*

3.5. Инверсия (16; 2 %): *And into this hysteria will step Fauci and Biden and Leana Wen and the rest of the power-grabbers in the political-media axis.*

Рассмотрим ряд фрагментов, в которых тактика негативного прогнозирования реализует стратегию дискредитации администрации Д. Байдена. Дискредитация путем негативного прогнозирования относительно изменений в стандартах школьного образования выстраивается как чередование фактов, рассуждений, прямых обвинений и предупреждений угрожающего характера: *All K-12 schools, the union declared, must teach children that, "White supremacy, anti-Blackness, anti-indigeneity, racism, patriarchy, cis-hetero-patriarchy, capitalism, ableism, and anthropocentrism" are embedded in every aspect of American "society". So, if you're a straight White American, even if you're a very small child, you're guilty. It's your fault. You're a bad person. That's what teachers will be telling your children this fall. Not only are these people crazed racist ideologues, but they're also stupid. Your children are being taught by some of the most ignorant people in the country. But you'd better not complain about it, or else Joe Biden's praetorian guard will denounce you on TV as a racist.* В рассматриваемом фрагменте наблюдается максимальная концентрация дискредитирующих средств, что позволяет говорить о мощном потенциале его речевого воздействия на адресата. Во-первых, частотный ярлык *White American* служит средством внушения идеи о несправедливом отношении правящей администрации к представителям белой расы, что подкрепляется лексемами *guilty, fault,*

bad. Во-вторых, степень наступления обсуждаемых событий оценивается Т. Карлсоном как высокая и средняя, что маркируется *Future continuous tense*, условным предложением 0-го типа и условным предложением 1-го типа соответственно. Лексические единицы с ярко выраженной негативной окраской *stupid, ignorant, crazed, racist* обозначают людей, представляющих идеологическую опасность для юного поколения американцев и государства в целом; инверсивный порядок слов при этом служит дополнительным средством эмоционального воздействия. В словосочетании *American «society»* сутью кавычек является передача иронии, т. е. журналист делает акцент на несоответствии между американским обществом в его традиционном понимании и реальным положением дел. Обращение к аллюзии *praetorian guard* нацелено на закрепление негативного образа администрации Байдена, поскольку преторианцы в Древнем Риме снискали дурную репутацию корыстных, безжалостных наемников и интриганов [16].

Тактика обманутого ожидания

Дискредитация администрации Д. Байдена посредством тактики обманутого ожидания строится на том, что действия и решения администрации Д. Байдена вступают в противоречие с ожидаемым и предполагаемым гражданами Америки ходом событий в стране. Т. Карлсон апеллирует к конституционным и правовым нормам демократического государства. Аудитории приводятся умозаключения об истинных намерениях властей и факты не только о неисполнении предвыборных обещаний, но и массовых грубых нарушениях прав и свобод граждан США. Категорический тон ведущего усиливает эмоциональное воздействие на адресата, транслируя идею о том, что ложные обещания властей носят не случайный характер.

Тактика осуществляется с помощью создания оппозиций «настоящее/будущее», «прошлое/настоящее», «прошлое/будущее», проводя параллели со «старой Америкой», какой страна не будет больше никогда в результате деструктивной политики администрации нынешнего президента.

К средствам реализации тактики обманутого ожидания принадлежат языковые средства четырех групп:

1. Морфологические средства: *Past simple tense, Present simple tense*, модальные глаголы *can (could), may (might), will (would)*, в том числе в сочетании с перфектной формой инфинитива (*might have thought/would have thought*), средства выражения отрицания *no, not, none, neither*, союзы выражения контраста *although, though, but*.

2. Синтаксические средства: *условные придаточные предложения 0-го и 1-го типа, пассивные конструкции be allowed, be supposed.*

3. Лексические средства: глаголы, описывающие ожидания и надежды (*to expect, to hope, to think, to assume*); лексические единицы, объединенные семами «истина» и «ложь»; экспрессивные лексические единицы с негативной окраской, неформальные лексические единицы, ярлыки, фразеологизмы.

4. Стилистические средства выразительности:

а) образные средства: метафора, метонимия, сравнение, аллюзия;

б) средства описания и выделения признака: эпитеты, гипербола, ирония;

в) синтаксические экспрессивные средства: гипофора, риторический вопрос, повтор, инверсия, стилистический контраст.

Лексические средства реализации тактики обманутого ожидания составляют 328 единиц:

1. Глаголы, описывающие ожидания и надежды (123; 31 %): *to expect, to hope, to think, to assume*. В отрицательных высказываниях в сочетании с перфектной формой инфинитива (*they weren't expected to have done/they were thought not to have done*) наблюдается «сбывшееся ожидание» в виде противоречия между ожидаемым и существующим положением вещей [17, с. 47].

2. Лексические единицы, объединенные семами «истина» и «ложь» (49; 39 %): *truth, fact, untruth, lie, misinformation, fake news*.

3. Неформальные лексические единицы (4; 3 %): *dude*.

4. Экспрессивные лексические единицы с негативной окраской (42; 30 %): *drugs, punish, threaten, deceitful, paranoid*.

5. Фразеологизмы (88; 71 %): *pull off, be in danger, to shut down*.

6. Ярлыки (12; 9 %): *White supremacists, Unvaccinated, racists, ideologists*.

Стилистические средства актуализации дискредитации администрации Д. Байдена через тактику обманутого ожидания представлены тремя группами (общее количество 198):

1. Образные средства: метафора (24; 12 %): *Justice is colorblind*; метонимия (4; 2 %): *House floor*; сравнение (11; 5 %): *those wonder drugs that were absolutely perfect, more impressive than the moon landing*; аллюзия (7; 3 %): *ISIS*.

2. Средства описания и выделения признака: эпитеты (43; 21 %): *forbidden opinion, conceivable danger*; гипербола (3; 1,5 %); ирония (31; 15,5 %).

3. Синтаксические экспрессивные средства: гипофора (12; 6 %); риторический вопрос (8; 4 %), инверсия (17; 8 %); стилистический контраст (38; 19 %): *Now you'd think that would all be very obvious, but suddenly it doesn't seem obvious*.

Данная тактика находит выражение в речи Т. Карлсона при помощи обращения к стереотипам

с апелляцией к чувствам возмущения, негодования: *You may have thought you were a decent American in good standing. Ten years ago, nobody in this country would have called your views extreme, because they weren't extreme then. You don't think they're extreme now. You've always considered yourself a pretty moderate person. You live your life and get along with others. But that's not possible now, because the rules have changed. You are now a dangerous insurgent, no different from a bloodthirsty Pashtun in Helmand Province or an ISIS terrorist in Irbil*. Ожидания выражены синтаксической конструкцией с модальным глаголом *may* в сочетании с перфектной формой инфинитива для передачи того, что что-то было правдой в прошлом, на ложность этих ожиданий указывает конструкция с союзом *but*. Дискредитация администрации Байдена происходит автоматически за счет подмены образов граждан США с целью замены в сознании аудитории имеющихся представлений о своей роли, правах и положении в стране, в которой они живут. Позитивный образ рядового американца, реализованный положительно маркированными средствами: лексемами *decent, moderate*, эпитетом *good standing*, фразеологизмами *get along with, live a life*, сменяется крайне отрицательным, созданным с помощью ярлыков *insurgent, terrorist* и негативно окрашенных эпитетов *bloodthirsty, dangerous, extreme*. По мнению ведущего, власти приравнивают рядовых американцев к представителям исламских экстремистских движений (аллюзии *Pashtun, ISIS*).

Симбиоз тактик негативного прогнозирования и обманутого ожидания

В следующем контексте максимальный дискредитирующий эффект достигается за счет сочетания обеих тактик: *What we're looking at now is not democracy in the classical Athenian sense, where everyone gets to vote and the voice of everyone matters equally. No, now we're looking at democracy in a 1970s Eastern Bloc "People's Democratic Republic" sense. This new version of democracy is a democracy where everyone fervently agrees with the people in power, or else they go immediately to jail*. Фрагмент строится на контрасте, выраженном аллюзиями *classical Athenian* и *Eastern Bloc "People's Democratic Republic"*, акцентируя внимание аудитории на несоответствии ее представлений о политическом строе своей страны, а именно на той идее, что народ больше не является единственным источником власти как при традиционном демократическом режиме. При администрации Д. Байдена граждане США помещены в условия новой, «искаженной» формы демократии: люди лишены правовой свободы придерживаться своего мнения и открыто выразить его. Далее, апеллируя к чувству

страха, в силу вступает негативный прогноз, выраженный условным придаточным предложением 0-го типа, сообщающий аудитории реальную угрозу в виде лишения свободы.

Заключение

Таким образом, прямые тактики негативного прогнозирования и обманутого ожидания, соответствующие глобальной речеповеденческой стратегии дискредитации администрации Д. Байдена, объективируются в передаче Tucker Carlson Tonight разнообразным арсеналом средств на всех уровнях языка. Выявленные характерные для каждой тактики морфологические и синтаксические средства являются опорой развертывания дискредитирующих смыслов функционалом лексических и стилистических средств.

Обнаружено, что модальные глаголы *can (could)*, *may (might)*, *will (would)* и условные придаточные предложения 0-го и 1-го типа являются характерными при реализации обеих тактик. Кроме того, к их типичным средствам относятся три группы стилистических средств, тогда как для тактики обманутого ожидания характерно большее количество типов лексических средств (шесть групп). Наиболее частотным типом лексических средств, реализующим обе прямые тактики, является фразеологизм (54 и 71 % соответственно). Среди стилисти-

ческих средств дискредитации метафора и эпитет характеризуются равной степенью продуктивности при реализации и тактики негативного прогнозирования и тактики обманутого ожидания.

На уровне синтаксиса к специфическим стилистическим средствам тактики обманутого ожидания относится стилистический контраст – 38 из 198; на уровне морфологии можно выделить употребление глаголов в *Past simple*. Кроме того, репрезентативным средством данной тактики выступает гипофора, количество случаев употребления 138 (20 % от общего числа 729). К отличительным средствам тактики негативного прогнозирования принадлежат эвфемизм, дисфемизм, литота, экстенуация. Данная тактика разворачивается посредством *Future simple*.

Кроме того, в речи Т. Карлсона была отмечена более высокая активность использования тактики негативного прогнозирования по сравнению с тактикой обманутого ожидания, зафиксировано в три раза больше случаев. Однако для достижения максимального воздействия на аудиторию ведущий использует потенциал обеих дискредитирующих тактик одновременно.

Перспективным, на наш взгляд, представляется выявление наиболее действенных сочетаний/комбинаций дискредитирующих тактик и средств их актуализации.

Список источников

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 433 с.
2. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник РУДН. 2017. Т. 21, № 1. С. 203–220.
3. Лавринова Н. И. Персуазивные стратегии и тактики в политическом интервью конфронтационного типа // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Чернявская. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. С. 121–132.
4. Гунькова Д. Е. Стратегия дискредитации как доминанта дискурсивной личности американского политического радиокomentатора // Дискурс. 2020. № 6. С. 113–125.
5. Beard A. The language of politics. London: Routledge, 2000. 134 p.
6. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Урал. гос. пед. ун-т; Екатеринбург: Знание, 2004. 294 с.
7. Михалева О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 289 с.
8. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 320 с.
9. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3. С. 31–44.
11. Егорова Э. Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) // Язык и текст. 2015. № 3. С. 69–75. URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2015_n3/langt_2015_n3_Egorova.pdf (дата обращения: 01.02.2023).
12. Тихонова С. А. Стратегия дискредитации как способ создания негативного образа России в британском массмедийном дискурсе, посвященном Олимпийским играм в Токио // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). С. 168–174.
13. Лисюткина И. С. Динамика реализации стратегии дискредитации в медиадискурсе 1950–2019 гг. (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2021. 247 с.
14. Чебышев Ф. А. Семантика ожидания и средства ее выражения в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2017. 206 с.

15. Кобенко Ю. В. Теоретические основы функциональной стилистики: учебник. Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2023. 296 с.
16. Большая российская энциклопедия 2004–2017. URL: <https://old.bigenc.ru> (дата обращения: 15.01.2023).
17. Новиков Д. Н. Семантика модальных глаголов shall и should в современном английском языке: прототипический подход // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 1 (13). С. 38–45.

References

1. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa. Dis. kand. filol. nauk* [Semiotics of political discourse. Diss. cand. philol. sci.]. Volgograd, 2000. 433 p. (in Russian).
2. Ozyumenko V. I. Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii – k agressii [Media discourse in the situation of information war: from manipulation to aggression]. *Vestnik RUDN – RUDN Journal*, 2017, no. 1, pp. 203–220 (in Russian).
3. Lavrinova N. I. Persuazivnyye strategii i taktiki v politicheskom interv'yuu konfrontatsionnogo tipa [Persuasive strategies and tactics in a political interview of a confrontational type]. *Lingvistika teksta i diskursivnyy analiz: traditsii i perspektivy: sbornik nauchnykh statey*. Otvetstvennyy redaktor V. E. Chernyavskaya [Text linguistics and discursive analysis: traditions and perspectives: a collection of scientific articles. Ed. V. E. Chernyavskaya]. Saint Petersburg, SPb GUEF Publ., 2007. Pp. 121–132 (in Russian).
4. Gun'kova D. Ye. Strategiya diskreditatsii kak dominanta diskursivnoy lichnosti amerikanskogo politicheskogo radiokomentatora [The strategy of discrediting as a dominant feature of the discursive personality of an American political radio commentator]. *Diskurs*, 2020, no. 6, pp. 113–125 (in Russian).
5. Beard A. *The language of politics*. London, Routledge, 2000. 134 p.
6. Ruzhentseva N. B. *Diskreditiruyushchiye taktiki i priyemy v rossiyskom politicheskom diskurse* [Discrediting tactics and techniques in Russian political discours]. Yekaterinburg, Znaniye Publ., 2004. 294 p. (in Russian).
7. Mikhalova O. L. *Politicheskiiy diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeystviya. Dis. kand. filol. nauk* [Political discourse as a sphere for the implementation of manipulative influence. Diss. cand. philol. sci.]. Irkutsk, 2004. 289 p. (in Russian).
8. Issers O. S. *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 320 p. (in Russian).
9. Parshina O. N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii. Dis. dokt. filol. nauk* [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia. Diss. doc. philol. sci.]. Saratov, 2005. 325 p. (in Russian).
10. Dem'yankov V. Z. Politicheskiiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as a subject of political science philology]. *Politicheskaya nauka – Political science*, 2002, no. 3, pp. 31–44 (in Russian).
11. Yegorova E. N. Rehevaya agressiya i strategiya diskreditatsii (na primere analiza gazetnykh publikatsiy) [Speech aggression and the strategy of discrediting (on the example of the analysis of newspaper publications)]. *Yazyk i tekst – Language and text*, 2015, no. 3, pp. 69–75 (in Russian). URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2015_n3/langt_2015_n3_Egorova.pdf (accessed 1 February 2023).
12. Tikhonova S. A. Strategiya diskreditatsii kak sposob sozdaniya negativnogo obraza Rossii v britanskom massmediynom diskurse, posvyashchennom Olimpiyskim igrum v Tokio [The strategy of discredit as a way to create a negative image of Russia in the British mass media discourse dedicated to the Olympic Games in Tokyo]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*, 2021, no. 5 (89), pp. 168–174 (in Russian).
13. Lisyutkina I. S. *Dinamika realizatsii strategii diskreditatsii v mediadiskurse 1950–2019 gg. (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov). Dis. kand. filol. nauk* [The dynamics of the implementation of the discrediting strategy in the media discourse in 1950–2019 (on the material of Russian and English languages). Diss. cand. philol. sci.]. Saratov, 2021. 247 p. (in Russian).
14. Chebyshev F. A. *Semantika ozhidaniya i sredstva yeyo vyrazheniya v russkom yazyke. Dis. kand. filol. nauk* [The semantics of expectation and the means of its expression in Russian. Diss. cand. philol. sci.]. Perm, 2017. 206 p. (in Russian).
15. Kobenko Yu. V. *Teoreticheskiye osnovy funktsional'noy stilistiki: uchebnik* [Theoretical foundations of functional stylistics: textbook]. Tomsk, TPU Publ., 2023. 296 p. (in Russian).
16. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya 2004–2017* [Great Russian Encyclopedia 2004–2017] (in Russian). URL: <https://old.bigenc.ru> (accessed 15 January 2023).
17. Novikov D. N. Semantika modal'nykh glagolov shall i should v sovremennom angliyskom yazyke: prototipicheskiy podkhod [Semantics of the modal verbs shall and should in modern English: a prototypical approach]. *Filologicheskiye nauki v MGIMO – Philological Sciences at MGIMO*, 2018, no. 1 (13), pp. 38–45 (in Russian).

Информация об авторе

Бурмакова Е. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Burmakova E. A., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 06.03.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 06.03.2023; accepted for publication 25.05.2023

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81.42+ 82-313.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-92-100>

Структурно-семантические особенности и функции заголовков беллетристических произведений XIX века

Вера Викторовна Безрукова

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия, verabz.ru@gmail.com

Аннотация

Актуальность работы обусловливается ролью заголовка, имеющего несомненную ценность и определяющего структуру целого текста с трех основных ракурсов: семантического, формального и информативного. Заглавие придает единство тексту, где данный компонент занимает доминирующую позицию, что привлекает внимание читателя и создает большую восприимчивость текста.

Цель – выявить общие и специфичные функции заголовков франкоязычных и русскоязычных беллетристических художественных произведений XIX в., а также структурные особенности и семантическую составляющую названий анализируемых произведений.

Материалом исследования послужили тексты художественных произведений беллетристического жанра: «Парижские тайны» Э. Сю, «Петербургские трущобы» В. Крестовского и «Лондонские тайны» П. Феваля. Исследование проводилось с использованием комплексной методики, включающей следующие методы анализа: наблюдение, систематизация, структурный анализ, функциональный анализ, стилистический анализ.

В данной статье рассматриваются и анализируются различные трактовки понятия «заголовок» отечественными и зарубежными учеными; определяется роль заголовка в тексте художественного произведения в целом и в анализируемых романах трех авторов – Э. Сю, П. Феваля, В. Крестовского; выявляются основные функции заголовка; классифицируются виды заголовков относительно их структуры, семантики и стилистического наполнения; анализируются тексты заголовков, иллюстративная зона которых выявляет причины сходства не только заглавий самих произведений («Парижские тайны», «Лондонские тайны», «Петербургские тайны (трущобы)»), но и названий глав.

Заглавие – это неотъемлемая часть любого текста. Заглавие позволяет читателю увидеть основную проблему, идею произведения. События, происходящие в мире, нередко находят свое отражение в художественных произведениях, состоящих из множества сюжетов, объединенных определенными темами или подзаголовками. Эти подзаголовки раскрывают ассоциативные, эмоциональные и оценочные компоненты значения, являясь своеобразным планом произведения, где задействованы время и место событий, внешность и характер персонажей, образы, формирующие картину всего произведения. Любой заголовок представляет собой закодированный текст, включающий в себя некую подсказку, о чем дальше пойдет речь. Заголовок является отражением исторического и социального развития общества и замысла автора. Идиостиль авторов передает образ и дух эпохи, национальные особенности и языковую моду. В текстах заголовков используется лексика с различной стилистической окраской, каламбуры, разложение фразеологических единиц и другие стилистические приемы.

Ключевые слова: заголовок, функции заголовка, структура заголовка, сжатый текст

Для цитирования: Безрукова В. В. Структурно-семантические особенности и функции заголовков беллетристических произведений XIX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 92–100. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-92-100>

RUSSIAN LANGUAGE

Structural and semantic features and functions of the fiction work titles of the 19th century

Vera V. Bezrukova

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia, verabz.ru@gmail.com

Abstract

The relevance of the work is determined by the role of the title, which has an undoubted value and highlights the structure of the whole text from three main angles: semantic, formal and informative. The title gives unity to the text,

© В. В. Безрукова, 2023

where the heading occupies a dominant position, which attracts the reader's attention and creates a greater perception of the text.

The aim of the research is to identify the general and specific functions of the titles of French and Russian fiction works of the 19th century, as well as the structural features and semantic component of the titles of the analyzed works.

The research was based on the texts of fiction genre works: "Les Mystères de Paris" by E. Sue, "Peterburgskiy trushoby" by V. Krestovsky and "Les Mystères de Londres" by P. Feval. The study was conducted using a complex methodology that includes the following methods: observation, systematization, structural analysis, functional analysis, stylistic analysis.

This article examines and analyzes various interpretations of the "title" concept by Russian and foreign scientists; determines the role of the title in the text in whole and in the analyzed novels by three authors E. Sue, V. Krestovsky, P. Feval; identifies the main functions of the title; classifies the titles types regarding their structure, semantics and stylistic content; the texts of the titles highlight the illustrative zone, which reveals the reasons for the similarity, starting from the titles of the works themselves "Les Mystères de Paris", "Peterburgskiy tainy (trushchoby)", "Les Mystères de Londres") and ending with the titles of the chapters.

A title is an integral part of any text. A title enables a reader to see the main problem, the idea of the novel. Events, that take place in the world are often reflected in novels, and consist of many plots united by certain themes or subheadings. These subheadings reveal associative, emotional and evaluative components of meaning, being a kind of the plan of the work, where time and place of events, an appearance and an inner world of the characters, images that form the picture of the whole book are involved. Any title is an encoded text that includes some kind of a hint about further events. A title is a reflection of historical and cultural development of society and the author's ideas. The individual style of the authors highlights the image and spirit of the epoch, national peculiarities and linguistic fashion. The headings apply to vocabulary of different stylistic coloring including puns, decomposition of phraseological units and other stylistic devices.

Keywords: title, title functions, title structure, compressed text

For citation: Bezrukova V. V. Strukturno-semanticheskiye osobennosti i funktsii zagolovkov belletristicheskikh proizvedeniy XIX veka [Structural and semantic features and functions of the fiction work titles of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 92–100 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-92-100>

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что роль заголовка имеет несомненную ценность и определяет структуру целого текста с трех основных ракурсов: семантического, формального и информативного. Заглавие придает единство тексту, где данный компонент занимает доминирующую позицию, что привлекает внимание читателя и создает бóльшую восприимчивость текста. Именно заголовок знакомит читателя с основной мыслью и предопределяет его ожидания, сюжетную линию произведения. Заглавие представляет собой некий сигнал, кратко сообщающий основную тему произведения.

Цель данной статьи заключается в выявлении общих и специфичных функций заголовков французских и русскоязычных беллетристических художественных произведений XIX в., а также структурных особенностей и семантической составляющей названий анализируемых произведений.

Основные задачи исследования: 1) дать определение заголовку как относительно самостоятельному сообщению, сигнализирующему о целостности текста; 2) выявить и описать стилистические особенности компонентов заголовка как части художественного текста; 3) классифицировать основные

функции названия; 4) рассмотреть семантический и семиотический план построения и организации заголовков.

Материал и методы

Материалом исследования послужили тексты художественных произведений беллетристического жанра: «Петербургские трущобы» В. Крестовского [1], «Парижские тайны» Э. Сю [2] и «Лондонские тайны» П. Феваля [3]. Для отбора практического материала исследования был использован метод сплошной выборки. Исследование заголовков проводилось с опорой на метод научного описания, представленный такими приемами, как:

- наблюдение (при отборе иллюстративного материала);
- систематизация (при распределении выявленных моделей терминов по группам);
- структурный анализ (для изучения словообразовательных и синтаксических особенностей отобранных терминологических единиц);
- функциональный анализ (для изучения прагматического потенциала выявленных терминологических единиц);
- стилистический анализ (для исследования типовой ситуации общения, стилевых черт, которые свойственны тексту, и языковых средств, которые

взаимосвязаны с ситуацией общения и стилевыми чертами).

Результаты и обсуждение

Заглавие, представляя собой семантический код целого произведения, требует расшифровки содержания, носит индивидуальный характер и высвечивает предтекстовый этап, где на передний план выдвигаются функции установления контакта и рекламы. Многообразие функций заголовка обусловлено наличием отражения практически всех языковых категорий.

Заглавие уточняет и конкретизирует информацию и сообщает читателю о темах и подтемах произведения, заложенных автором, и таким образом выявляет двойственную природу текста заголовка, которая раскрывается в предвосхищении текста самого произведения, с одной стороны, и в выполнении связующей функции, с другой стороны, что делает произведение целостным. Также заглавию присуща функция воздействия на читателя как своеобразной рекламы всего произведения. По заголовку и зачину читатель решает, читать ли ему произведение дальше.

Название – это первая информация о произведении, цель которой – заинтересовать читателя или дать ему представление о последующем тексте. Так, Д. Кристал трактует заголовок как *title is a descriptive heading or caption, as of a chapter, section, or other part of a book* [4, с. 320]. Заглавие носит либо контурный, либо конкретный характер, высвечивая реальное или ложное представление событий. С точки зрения структуры заглавие может выступать как сжатый, так и развернутый текст. Классическими примерами могут выступать заглавие-слово («Гамлет») и заглавие-текст («Жизнь и странная, неожиданные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, который прожил двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у побережья Америки недалеко от устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен на берег в результате кораблекрушения, в котором погибли все люди, кроме него самого. С рассказом о том, как он был наконец так же странно освобожден пиратами. Написано им самим»).

С точки зрения смысловой и эстетической организации художественного текста, заглавие определяет судьбу книги, являясь первым словом, знакомит автора с читателями.

Неслучайно выбор материала исследования связан с художественными произведениями со схожими названиями: «Парижские тайны» Э. Сю, «Петербургские трущобы» В. Крестовского, «Лондонские тайны» П. Феваль. Все три произведения относятся ко второй половине XIX в., имеют схожий сюжет, принадлежат к жанру беллетристики,

не составляют исключения и названия глав. Возможно, причиной большого сходства сюжетных линий являлась литературная мода той эпохи и освещение актуальных для того времени и общества проблем, а также принадлежность данных произведений к романтизму. Основополагающими принципами этого литературного течения являются двоемирие, предполагающее резкое противопоставление героя и его идеалов окружающему миру. Романтическим героям анализируемых произведений свойственны трагическое мироощущение, разочарованность, одиночество и в то же время бунтарство, лиричность, мятежность духа.

Следуя данному литературному течению, все три автора прибегают к экзотическому изображению событий, пейзажей и людей. Реальная жизнь героев представлена прозаичной, что вызывает неприятие. Э. Сю, В. Крестовский и П. Феваль надеются своих персонажей мечтательностью, возвышенностью, воспевают культ свободы и стремление к идеалу. Одна из ключевых черт романтизма – «необыкновенный герой в необыкновенных обстоятельствах» – также определяет сходство произведений. Поэтому читатель наблюдает некий трагический поединок героя с собственной судьбой; раскрывает жизненные принципы высокого и низкого, трагического и комического, обиденного и необычного на страницах романов.

Заглавие – неотъемлемая часть текста, представляющая его имя в рамках диктемной структуры как наименьшей тематической единицы текста. Тематизация, стилизация, предикация и номинация выделены как четыре важнейших функционально-знаковых аспекта речи [5].

С точки зрения тематизации, диктемное имя позволяет связывать близкие и дальние части текста. Тематизация диктемного имени текста реализуется за счет всех видов информации: фактуальной, интеллективной, эмотивной и импрессивной. Авторский выбор выразительных и языковых средств определяет степень импрессивности заглавия.

В. А. Кухаренко рассматривает заглавие как рамочный знак, который увеличивает объем значимости за счет множества контекстов, выраженных языковыми единицами разных уровней [6, с. 50].

Заглавие является многофункциональным знаком, который мотивирован текстом произведения. Заголовок представляет собой имя текста и занимает «сильную позицию» по отношению к другим частям текста, таким как тема, образ и идея. Читатель рассматривает заглавие как некий «ярлык», по которому он судит о тексте всего произведения, что подтверждает Л. С. Выготский, рассматривая заголовок как «доминанту, определяющую собой все построение художественного произведения» [7, с. 48].

Полнота значимости заголовка как элемента текста определяется уровнем информативности. Так, выделяют полноинформативные заглавия, где актуализируется смысловой компонент текста в полной мере, и пунктирные, которые лишь частично раскрывают смысловой компонент текста [8, с. 14]. Композиционное оформление текста позволяет выделить два типа заглавий: 1) разделяющий текст на части, 2) интегрирующий (объединяющий текст). С одной стороны, все три автора посвящают главы своим героям и дробят по главам этапы их судьбы. С другой стороны, примерами объединения могут послужить названия глав, посвященные описанию городов для воссоздания их целостного образа за счет раскрытия урбанистических стереотипов. Многие заголовки глав анализируемых произведений отражают названия местных достопримечательностей, таких как рынки, площади, улицы, кабаки, больницы, тюрьмы, кладбища, дома бедных и богатых.

И. Р. Гальперин классифицирует названия по форме, содержащейся в нем концептуальной информации или фактуальной информации, например: 1) название-символ (Сю – «Ангел»; Крестовский – «Тьма египетская»; Феваль – «Иуда»); 2) название-тезис (Сю – «Ангел мой, как ты поздно приехала!»; Крестовский – «Дело о покушении на убийство гвардии корнета князя Шадурского женою московского почетного гражданина Юлиею Бероевой»; Феваль – «Просьбы Анны подействовали»); 3) название-цитата (Сю – «Veni, Creator Optime»; Крестовский – «Старый друг – лучше новых двух»; Феваль – «В Бедлем!»); 4) название-сообщение (Сю – «Завещание»; Крестовский – «Нечто о хлыстах»; Феваль – «Еще одно дельце»); 5) название-намек (Сю – «Любострастным не будь...»; Крестовский – «Назидательные беседы»; Феваль – «Брат, сжался!»); 6) название-повествование (Сю – «История Давида и Сесили»; Крестовский – «История Рамзи»; Феваль – «История Сюзанны»). Кроме того, он отмечает способность заглавия ограничивать текст и наделять его завершенностью [9, с. 134].

Некоторые заголовки отличает наличие лингвокультурологической информации, проявляющейся в лакунарности [10, с. 420] иноязычных реалий путем транскрибирования или транслитерирования внедряемых образов в концептосферу текстостроения [11, с. 78]. Помимо этого, заглавия, содержащие национально-специфический элемент иноязычной культуры, представляют особый интерес для читателя относительно его ожиданий (предвосхищений) при прочтении произведения. Произведения Сю, Крестовского и Феваль уникальным образом схожи во вкраплении заглавий на иностранном языке: «Veni, Creator Optime» (Сю);

«Doktor Katzel», «Excentric man» (Крестовский); «Mors ferro, nostra mors!» (Феваль).

К этой же группе следует отнести заглавия – географические реалии, прямо указывающие на место события, о котором, возможно, пойдет речь в последующем тексте: «Сен-Лазар» (Сю), «Вяземская лавра» (Крестовский), «В Тревор-Гоузе давали бал» (Феваль). Особое внимание привлекают заглавия, представляющие имена собственные, указывающие на иностранное происхождение некоторых героев анализируемых романов: «Графиня Мак-Грегор» (Сю), «Генеральша фон Шпильце» (Крестовский), «Бегство Рио-Санто» (Феваль). Рассмотрение заголовков анализируемых произведений позволяет сделать вывод о лингвокультурологическом влиянии определенной эпохи на авторов беллетристических романов. Подобные заглавия свидетельствуют об иноязычной интервенции, что особенно характерно для русской культуры XIX в., ориентированной на заимствование ценностей из других культур, в особенности французской, как дань моде того времени. Подобные явления, позволяющие впитывать определенное количество иноязычной культуры, раскрывают заголовок как автономную текстовую единицу, развитие которой происходит по своим собственным законам.

Так, заглавия, представляющие основную тему или проблему произведения, дают читателю самое общее представление о круге жизненных явлений, отобранных и освещенных авторами беллетристических произведений. Понимание темы «тайны города», заявленной в заглавии, может существенно расширяться по мере развертывания художественного текста, а само заглавие – приобретать символическое значение. Так, «Парижские тайны» Э. Сю, «Петербургские труппы» В. Крестовского и «Лондонские тайны» П. Феваль оказываются не только рассказом о жизни столичной богемы, закулисных интригах, сложностях судьбы, но и материализованной метафорой человеческой жизни вообще. Писатели, словно один за другим, повторяют сюжеты, освещая актуальные для того времени проблемы общества и погружая читателя в тайны городской жизни, а тайна всегда порождает интригу, что делает произведение более привлекательным.

Заглавия, представляющие персонажей произведений, формируют отдельную группу, значительная часть которых является антропонимами, например: «Маркиз Д'Авриль» (Сю), «Иван Вересов» (Крестовский), «Эдуард» (Феваль). В центре внимания авторов оказываются главные и второстепенные персонажи, а текст самой главы повествует об их судьбах и цепочке событий, связывающих персонажей внутри произведения. Еще одним сходством в данных романах является тот факт, что авторы используют говорящие фамилии и клички

для раскрытия характера героев, их действий и помыслов.

Также можно говорить о заглавиях, обозначающих время действия, которое является основой художественного мира, как и мира реального. Помимо циклических координат (года, названий месяцев, дней недели, времени суток и т. д.), время действия бывает обозначено датой, соотносимой с определенным событием: «Ночь» (Сю), «Неделя приготовлений» (Крестовский), «Ночная экспедиция» (Феваль).

Классификация заглавий с учетом их структуры строится по следующим основаниям:

I. На основе разных частей речи и их сочетаемости:

1. Прилагательное + существительное: «Зимний сад» (Сю), «Тайный приют» (Крестовский), «Новые пытки» (Феваль).

2. Причастие + существительное: «Неоплаченный долг» (Сю), «Выигранное пари» (Крестовский), «Брошенная перчатка» (Феваль).

3. Существительное + союз + существительное: «Мать и сын» (Сю), «Князь и княгиня Шадурские» (Крестовский), «Слуга и господин» (Феваль).

4. Существительное + существительное в притяжательном падеже: «Дом священника» (Сю), «Ключи старой княгини» (Крестовский), «Зверство Рауеля» (Феваль).

5. Числительное + существительное: «Три этажа» (Сю), «Два невинных подарка» (Крестовский), «Двадцать пять миллионов фунтов стерлингов» (Феваль).

6. Два существительных через дефис: «Морель-гранильщик» (Сю), «Нищий-богач» (Крестовский), «Бедняк-богач» (Феваль).

II. С точки зрения иерархии языковых единиц:

1. Название-слово «Бал» (Сю), «Промежуток» (Крестовский), «Письмо» (Феваль).

2. Название-словосочетание «Кровоточащее сердце» (Сю), «Великосветская Диана» (Крестовский), «Новые пытки» (Феваль).

3. Название-предложение «Какое счастье – свидеться вновь!» (Сю), «Гречка встречает старых знакомых» (Крестовский), «В Тревор-Гоузе давали бал» (Феваль).

4. Название – свернутый текст «Бал» (Сю), «Промежуток» (Крестовский), «Письмо» (Феваль).

5. Название-вопрос: «Кошелек или жизнь?» (Сю), «Как ломалось княжеское самолюбие?» (Крестовский), «Где же мои дочери?» (Феваль).

6. Название-поговорка: «Кошелек или жизнь» (Сю), «Старый друг – лучше новых двух» (Крестовский), «Его смерть – наша жизнь» (Феваль).

7. Название-восклицание: «Ангел мой, как поздно ты приехала!» (Сю), «Не принимают!» (Крестовский), «Обе погибли!» (Феваль).

8. Название-побуждение: «Любострастным не будь...» (Сю), «Ликуй ныне и веселися, Сионе» (Крестовский), «Брат, сжался!» (Феваль).

III. С точки зрения стилистики:

1. Пародирующие заглавия: «Сычиха» (Сю), «Содержанка!» (Крестовский), «Женщина в три шиллинга!» (Феваль).

2. Гипербола: «Первое горе Хохотушки (гиперболизация признака)» (Сю), «Развеселая жизнь» (Крестовский), «На волос от смерти» (Феваль).

3. Метафора: «Кровоточащее сердце» (Сю), «Тьма египетская расточилась» (Крестовский), «Последняя надежда» (Феваль).

4. Эпитет: «Неоплаченный долг» (Сю), «Золотой песок» (Крестовский), «Коварный замысел» (Феваль).

5. Оксюморон: «Явление призрака» (Сю), «Нищий-богач» (Крестовский), «Бедняк-богач» (Феваль).

6. Окказионализм: «Veni, Creator Optime» (Сю), «На чашку кофею» (Крестовский), «Mors ferro, nostra mors!» (Феваль).

7. Повтор: «Три этажа... Четыре этажа» (Сю), «Новое горе и новые грезы» (Крестовский), «Неожиданная встреча... Неожиданный гость» (Феваль).

8. Аллюзия: «Перст божий» (Сю), «Идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание» (Крестовский), «Чистилище» (Феваль).

9. Графическое оформление: «Сосед и соседка» (Сю), «Новое горе и новые грезы» (Крестовский), «Печальное предчувствие» (Феваль);

10. Плеоназм: «Речной пират» (Сю), «Ванька-горюн, горе-горькая голова» (Крестовский), «Тайный подкоп» (Феваль).

Такие заголовки обладают повышенной экспрессивностью, участвуют в создании подтекста, иронического, пародийного эффекта [8, с. 53]. На основе этого заголовки можно разделить на экспрессивные и нейтральные: если название произведения высвечивает тему текста, то это образует нейтральную смысловую связь «заголовок – текст», что делает заголовок прозрачным, а если заглавие коррелирует с одним из тезисов, отражающих главную мысль косвенными, имплицитными средствами, то это приводит к экспрессивности заголовка, т. е. его непрозрачности [8, с. 70].

Характерной чертой заглавий XIX в. является отражение принадлежности автора к литературному течению. В данном случае все три автора принадлежат к романтическому течению в литературе. Анализируемые произведения написаны во второй половине XIX в. и являются беллетристическими.

Текст как продукт речевой деятельности говорящего делится на диктемы, представляющие собой элементарные ситуативно-тематические единицы,

образующиеся из одного или нескольких предложений как единиц непосредственно нижележащего уровня языковых сегментов [12, с. 56]. Диктема как интегративная единица языкового выражения имеет четыре аспекта: тематизацию, стилизацию, номинацию и предикацию [13, с. 4]. Совокупность этих аспектов формирует комплекс информации, передаваемой от писателя к читателю. Так, первичная диктема проявляется в виде замысла всего произведения. Вторичная диктема предполагает развертывание текста, выполняя рекламную функцию, целью которой является максимальное воздействие на читателя. Третичная диктема сводится к авторским предпочтениям развития сюжета, когда автором устанавливается алгоритм повествования. Тетрадиктема раскрывает кульминацию произведения, а квинтадиктема – развязку сюжета. Секстадиктема предполагает вовлечение читателя в сюжетные линии, читательское осмысление с последующим обсуждением смысла произведения.

Символизация заглавий отразилась на длине заголовков и на их смысловой емкости, что сделало их лаконичными. Заглавия стали содержательно многоплановыми, концентрируя в себе основной глубинный смысл произведения. Ярким примером подтверждения данного теоретического аспекта послужили названия некоторых глав анализируемых беллетристических произведений: «Воздушные замки» (Сю), «Между жизнью и смертью» (Крестовский), «Слепой и красавица» (Феваль), содержащие в себе два семантических плана: буквальный, или эксплицитный, и идейно-символический, или имплицитный. Нелинейность смысла текста обусловлена его расширением вглубь за счет «надстройки верхних ярусов», нагромождения дополнительных смыслов.

Инверсия, эллипсис и интенсификаторы также характерны для названий глав произведений XIX в.: «Любострастным не будь...» (Сю), «Развеселая жизнь» (Крестовский), «Мрачная ложка» (Феваль). Ярким примером ритмической организации текста заглавия являются заголовочные комплексы, состоящие из однотипных синтаксических единиц. Поэтику синтаксиса определяют риторические восклицания, заключающие в себе экспрессию, усиливающую прагматический пик высказывания, что создает некоторую ритмику заглавия. А употребление стилистических фигур нередко интегративно усиливает друг друга. В заглавиях художественной прозы, особенно произведений авторов XIX в., такого рода приемы используются довольно часто.

Подтверждением вышесказанного может служить своеобразное ритмическое оформление заголовка: «Сосед и соседка», «Лилия-Мария» (Сю), «Голь, Шмоль, Ноль и Ко», «Князь и княгиня Ша-

дурские» (Крестовский), «Таверна “Трубки и Кружки”», «Печальное предчувствие» (Феваль).

Рассмотрение структурной, семантической и стилистической составляющих заголовка делает уместным упоминание актуальности анализа функций заглавий произведений в жанре утопии, которая определяется через неординарность, полисемичность и интертекстуальность смысла. Полифункциональность заглавий определяется их начальной позицией в тексте и значением, относящимся ко всему тексту в целом. Классификация функций заголовков многообразна и подразумевает:

- номинативную функцию, роль которой заключается в наименовании героев, времени и места повествования: «Графиня Мак-Грегор», «Кабак „Белый кролик“», «Вечер на ферме» (Сю); «Князь Владимир Шадурский», «Ерши», «Тюремный день» (Крестовский); «Леди Офелия», «Таверна „Короны“», «Свидание после долгой разлуки» (Феваль);

- прогнозирующую, где внимание читателя концентрируется на раскрытии алгоритма последующих действий и предвосхищении событий в тексте произведения: «Неожиданность» (Сю), «Неожиданный визит» (Крестовский), «Неожиданные новости» (Феваль);

- структурную, представленную в виде построения иерархии языковых единиц от простого к сложному: заголовок-слово («Наказание» (Сю), «Отомстила» (Крестовский), «Казнь» (Феваль)), заголовок-словосочетание («Дом священника» (Сю), «Корзинка с цветами» (Крестовский), «Серенький домик» (Феваль)), заголовок-предложение («Ангел мой, как ты поздно приехала!» (Сю), «Ликуй ныне и веселися, Сионе!» (Крестовский), «Где же мои дочери?» (Феваль));

- идентифицирующую, раскрывающую внутренний и внешний мир героев, их имена, прозвища, происхождение, национальность, социальный статус и стиль жизни: «Сычиха» (Сю), «Крыса» (Крестовский), «Шотландец», «Шрам на лбу» (Феваль);

- информативную, состоящую в умении сжато преподнести основные сюжетные линии произведения или главы: «Отъезд» (Сю), «Облава» (Крестовский), «Приговор» (Феваль);

- рекламную, роль которой состоит в том, чтобы привлечь внимание, заинтриговать и вызывать интерес читателя: «Кабак „Белый кролик“» (Сю), «Подземные каналы в Петербурге» (Крестовский), «Таверна „Трубки и Кружки“» (Феваль);

- эмотивную, усиливающую эмоциональное наполнение содержания: «Какое счастье – свидеться вновь!» (Сю), «Как ломалось княжеское самолобие?» (Крестовский), «До чего доводит нищета?!» (Феваль);

– сигнальную – это функция привлечения внимания к деталям контекста и скрытым символам: «Кровоточащее сердце» (Сю) – как сигнал-предостережение, «Особый мирок» – сигнал существования параллельного подпольного мира (Крестовский), «Слепой и красавица» – как сигнал противопоставления героя и антигероя (Феваль);

– выразительную – функция, которая реализуется за счет наполнения текста произведения средствами экспрессивности: стилистическими приемами, фигурами речи, тропами и интенсификаторами [14, с. 120]. Функционируя в заглавии, тропы (метафора, метонимия, ирония, аллюзия и т. д.) отражаются на уровне всего рассказа в целом, что делает сюжет многослойным, а вместе с этим создает подтекст: «Незнакомый друг» (Сю), «Ванька-горюн, горе-горькая голова» (Крестовский), «Тайный подкоп», «На волос от смерти» (Феваль);

– функция убеждения, которая реализуется за счет формирования у читателя определенного мнения относительно событий, происходящих с героями: «Кошелек или жизнь» (Сю), «Назидательные беседы» (Крестовский), «Необходимо действовать» (Феваль).

Помимо общих для всех заголовков функций, выделяют целый ряд специфичных функций, свойственных для заглавий утопических произведений. «Под утопией подразумевается любой текст, в котором вне связи с объективным историческим развитием изображалось некое изолированное в пространстве или удаленное во времени идеальное общество; утопия предполагает реформизм, то есть улучшение тех или иных сфер в общественной, политической или этической жизни или в интересах тех или иных групп и субкультур» [15, с. 32]. В основании любой утопии лежит всеобщность и перфекционизм, что свойственно утопизму как течению.

Одной из характерных черт утопического романа является создание образа идеального города. Названия глав «Идиллия» (Сю), «Идиллистические страны Петербурга» (Крестовский), «Мечтатель» (Феваль) у всех трех авторов подтверждают наличие утопических течений в тот период времени. Идеальный город (каким пытаются сделать Париж, Петербург и Лондон Сю, Крестовский и Феваль) – один из самых устойчивых атрибутов утопической мысли. Реальный город со всеми его очевидными и, видимо, неизлечимыми пороками противопоставляется идеальному воображаемому городу. Представление о жизни человека в организованном обществе оказалось неразрывно связано с идеей геометрической гармонии. План правильного города с прямыми улицами обеспечивал жителю адекватную возможность вписаться в определенную систему.

Другая характерная черта утопии проявляется в коллективизме, создании идеального общества, некой коммуны, изолированной от порочного общества, где герои находят умиротворение и счастье в совместной работе и организации общего досуга. Жизнь в таких сообществах осуществляется за счет перевоспитания, отказа от вредных привычек и темного прошлого. Погружаясь в подобное общество, персонажи обречены на исправление под «педагогическим влиянием» окружающих. Авторы произведений намеренно подчеркивают разницу между положительными и отрицательными героями. Из анализа произведений видно, что утопия претендует на глобальность масштаба при создании социальной гармонии на основе идеологии, которая охватывает все аспекты как общественной, так и частной жизни. Навязчивая идея создания идеального общества приводит к разрешению его проблем окончательно и бесповоротно. Анализируемые произведения отличает одержимость философскими рассуждениями и скрытая тяга к тоталитаризму через насаждение моральных устоев.

Таким образом, заголовки утопий многофункциональны. Они выполняют ряд специфичных функций: «зеркала», синтеза смыслов, проспекции и ретроспекции, конкретизации, генерализации, метафоризации и метонимизации содержания, сопряжения реального и нереального, рамки, выполняющей композиционно-структурную и содержательную функции, интертекстуальности, послания-вызова читателю. В большинстве случаев полное осмысление заголовка произведения возможно лишь в комплексе при знании и понимании всех интертекстуальных включений в заголовки и проблемы этой страны – английская/французская/русская реальность. В анализируемых романах персонажи фантастичны, события, проблемы, пути их решения реальны.

В «Парижских тайнах», «Петербургских трущобах» и «Лондонских тайнах» авторами используется противопоставление реального и действительного, что находит отражение в заголовках, и довольно часто именно заголовок является ключом к авторской идее, обнажая при этом имплицитное содержание самого произведения.

Заключение

Индивидуальность текста подчеркивается его заголовком, который является онимом в функциональном аспекте. Заголовок задает тон всему тексту, выделяет его уникальность и узнаваемость стиля автора, что позволяет идентифицировать текст. Через заголовок читатель довольно ярко представляет себе содержание последующего текста, что реализуется в содержательной функции заглавия.

За счет многообразия функций заглавия художественного произведения, которые находят отражение в его форме и содержании, определяются его место и роль в структуре всего текста. Заголовок выражает основную идею текста и создает объемность содержания произведения за счет разнообразия контекстов. Сю, Феваль и Крестовский, предаваясь модному веянию того времени, через заго-

ловки глав создают единый образ города, окутанного тайнами его жителей, районов, зданий и событий, в нем происходящих. Заглавия представляют собой емкое выражение точки зрения автора, создают собственную атмосферу романа, его эмоциональный фон, чтобы привлечь внимание к себе, и проецируют возможные ожидания от произведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крестовский В. В. Петербургские трущобы. М.: Эксмо-пресс, 1998. Т. 1–2. 1500 с.
2. Сю Э. Парижские тайны. М.: Пресса, 1993. Т. 1–2. 1408 с.
3. Феваль П. Лондонские тайны. М.: Оранта, 1991. 480 с.
4. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge press, 2019. 580 p.
5. Блох М. Я. Проблема основной единицы текста // Коммуникативные единицы языка. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. М., 1984. С. 19–23.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. Л.: Просвещение, 1978. 327 с.
7. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1968. 204 с.
8. Лазарева Э. А. Заголовок в газете: учеб. пособие для студентов-журналистов. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 96 с.
9. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка: учеб. пособие для вузов. М.: Наука, 1981. 138 с.
10. Хакимова Ш. Р. Лакуны как лингвистическое явление // Молодой ученый. 2015. № 1 (81). С. 420–422.
11. Оборина М. В. Понятия лингвофилологической герменевтики, связанные со стилистическими тенденциями текстопостроения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. № 9. С. 73–88.
12. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.
13. Блох М. Я. Просодия в стилизации текста. М.: Прометей. МПГУ, 2011. 120 с.
14. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 173 с.
15. Morris J. M., Kross A. L. *The A to Z of Utopianism*. Lanham: Scarecrow Press, 2004. 432 p.

References

1. Krestovskiy V. V. *Peterburgskiy trushchyoby* [Petersburg slums]. Moscow, Eksmo-press Publ., 1998. Vol. 1–2. 1500 p. (in Russian).
2. Syu E. *Parizhskiy tayny* [Parisian mysteries]. Saint Petersburg, Pressa Publ., 1993. Vol. 1–2. 1408 p. (in Russian).
3. Feval' P. *Londonskiye tayny* [London mysteries]. Moscow, Oranta Publ., 1991. 480 p. (in Russian).
4. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge press, 2019. 580 p.
5. Blokh M. Ya. Problema osnovnoy edinitiy teksta [The problem of the basic unit of the text]. *Kommunikativnyye edinitiyazyka. Tezisy dokladov Vsesoyuznoy nauchnoy konferentsii* [Communicative units of language. Abstracts of the All-Union Scientific Conference]. Moscow, 1984. Pp. 19–23 (in Russian).
6. Kukharenko V. A. *Interpretatsiya teksta* [Text interpretation]. Leningrad, Prosveshcheniye Publ., 1978. 327 p. (in Russian).
7. Vygotskiy L. S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow, 1968. 204 p. (in Russian).
8. Lazareva E. A. *Zagolovok v gazete* [Newspaper headline]. Sverdlovsk, UrFU Publ., 1989. 96 p. (in Russian).
9. Gal'perin I. R. *Informativnost' edinitiyazyka* [Informativeness of language units]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 138 p. (in Russian).
10. Khakimova Sh. R. Lakuny kak lingvisticheskoye yavleniye [Lacunae as a linguistic phenomenon]. *Molodoy uchenyy*, 2015, no. 1 (81), pp. 420–422 (in Russian).
11. Oborina M. V. Ponyatiya lingvofilologicheskoy germenevtiki, svyazannyye so stilisticheskimi tendentsiyami tekstopostroyeniya [Concepts of linguophilological hermeneutics related to stylistic tendencies of text-building]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvenno-go universiteta. Seriya: Filologiya – Vestnik TvGU Series: Philology*, 2007, no. 9, pp. 73–88 (in Russian).
12. Blokh M. Ya. Diktema v urovnevoy strukture yazyka [Dictema in the language level structure]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the study of language*, 2000, no. 4, pp. 56–67 (in Russian).
13. Blokh M. Ya. *Prosodiya v stilizatsii teksta* [Prosody in text stylization]. Moscow, Prometey, MPGU Publ., 2011. 120 p. (in Russian).
14. Turanskiy I. I. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke* [Semantic category of intensity in the English language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 173 p. (in Russian).
15. Morris J. M., Kross A. L. *The A to Z of Utopianism*. Lanham, Scarecrow Press, 2004. 432 p.

Информация об авторе

Безрукова В. В., доцент, Воронежский государственный педагогический университет (ул. Ленина, 86, Воронеж, Россия, 394043).

Information about the author

Bezrukova V. V., Associate Professor, Voronezh State Pedagogical University (ul. Lenina, 86, Voronezh, Russian Federation, 394043).

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 19.01.2023; accepted for publication 25.05.2023

УДК 82

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-101-109>

Концепт «провинция» в русской литературе XIX века: семантическое поле психологических и экзистенциальных состояний

Анна Евгеньевна Семеновская

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск,
anna.semenovskaya@mail.ru*

Аннотация

Помимо буквального значения (территория государства), слово «провинция» обладает комплексом разнообразных коннотаций (косность, отсталость, необразованность и т. п.), которые в полной мере не описаны в словарях, но с легкостью считываются носителями русского языка как грани единого концепта «русская провинция». Накопление этих значений происходило преимущественно за счет попадания слова в художественную литературу, где оно стало формой для выражения разнообразных сторон внестоличной жизни. Так, из лексемы с конкретным прямым значением слово «провинция» стало абстрактным понятием, концептом, мифом.

Это исследование – попытка реконструировать, описать и систематизировать все смыслы, которыми окружены слово «провинция» и его производные (провинциальность, провинциализм, провинциал и т. д.). Материал исследования – тексты на портале «Национальный корпус русского языка». В фокусе этой статьи – смыслы, связанные с психологическими или экзистенциальными состояниями.

Среди упоминаний слова «провинция» и его производных было выявлено 108 случаев, в которых содержался контекст описания чувств. Все словоупотребления были изучены, в результате было установлено 13 значений: тоска/скука; неуверенность, зависимость; утрата себя и способностей; страх/ужас/тревога; стыд; грусть/печаль; отчаяние; одиночество; сумасшествие; апатия; несвобода; покой; свобода.

Выяснилось, что в русской литературе концепт «провинция» имеет преимущественно негативные коннотации. Немногие положительные значения (покой, свобода) отсылают к сентименталистской традиции и появляются в период упадка «дворянских гнезд», в период славянофильских стремлений очистить представление о русской провинции от отрицательных смыслов.

Негативные психологические или экзистенциальные состояния вызваны: а) отсутствием у провинциалов собственной идентичности и, как следствие, оценением себя с позиции другого (неуверенность, зависимость от авторитетов и «столичного», страх/ужас/тревога, стыд); б) непосредственной погруженностью провинциалов в бессобытийную жизнь (тоска/скука, грусть/печаль, отчаяние, одиночество, апатия, несвобода, сумасшествие, утрата себя и своих способностей, мотивы сна и смерти).

Ключевые слова: провинция, провинциальность, концепт, Национальный корпус русского языка, русская литература XIX в.

Для цитирования: Семеновская А. Е. Концепт «провинция» в русской литературе XIX века: семантическое поле психологических и экзистенциальных состояний // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 101–109. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-101-109>

The concept of “province” in Russian literature of the XIX century: semantic field of psychological and existential feelings

Anna E. Semenovskaya

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, anna.semenovskaya@mail.ru

Abstract

The word “province” is associated with a variety of meanings, starting from the literal (the territory of the state) and ending with metaphorical (stagnation, backwardness, lack of education, etc.). These meanings were formed around the “province” and accumulated in the Russian speech consciousness mainly through the efforts of fiction of the XIX century. Thus, from a lexeme with a specific direct meaning, the word “province” was transformed into an abstract concept, concept and myth. This study is an attempt to reconstruct, describe and systematize all meanings based on the materials of the “National Corpus of the Russian Language”. The focus of the article is only those meanings that are associated with psychological or existential states.

Among the mentions of the word “province” and its derivatives, 108 cases were identified in which the context of describing feelings was contained. All cases have been studied. The analysis resulted in 13 meanings reflecting the idea of the province in terms of psychological and existential states: longing/boredom; uncertainty, dependence; loss of self and abilities; fear/horror/anxiety; shame; sadness/sadness; despair; loneliness; madness; apathy; lack of freedom; peace; freedom.

It turned out that in the literature of the XIX century, mainly negative connotations accumulate around the concept of “province”. Few positive meanings (peace, freedom) refer to the sentimentalist tradition, appear during the decline of the “noble nests” and Slavophile aspirations to purify the idea of the Russian province from negative meanings.

Negative psychological or existential ones are caused by: a) the province’s lack of its own identity and, as a result, self-assessment from the position of the Other (uncertainty, dependence on authorities and the “metropolitan”, fear/horror/anxiety, shame); b) the direct immersion of provintsials in an eventless provintsial life (longing/boredom, sadness/sadness, despair, loneliness, apathy, lack of freedom, insanity, loss of oneself and one’s abilities, motives for sleep and death).

Keywords: province, provintsiality, concept, National Corpus of the Russian Language, Russian literature of the 19th century

For citation: Semenovskaya A. E. Kontsept “provointsiya” v russkoy literature XIX veka: semanticheskoye pole psikhologicheskikh i ekzistentsial’nykh sostoyaniy [The concept of “province” in Russian literature of the XIX century: semantic field of psychological and existential feelings]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 101–109 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-101-109>

Введение

С XVII в. слово «провинция» прошло долгий путь и пережило множество трансформаций: превратилось из обозначения конкретного понятия в абстрактное, из лексемы, обозначающей реальное явление и имеющей четко оформленный денотат, – в идеологему, концепт и миф. Как отмечает Л. О. Зайонц [1, 2], слово «провинция» употреблялось в своем исконном значении как наименование административно-территориальной единицы государства только в XVII–XVIII вв. После реформы Екатерины II, отменившей в 1775 г. провинцию как субъект государства, слово лишилось своего первоначального смысла и обрело вторую жизнь в художественной словесности. В литературе слово приобрело множество коннотаций, было мифологизировано и концептуализировано.

Именно художественная литература, как отмечают Л. О. Зайонц [1, 2], Е. Н. Строганова [3, с. 196], А. Е. Козлов [4, с. 12] и др., сыграла решающую роль не только в сохранении слова в языке, но и в непрекращающемся наращивании его семантического ореола. Так, уже к 30-м гг. XIX в. слово приобрело свои основные смыслы, начиная с понимания провинции как пространства природы, естественности и покоя и заканчивая пренебрежительно-обличительным изображением уездного города и его жителей, выраженным в творчестве Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. П. Чехова.

В современной филологии русская провинция исследуется с разных ракурсов: в рамках социологии пространства (провинциаловедение), мифологии пространства (локальные тексты) или политологии пространства (областничество). Однако при всем многообразии подходов и глубине исследовательского анализа этих работ термин «провинция»

в них используется зачастую произвольно и метафорически: понимание термина учеными диктуется контекстом рассматриваемых художественных произведений или идеологическими схемами самого автора. Вместе с тем любая исследовательская операция, предполагающая использование «провинции» как понятия и термина, не может быть произведена без учета многообразных коннотативных значений, которыми окружено это слово.

Наведение порядка в словоупотреблении, реконструкция всех коннотаций, возникающих в сознании при упоминании провинции, а также их дальнейшая систематизация – работа, проделать которую еще предстоит. Хотя нельзя не отметить, что попытка проанализировать и аккумулировать смыслы, накопленные вокруг «провинции», уже предпринималась. В 2012 г. тверскими учеными велась работа по созданию словаря «Русская провинция» [5–7]. Словарь задумывался как комплексное описание пространства русской провинции. Однако проект так и не был завершен: на сегодняшний день вышло только две статьи в научных журналах. Кроме того, авторы словаря в качестве материала опирались на работы других исследователей, а не на первоисточники, в которых эти смыслы непосредственно формировались, что способно поставить под сомнение полноту освещения всех имеющихся у «провинции» смыслов и контекстов. Эта статья – еще один шаг к решению обозначенной задачи – извлечь из стереотипных представлений о «провинции» все значения, описать и упорядочить их.

Материал и методы

Провести полную ревизию смыслов возможно при учете трех факторов: 1) включение в поле зре-

ния исследования большого объема материала, т. е. всех художественных текстов, где есть упоминание «провинции»; 2) фронтальный анализ текстов, желательное с наличием функции вычленения фрагментов с упоминаниями слова для определения его семантики в полученном контексте; 3) использование адекватной научной методологии для описания полученных результатов и их систематизации.

Благодаря «Национальному корпусу русского языка» (НКРЯ) [8] анализ всех смыслов лексемы «провинция» стал решаемой задачей. Портал представляет собой базу данных русскоязычных текстов периода середины XVIII – начала XXI в., имеет функции поиска по ключевым словам, сортировки по периодам, жанрам, родам литературы и стилям. Методы анализа материалов были позаимствованы из лингвоконцептологии и лингвокультурологии – для обнаружения значений упомянутого слова изучался контекст, в который оно помещено.

Для учета не только слова «провинция», но и его словоформ и грамматических вариантов в строку поискового запроса вводилась комбинация «провинц*». Поиск осуществлялся в художественном и поэтическом корпусах, учитывались все роды литературы и жанры. На настоящем этапе исследования было принято решение ограничиться периодом XIX в. По указанным критериям в корпусе было найдено 379 художественных текстов, в которых искомое слово упоминается 1 531 раз. Каждый фрагмент текста с упоминанием слова был проанализирован.

Ввиду такого большого объема материала и его разнородности все полученные значения были поделены на четыре семантические группы: 1) провинциальная социология и антропология; 2) идеологические и культурные антинормы; 3) значения, связанные с психологическими и экзистенциальными состояниями; 4) мотивы, обладающие высоким сюжетообразующим потенциалом. В фокусе данной статьи только одна группа – значения/мотивы, связанные с психологическими или экзистенциальными состояниями.

Результаты и обсуждение

В «Национальном корпусе русского языка» среди текстов XIX в. было найдено 108 упоминаний слова «провинция» и его производных, контекст которых предполагал указание на психологические или экзистенциальные состояния: *тоска/скука* – 33 упоминания, *неуверенность, зависимость от авторитетов и «столичного»* – 17, *утрата себя и своих способностей (в том числе через мотивы смерти и сна)* – 14, *страх/ужас/тревога* – 13, *стыд* – 6, *грусть/печаль* – 6, *отчаяние* – 6, *одиночество* – 5, *сумасшествие* – 2, *апатия* – 1, *несвобода* – 1, *покой* – 3, *свобода* – 1.

Перечень выявленных контекстов свидетельствует, что негативные коннотации имеют преимущество. Положительные значения («покой», «свобода») нетипичны для литературы XIX в., поскольку они восходят к концу XVIII в., а именно к сентименталистской эстетике, где российская глубинка идеализируется, воспринимается как природная среда, развивающая «естественные» начала человека. Описание провинции в таком ключе совпало, во-первых, с проникновением в русскую культуру идей Ж.-Ж. Руссо и Л. Стерна, во-вторых, с массовыми миграциями в деревни дворян, которые нуждались в идеологическом обосновании помещного образа жизни. Так, именно сентиментализм лег в основу усадебной мифологии: *«Благодаря Руссо в сознании образованной части русского общества конца XVIII в. „естественная“ деревенская жизнь ассоциировалась прежде всего с провинциально-дворянской, постепенно превращаясь из вынужденной в осмысленную и самоценную»* [1, с. 70].

Происходит реанимация в художественной словесности XIX в. таких значений акторами. Любопытен тот факт, что все тексты, где в связи с провинцией возникают подобные «сентименталистские» смыслы, относятся к периоду 1850–1870 гг., то есть ко времени постулирования славянофильских идей, противопоставляющих европеизированной столице исконный общинный уклад имперской периферии [9]. Связь между идеализированным представлением о пространстве «вне столицы» и идеями националистического толка проводит и такая исследовательница, как Л. Парц [10]. Кроме того, нельзя не упомянуть в качестве важного фактора, сыгравшего роль в позитивном восприятии провинции, упадок дворянско-усадебной культуры в середине XIX в., чем, по-видимому, в том числе продиктованы восторженный пафос и ностальгическая модальность текстов этого периода. Так, у И. В. Омулевского («Шаг за шагом», 1870), например, провинция ассоциируется с традиционным набором качеств «естественного» человека: свобода, воля, сила, ловкость: *«Теперь он стал даже помогать ему распутывать узлы веревок, выказывая при этом ловкость и силу, свойственные двенадцатилетнему мальчику только в провинции, когда он растет на свободе»* [8]. В «Разделе имения» (1850–1860) И. И. Панаева в противовес фразе «Провинция уж все провинция, как ни говорите», в которой считывается пренебрежение, предлагается идеализация деревни: *«Деревня имеет свои приятности; воздух здесь совсем другой. Я так чувствую себя гораздо лучше на свежем воздухе, особенно когда можно отдохнуть после занятий по службе; к тому же уединение...»* [8]. Пародирование подобного ностальгического и по-сентименталистски

восторженного тона ощущается в «Невинных рассказах» (1857–1863) М. Е. Салтыкова-Щедрина: *«Читатель! не знаю, жила ли вы в провинции, но я, который благоденствовал в Вятке и процветал в Перми, жуировал жизнью в Рязани и наслаждался душевным спокойствием в Твери, я смею вас удостоверить, что воспоминания о виденных мною елках навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями пройденной жизни!»* [8].

Сентименталистский модус восприятия провинции, как видим, в большей степени связан с пространством российской деревни. Однако основной пласт содержания концепта «провинция» (преимущественно негативного) связан в литературе XIX в. не с деревней, а с уездным городом. По мысли Э. Лаунсбери [11, с. 13–18], крестьянство, основное население деревень, не может считаться провинциальным, поскольку оно не вовлечено в ту семиотическую систему, в которую вписан уездный горожанин, который, с одной стороны, потерял связь с «народом» и своими корнями, покинув деревню, и, с другой стороны, утратил свою аутентичность ввиду желания сменить свой статус на столичного жителя и переживания своей отдаленности от центра социальной и культурной жизни. С такой точки зрения уездный город – это уже не деревня, но еще не столица, он как бы лишен собственного лица и вынужден определять себя через эти самоценные пространства. Мысль Э. Лаунсбери о том, что «негативная» идентичность города обуславливает его провинциализм, развивает идею М. Эпштейна об отсутствии у провинции собственного ядра или центра: *«Провинция находится как бы не в себе, она чужая не кому-то или чему-то, а себе самой, поскольку ее собственный центр изъят из нее и перенесен в какое-то другое пространство или время»* [12, с. 40].

М. Эпштейн предполагает, что особенное отношение к провинции в России является следствием «самоколонизации», или «внутренней колонизации», страны в ходе истории. Провинциальный менталитет с такой точки зрения оказывается вариантом менталитета колониального. И действительно, многие аспекты провинциальной патопсихологии (зависимость от авторитетов и столицы, стыд, страх и т. д.) могут быть объяснены выведенной М. Эпштейном формулой, характерной для колониального самосознания: *«провинциальность – это способ устройства определенных структур, выносящих свой центр за собственные пределы. Этот центр находится неведомо где, за всякой видимой чертой – и в то же время где-то здесь, на земле, в той же самой субстанции, из которой образована структура»* [12, с. 41]. Помещение за пределы своих границ «центра» применительно к провинциальному сознанию – это лишение себя

возможности самостоятельно формировать собственную идентичность и самооценку, наделение оценивающей функцией какую-либо внешнюю инстанцию.

Выявленные в «Национальном корпусе русского языка» мотивы: **«страх/ужас/тревога»**, **«стыд, неуверенность»/«зависимость от авторитетов»** (в том числе от столицы) – укладываются в такую интерпретацию. Природа перечисленных выше переживаний, во-первых, базируется на институциональных, социальных и бытовых установках, предполагающих подчиненную и зависимую позицию провинции и провинциалов относительно абстрактного центра (столицы); во-вторых, указанные состояния провоцируются наличием внешней (со стороны столицы) оценки, часто навязанной и не имеющей отношения к действительности. Такая оценка перенимается носителем провинциального сознания и присваивается, составляя основу комплексов.

Значения **«страх/ужас/тревога»** в связи с провинцией возникают первыми из всех вышеперечисленных. Уже в 1814 г. в повести В. Т. Нарезного «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», которая стала одним из первых произведений, разрабатывающих провинциальный текст, читаем: *«Но если осталось у вас несколько страха, свойственного провинциалам, а особливо русским, то я отдаю голову свою в заклад, что менее шести недель вы будете совершенно здоровы»* [8]. Однако если страх в повести Нарезного означает конкретную эмоцию (доходящее до раблепия «уважение» провинциалов к образованным людям (в данном случае к врачам), то в дальнейшей литературной практике, начиная с 1840-х гг., страх обнаруживает свою невротическую (тревога) или экзистенциальную (ужас) природу.

С 1840-х гг. провинция, во-первых, начинает представляться пространством, в котором царствует голод. У Н. В. Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1843–1847) слово «ужас» применительно к провинции повторяется три раза, в трех предложениях подряд: *«Это происходит от всем нам общей человеческой беспечности. Эти несчастья и ужасы, производимые голодом, далеки от нас; они совершаются внутри провинций, они не перед нашими глазами, – вот разгадка и объяснение всего! Тот же самый, кто заплатил, дабы насладиться пеньем Рубини, сто рублей за кресло в театре, продал бы свое последнее имущество, если бы довелось ему быть свидетелем на деле хотя одной из тех ужасных картин голода, перед которыми ничто всякие страхи и ужасы, выставляемые в мелодрамах»* [8]. Провинция, ее голод и нищета являются изнаночной стороной

русской жизни, которую принято не замечать, в чем, по Гоголю, состоит причина социально-экономического неравноправия. Во-вторых, провинция осмысливается как пространство, в котором царствует не только бедность, но и абсурд, хаос, пустота. Нахождение в такой среде приводит к утрате желаний, сил и талантов, что вызывает страх и отчаяние: «Наконец какой-то ужас напал на него. С отчаянием заметил он, сколько потерпел его талант, беспрерывно стесняемый беспорядочною, нищенскою жизнью, и в одно утро он бросил своего антрепренера, взял свою скрипку и пришел в Петербург, почти прося милостыню» (Ф. М. Достоевский. «Нечочка Незванова», 1849) [8].

Отметим, что значения, связанные с **«утратой способностей и собственной идентичности»**, встречаются в литературе XIX в. в том числе отдельно от мотива страха и довольно частотны (14 упоминаний в НКРЯ). Зачастую они реализуются посредством мортальных мотивов и образов. Провинция предстает как «болото», «могила», «яма». В провинции «глушь», «тишина», «все умерло», здесь происходит «оцепенение души». Провинциалы «прозябают», «тонут», «глохнут», «погрязают». Вариантом **смерти** оказывается **сон**. В трех случаях провинция выступает метафорическим сонным царством («Да! провинция пустеет: / Города объаты сном, / Земледелец наш беднеет, / Дворянин поник челом». Н. А. Некрасов. «Современники» [8]). Жители провинции «впадают в спячку», зовутся «сонными мухами» и т. д. О связи провинциального кода с мортальным уже писали такие ученые, как Е. Н. Строганова [3], Р. Казари [13], Е. Н. Эртнер [14], А. Е. Козлов [15]. Провинция в литературе XIX в., по мнению исследователей, представлена как царство мертвых, а провинциальные сюжеты отсылают к мифам о передвижениях в загробный мир. Например, поездка в провинцию нередко равнозначна схождению в ад, а исключение из столицы соответствует изгнанию в подземный мир. Восприятие провинциального топоса как пространства мертвых провоцирует уже не только психологические переживания, но и экзистенциальные – и страх смерти один из них. Например, в «Дневниках» С. Я. Надсона, в 1880-х гг., параллель между отъездом в провинцию и смертью проговаривается напрямую: «Где я, что я, как я?.. Со страхом и тревогой выезжал я из столицы в провинциальную глушь. Небольшой круг моих литературных друзей отпевал меня, как мертвеца, да и в моей душе я тоже не молебен служил» [8].

Не только провинциалы видят в провинции угрозу, но и жители столицы. Героиня повести Н. А. Дуровой «Игра судьбы, или Противозаконная любовь. Истинное происшествие, случившееся на родине автора» (1841) говорит: «Муж мой уехал в

деревню хозяйничать и предлагал мне взять меня с собою. Только я ужасно боюсь провинции и воображаю себе что-то ужасное. Какие, я думаю, там чепцы и шляпки носят – просто надо умереть со смеху, и какие щеголи, все к ручке подходят, и какие женщины, какие претензии – верно, очень смешно. Приезжайте-ка поскорее да расскажите нам, что вы видели, чтоб было над чем посмеяться, а там поедимте за границу, в Париж» [8]. Смысл произнесенных героиней слов симптоматичен с точки зрения понимания «провинциальной» психологии. Смех в данном случае – способ, во-первых, перевернуть ситуацию, возвыситься над ней; во-вторых, замаскировать собственную «провинциальность», проявленную в стремлении поехать «за границу, в Париж», в столицу столиц, в город, по отношению к которому, согласно тернарной структуре, «провинция – столица – Европа», весь остальной мир стереотипно считается большой провинцией.

Базовыми свойствами провинциальной закомплексованности, как уже говорилось выше, являются вынесение собственного центра (как внешне-географического, так и внутренне-ценностного) за пределы себя и последующая зависимость от него. Такие качества, как **«зависимость от авторитетов»** (в том числе от столицы) и **«неуверенность»** провинциалов, встречаются в художественных текстах НКРЯ 17 раз. Герои-провинциалы способны ощутить самоценность и полноценность только в столице или в присутствии «столичного» рядом с собой: «Здесь, в провинции, когда встретишься с петербургским, так легче на душе станет, право» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Святочный рассказ», 1858) [8]. Путешествие в столицу по делам службы или, например, за модными товарами делает провинциала местным героем, уважаемым человеком, а хвастовство знакомством со столичными знаменитостями означает причисление к ним себя, реабилитацию своей жизни, реализованной из-за переезда в провинцию вопреки планам юности: «Любил теперь он в час досуга / Провозгласить пред всеми вдруг: / „Меня Жуковский чтит как друга, / И даже Пушкин был мне друг...“ / Когда-то в юности далекой / (Он вспоминал о той поре) / Послания „к деве черноокой“ / Писал он в „Утренней заре“» (Д. Д. Минаев. «Нигилист», 1866) [8].

Единственным логичным способом избавиться от подобных состояний становится переезд из провинции в столицу. «Инстинктивное» желание сменить место жительства описывается в литературе как присущее провинциалам: «Зачем я в Петербурге? по какому случаю? – этого вопроса, по врожденной провинциалам неосмотрительности, я ни разу не задал себе, покидая наш постылый губернский город. Мы, провинциалы, устремляемся в

Петербург как-то инстинктивно. Сидим-сидим – и вдруг тронемся. Губернатор сидит и вдруг надувается: толкнусь, мол, нет ли чего подходящего!» (М. Е. Салтыков-Щедрин «Дневник провинциала в Петербурге», 1872) [8].

Однако переезд редко разрешает внутренние противоречия. Провинциал в столице продолжает чувствовать свою неполноценность в чужом для себя мире, и одним из проявлений такого состояния становится **стыд** за свое провинциальное происхождение. Герой Г. И. Успенского («С конки на конку», 1879) испытывает стыд даже спустя много лет столичной жизни: «В такие минуты это почти позабытое, это спрятанное в самый темный угол души, это ненужное в столичной суете, беготне, хлопотах вдруг выйдет из своего темного угла, заропщет и застыдит тебя...» [8]. Стыдятся своей провинциальности, извиняются за себя герои ранней редакции романа Н. С. Лескова «Божедомы» («Соборяне», 1868): «– Ну где же люди, – извиняет она себя. – Где люди в провинции! Я скажу ему это: я скажу: вы знаете моего мужа, но здесь приходится довольствоваться чем попало!.. Но стыдно, стыдно ужасно...» [8]. При этом стыдно не только быть провинциалом, но и иметь с ним дело. В приведенном ниже фрагменте лирический герой-провинциал пишет письмо столичному приятелю, иронизируя над ним и над собой, но наличие иронии не отменяет того, что коннотация «стыд» (с контекстно близкими ему пренебрежительностью, снобизмом) входит в семантику концепта «провинция»: «Писать в провинцию им стыдно! / Судя по этому, так видно, / Что мы для вас – пустая тварь» (Н. Ф. Остолопов. «К приятелю в столицу», 1810) [8].

Если рассмотренные выше психологические и экзистенциальные состояния вызваны присутствием внешних императивов, оценок, стереотипов, проистекающих из оппозиции «столица – провинция», то нижеследующие ощущения персонажей-провинциалов: «**тоска/скука**», «**одиночество**», «**грусть/печаль**», «**отчаяние**», «**апатия/ощущение бессмысленности**», «**сумасшествие**», «**несвобода**» – являются следствием непосредственной погруженности в провинциальную жизнь. Коннотативные значения из этого списка имеют близкую семантику. Н. Б. Назарова, в частности, изучая феномен скуки в связи с провинцией, приходит к выводу, что все эти значения «неожиданно становятся синонимами», генерализованно выражая самое что ни на есть «русское» и в то же время «провинциальное» ощущение – скуку или тоску [16, с. 315–316]. Если провинция осмысливается в русской литературе как знак России вообще (например, у Н. В. Гоголя), то скука провинции воспринимается скукой всей нации. Действительно,

скука «к концу XVIII – началу XIX века... приобретает статус культурного концепта, становится одним из главных мировоззренческих понятий» [17, с. 12], отражая этнические и культурные особенности России, черты национального характера – иными словами, становится тем, что именуют «загадочным свойством русской души».

Н. Б. Назарова отмечает, что скука в русской классической литературе «предстает именно как главная идея провинциального бытия» [16, с. 315]. Этот факт иллюстрирует статистика НКРЯ: среди прочих психологических и экзистенциальных состояний по количеству упоминаний «скука» – абсолютный лидер, встречается 33 раза. Причины провинциальной скуки, по мысли Н. Б. Назаровой, состоят, во-первых, в бессобытийности провинциальной жизни ввиду отдаленности от столицы, во-вторых, в «протяженности» провинциального времени. М. Н. Эпштейн усматривает причины в масштабах пространства: «Сама бескрайность этого мира рождает тянущую пустоту в сердце и вместе с ней – страшную силу размаха. И когда сочетаются они воедино: удаль и тоска, пустота, ищущая расширения, и пустота, не находящая заполнения, – то и получают те богатырские дела, от которых тоска не только не унимается, но шире расходится в сердце» [18, с. 38].

Мотивы скуки, сопровождающие слово «провинция» в «Национальном корпусе русского языка», не позволяют сделать обобщающие выводы ввиду короткого объема изученных фрагментов. Однако закономерности прослеживаются. Скука в провинции воспринимается как глубинное свойство характера, как традиционно-привычный образ жизни, не зависящий от внешних обстоятельств: «Несмотря на учреждение женских гимназий и воскресных школ, несмотря на процветание трезвости, несмотря на успехи, которые в последнее время сделала мысль о самоуправлении, провинциальный наш люд скукает и бьет в баклуши» (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Сатиры в прозе», 1859–1862) [8]. В то же время скука спровоцирована особенностями провинциальной антропологии, а именно ритуальностью, искусственностью поведения провинциалов: «Мещанские вкусы madame Зиненко, стремившейся все подвести под линию пошлого и благополучно-скупного провинциального приличия, оскорблялись поведением Андрея Ильича» (А. И. Куприн. «Молох», 1896) [8].

Вызывает провинциальную скуку также однообразие жизни («Для того чтобы мне понравиться, он изобрел прескучную вещь: мы по целым суткам удим рыбу, и исправник надевает своими руками живых червяков на крючки») и одиночество, связанное с трудностью найти в провинции равного по уму и интересам приятеля («Ее одолевает

скука жизни, ей не сойтись с подругами, ей хотелось бы... хоть брата хорошего... Кстати, сколько ей лет?» (Н. Г. Помяловский. «Мещанское счастье», 1860) [8]. В фрагменте повести В. А. Соллогуба «Аптекарьша» (1841) мотивы грусти, скуки, «серости» жизни объединяются с темой смерти. Мрачный, смертоносный провинциальный пейзаж метафорически переносится как на внутреннее состояние героини, так и на жизнь в провинции: «Как долго сиживала она у своего окошка и в тихом раздумье смотрела на серые тучи, которые неслись грустной вереницей по небу, не предвещая бури, не обещающая солнца, а холодные, печальные, свинцовые, как жизнь, которая ее убивала» [8].

Комплекс мотивов, которые знаменуют депрессивные настроения и сходятся в семантическом варианте «тоска», сопряжен с уже рассмотренными выше мотивами утраты себя, желаний и способностей, а также с мотивами **сумасшествия**: «В провинции сойти с ума / Немудрено от страшной скуки; / Я здесь четвертый год живу, / Все как во сне, не наяву, / И не беру гитары в руки» (В. Л. Пушкин. «Капитан Храбров», 1828–1829) [8].

Еще одной эмоцией, спровоцированной нахождением в провинции, оказывается ощущение скованности, **несвободы**. В «Нигилисте» (1866) Д. Д. Минаева герой, очутившийся в провинции и отказавшийся там от своих духовных устремлений, сравнивается с прирученным, посаженным в клетку зверем, т. е. существом, которое утратило свою первоначальную суть (причем насильственно), которое не имеет свободы изменить ситуацию и смиряется: «Он точно зверь, попавший в клетку,

/ С когтями сломанными зверь. / Теперь он более не рвется, / Как прежде, в дальние края...» [8].

Заключение

Итак, концепт «провинция», формируясь преимущественно средствами художественной литературы XIX в., аккумулирует целый ряд смыслов, связанных с психологическими или эмоциональными состояниями. Среди 108 упоминаний слова «провинция» и его производных в контекстах, предполагающих психоэмоциональную характеристику, было выявлено 13 значений. Выяснилось, что в литературе XIX в. вокруг концепта «провинция» формируются преимущественно негативные коннотации. Немногие положительные значения (покой, свобода) отсылают к сентименталистской эстетике.

Негативные коннотации вызваны: а) отсутствием собственной идентичности и оценением себя как не столицу/не столичных (неуверенность, зависимость от авторитетов и «столичного», страх/ужас/тревога, стыд); б) непосредственной погруженностью в провинциальную жизнь (тоска/скука, грусть/печаль, отчаяние, одиночество, апатия, несвобода, сумасшествие, утрата себя и своих способностей, мотивы сна и смерти). Выявленный комплекс значений позволяет реконструировать важную часть смыслов, сконцентрированных в концепте «провинция», проследить историю его формирования в русской художественной словесности XIX в. и дать целостное представление о той его семантике, которая связана с обозначением психологических и экзистенциальных состояний.

Список источников

1. Зайонц Л. О. «Провинция»: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. Т. 32, № 5. С. 70–88.
2. Зайонц Л. О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // Russian Literature. Provintsija. Special issue. Amsterdam, 2003. P. 307–330.
3. Строганова Е. Н. «Миниятюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х годов // Русская провинция. Миф. Текст. Реальность. М., СПб.: Тема, 2000. С. 196–205.
4. Козлов А. Е. Провинциальные сюжеты русской литературы XIX века / науч. ред. Т. И. Печерская; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. 196 с.
5. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 42–66.
6. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Текст пространства. Фрагменты словаря «Русская провинция». Часть вторая // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 33–74.
7. Текст пространства: материалы к словарю / авт.-сост. Е. Г. Милюгина, М. В. Строганов. Тверь: СФК-офис, 2014. 368 с.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.07.2021).
9. Дмитриев А. П. Апология провинции у славянофилов (черновой набросок статьи К. С. Аксакова «Провинция и столица» и воспоминания Н. П. Гилярова-Платонова «Из пережитого») // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2016): сб. науч. тр. XVIII Всерос. науч. конф. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та пром. технологий и дизайна. 2017. Ч. 2. С. 50–55.
10. Парц Л. В поисках истинной России. Провинция в современном националистическом дискурсе / пер. с англ. О. Полей. СПб., 2022. 247 с.
11. Lounsbury A. Life is Elsewhere. Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917. Ithaca, London: Northern Illinois University Press an imprint of Cornell University Press, 2019. 344 p.

12. Эпштейн М. Н. Провинция // В России. Все эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Т. 1. С. 40–49.
13. Казари Р. Русский провинциальный город в литературе XIX века. Парадигма и варианты // Русская провинция: миф, текст, реальность. М.; СПб., 2000. С. 164–170.
14. Эртнер Е. Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2005. 42 с.
15. Козлов А. Е. Соотношение морального и провинциального кодов в русской литературе XIX века // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 121–125.
16. Назарова Н. Б. Скука и провинция в русском самосознании (на материале русской классической литературы) // Вестник Мордовского университета. 2008. № 3. С. 315–317.
17. Сороченко Е. Н. Концепт «скука» и его лингвистическое представление в текстах романов И. А. Гончарова: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 234 с.
18. Эпштейн М. Н. Русская хандра // В России. Все эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Т. 1. С. 31–39.

References

1. Zayonts L. O. “Provintsiya”: opyt istoriografii [“Province”: the experience of historiography]. *Otechestvennyye zapiski*, 2006, vol. 32, no. 5, pp. 70–8 (in Russian).
2. Zayonts L. O. Istoriya slova i ponyatiya “provintsiya” v russkoy kul’ture [The history of the word and the concept of “province” in Russian culture]. *Russian Literature. Provintsiya. Special issue*. Amsterdam, 2003. Pp. 307–330 (in Russian).
3. Stroganova E. N. “Miniyaturnyy mir” provintsiy v russkoy proze 1830-kh – pervoy poloviny 1840-kh godov [“Miniyaturnyy mir” of the Province in Russian Prose of the 1830s – the First Half of the 1840s]. *Russkaya provintsiya. Mif. Tekst. Real’nost’* [Russian province. Myth. Text. Reality]. Moscow, Saint Petersburg, Tema Publ., 2000. Pp. 196–205 (in Russian).
4. Kozlov A. E. *Provintzial’nyye syuzhety russkoy literatury XIX veka*. Nauchnyy redaktor T. I. Pecherskaya; Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet [Provintzial plots of Russian literature of the XX century. Scientific ed. T. I. Pecherskaya. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Novosibirsk State Pedagogical University]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2014. 196 p. (in Russian).
5. Milyugina E. G., Stroganov M. V. Tekst prostranstva. Fragmenty slovarya “Russkaya provintsiya” [Space text. Fragments of the dictionary “Russian province”]. *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2012, no. 2, pp. 42–66 (in Russian).
6. Milyugina E. G., Stroganov M. V. Tekst prostranstva. Fragmenty slovarya “Russkaya provintsiya”. Chast’ vtoraya [Space text. Fragments of the dictionary “Russian province”. Part two]. *Labirint. Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniy*, 2012, no. 3, pp. 33–74 (in Russian).
7. *Tekst prostranstva: materialy k slovaryu* [Space text: materials for the dictionary]. Comp. E. G. Milyugina, M. V. Stroganov. Tver, SFK-ofis Publ., 2014. 368 p. (in Russian).
8. Natsional’nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] (in Russian). URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed 15 February 2023).
9. Dmitriyev A. P. Apologiya provintsiy u slavyanofilov (chernovoy nabrosok stat’i K. S. Aksakova “Provintsiya i stolitsa” i vospominaniya N. P. Gilyarova-Platonova “Iz perezhitogo”) [Apology of the province among the Slavophiles (draft type of article by K. S. Aksakov “Province and Capital” and memoirs by N. P. Gilyarov-Platonov “From the Experience”)]. *Pechat’ i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskiy cheniya – 2016). Sbornik nauchnykh trudov XVIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. Chast’ 2* [The press and the word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2016): a collection of scientific papers of the XVIII All-Russian Scientific Conference. Part 2]. Saint Petersburg, SPbSUITD Publ., Pp. 50–55 (in Russian).
10. Parr L. *V poiskakh istinnoy Rossii. Provintsiya v sovremennom natsionalisticheskom diskurse*. Perevod s angliyskogo O. Poley [In search of true Russia. Province in contemporary nationalist discourse. Translation from English O. Poley]. Saint Petersburg, 2022. 247 p. (in Russian).
11. Lounsbury A. *Life is Elsewhere. Symbolic Geography in the Russian Provinces, 1800–1917*. Ithaca, London, Northern Illinois University Press an imprint of Cornell University Press, 2019. 344 p.
12. Ehpshhteyn M. N. Provintsiya [Provinces]. *V Rossii. Vse esse* [In Russia. All essays]. Vol. 1. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005. Pp. 40–49 (in Russian).
13. Kazari R. Russkiy provintzial’nyy gorod v literature XIX veka. Paradigma i varianty [Russian provintzial town in the literature of the twentieth century. Paradigm and options]. *Russkaya provintsiya: mif, tekst, real’nost’* [Russian province: myth, text, reality]. Moscow; Saint Petersburg, 2000. Pp. 164–170 (in Russian).
14. Ehtner E. N. *Fenomenologiya provintsiy v russkoy proze kontsa XIX – nachala XX veka. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [The Phenomenology of the Province in Russian Prose of the Late 19th – Early 20th Centuries. Abstract of thesis doc. philol. sci.]. Tyumen, 2005. 42 p. (in Russian).
15. Kozlov A. E. Sootnosheniye mortal’nogo i provintzial’nogo kodov v russkoy literature XIX veka [Correlation between mortal and provintzial codes in Russian literature of the 20th century]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2012, no. 2, pp. 121–125 (in Russian).

16. Nazarova N. B. Skuka i provintsiya v russkom samosoznanii (na materiale russkoy klassicheskoy literatury) [Boredom and province in Russian self-consciousness (based on Russian classical literature)]. *Vestnik Mordovskogo universiteta – Mordoviya University Bulletin*, 2008, no. 3, pp. 315–317 (in Russian).
17. Sorochenko E. N. *Kontsept “skuka” i yego lingvisticheskoye predstavleniye v tekstakh romanov I. A. Goncharova. Dis. kand. filol. nauk* [Concept “Boredom” and its linguistic representation in the texts of novels by I. A. Goncharov. Dis. cand. philol. sci.]. Stavropol, 2003. 234 p. (in Russian).
18. Ehpshteyn M. N. Russkaya khandra [Russian blues]. *V Rossii. Vse esse* [In Russia. All essays]. Vol. 1. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2005. Pp. 31–39 (in Russian).

Информация об авторе

Семеновская А. Е., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Semenovskaya A. E., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 22.02.2023; accepted for publication 25.05.2023

Интеллект-шоу как гибридный жанр дискурса массмедиа

Мария Андреевна Роднова

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, marie_amur@mail.ru

Аннотация

Медиадискурс занимает особое место в современной коммуникации, являясь гибридным по своей природе. Это свойство обусловлено функционированием в рамках данного дискурса субдискурсов, соответствующих всем сферам человеческой деятельности. В настоящее время вследствие тенденций медиасферы к развлекательности происходит активизация процесса гибридизации дискурса массмедиа. В связи с этим особую актуальность получает многоаспектное изучение медиажанров, в частности проблема жанровой гибридизации дискурса массмедиа. Наблюдается процесс изменения жанров медиадискурса в результате соединения в них характерных признаков различных жанров и типов дискурса.

Цель исследования состоит в выявлении и описании типов гибридности, характеризующих жанр интеллект-шоу. Материалом послужили выпуски российских телевизионных интеллектуальных игр «Умницы и умники» и «Что? Где? Когда?» (Первый канал). Исследование проводилось на основе метода дискурс-анализа и метода лингвопрагматического анализа, предполагающих рассмотрение речевого поведения партнеров коммуникации, включая особенности ситуативно-ролевого варьирования речи. С целью сбора материала использовался метод транскрибирования звучащей речи.

Сделанные наблюдения позволяют заключить, что жанр интеллект-шоу характеризуется наличием четырех основных типов гибридности: жанровой, дискурсивной, поликодовой и политекстовой. Жанровая гибридность обусловлена гипержанровой природой интеллект-шоу, предполагающей включение в его состав ряда субжанров. Дискурсивная гибридность является результатом соединения признаков спортивного, судебного, дидактического и развлекательного дискурса. Политекстовая гибридность определяется использованием приемов стилизации, а также включением прецедентных текстов. Поликодовая гибридность характеризуется взаимодействием различных знаковых систем.

В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что гибридность жанра интеллект-шоу обуславливает появление в нем новых свойств, таких как симметричность коммуникации и интимизация; тенденция к использованию полилога; тенденция к ролевому варьированию речи ведущего; тенденция к стилизации.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в подходе к описанию жанра интеллект-шоу, основанном на выявлении особенностей его реализации в контексте коммуникативного события интеллектуальной игры. Научную новизну данной работы определяет расширение понятийного аппарата в рамках теории речевых жанров: предлагается к использованию термин «дискурсивная гибридность».

Ключевые слова: *дискурс-анализ, медиадискурс, речевой жанр, гибридный жанр, интеллект-шоу*

Для цитирования: Роднова М. А. Интеллект-шоу как гибридный жанр дискурса массмедиа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 110–118. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-110-118>

Quiz show as a hybrid genre of media discourse

Mariya A. Rodnova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, marie_amur@mail.ru

Abstract

Nowadays the line between the mediagenres has become increasingly blurred. For this reason genre hybridity is an important and relevant feature of media texts.

This paper focuses on description of the features of the genre structure of TV quiz show, which determine genre hybridization. The major objective of this study is to investigate types of hybridity. The research material is outlets of the Russian quiz shows “Clever girls and clever boys” and “What? Where? When?” on Channel One.

We consider TV quiz show speech genre as communicative event intellectual game realization. Hence, we draw on Borisova I. N. communicative event conception and linguo-pragma-grammatic method. According to linguo-pragma-grammatic meth-

od, within the scope of our discussion are the communicative situations of the game, corresponding to its stages, and the role relations of communication partners, including situational-role variation of speech.

The results indicate that quiz show is a very clear example of hybrid media genre. Quiz show has such types of hybridization as genre, discursive, polycode and polytext hybridity. Genre hybridity is due to hypergenre nature of quiz show which implies the inclusion of a number of subgenres in its structure. Discursive hybridity is a result of the combination of sports, judicial, didactic and entertainment discourse. Polytext hybridity is the combination of precedent texts and the use of stylization. Polycode hybridity is characterized with the interaction of various sign systems.

In summary, hybridization of quiz show determines manifestations of new genre features, such as a trend towards symmetry of communication and intimization; tendencies to role variation of the television anchorman's speech; trends towards polylogue use; stylization trends.

The scientific novelty of the research is putting to use the new notion "discursive hybridity".

Keywords: *discourse analysis, media discourse, speech genre, hybrid genre, quiz show*

For citation: Rodnova M. A. Intellect-shou kak gibridnyy zhanr diskursa massmedia [Quiz show as a hybrid genre of media discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 110–118 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-110-118>

Введение

В настоящее время растет исследовательский интерес к многоаспектному изучению феномена речевого жанра: выявляются параметры выделения речевых жанров; изучаются жанры, функционирующие в разных типах дискурса; исследуется проблема гибридности в жанровых формах, соединяющих признаки разных типов текстов.

Особую проблему представляют гибридные жанры, функционирующие в рамках дискурса массмедиа, который по природе своей является гибридным. Описание проявлений гибридности в медиажанрах позволяет выявить жанрообразующие и структурообразующие особенности, свойственные данным текстам, а также способствует расширению представлений о типах гибридности, характеризующих дискурс массмедиа.

Существуют разные подходы к пониманию гибридности. В рамках узкого подхода гибридность рассматривается в качестве языкового феномена, коррелирующего с понятием «креолизованность» как семиотическим феноменом [1, с. 6]. Мы придерживаемся широкого подхода, опираясь на исследования Л. Ю. Щипициной, понимая гибридность как «любые виды смешения разных кодов» [2, с. 31], соединение признаков, характерных для разных типов текста (речевых жанров, типов дискурса) и знаковых систем.

Поскольку межжанровые образования могут быть созданы на основе соединения взаимосвязанных между собой коммуникативных ситуаций, возникают «определенные типовые комбинации... либо жанров, либо типов дискурса», например, «медийный дискурс смыкается с рекламным, развлекательным и политическим» [3, с. 96]. Однако институциональные дискурсы, «представляя собой сложные многофункциональные образования, включающие другие типы дискурса» [4, с. 10],

характеризуются более разнообразным дискурсивным наполнением. Изучение гибридных типов дискурса является «перспективным направлением», поскольку в них «отражается взаимодействие различных общественных институтов, в действительности не изолированных друг от друга, и влияние этого взаимодействия на речевые практики» [5, с. 35].

Гибридность медиадискурса и медиажанров отмечалась многими исследователями. М. О. Войтак указывает, что медиадискурс «открыт к другим дискурсам» [6, с. 57]. В качестве примера жанрового смешения в рамках медиадискурса А. А. Колосова приводит трансформацию речевых жанров «лекции», «дебатов», «перекрестного вопроса» в новые медиажанры, такие как «дискуссия в студии» или «политическое интервью» [7, с. 113]. Как пишет В. А. Марьянчик, в рамках медиадискурса функционируют «различные субдискурсы» [8, с. 6], поэтому понятие «медиадискурс» некоторые лингвисты считают условным. В частности, С. С. Борисова определяет медиадискурс как «совокупность всех субдискурсов в медиа», «которые транслируются сквозь призму медиа» [9, с. 19].

Сложная природа жанровых взаимодействий в медиасфере объясняется полифункциональностью современных медиажанров, «полиинтенциональностью» [10, с. 274] медиасферы и «гетерогенностью аудитории» [11, с. 19]. Наше исследование посвящено одному из таких жанров – интеллект-шоу.

Цель статьи – описание проявлений гибридности в жанре интеллект-шоу.

Материал и методы

Материалом для анализа послужили расшифрованные тексты российских телевизионных интеллект-шоу «Умницы и умники» [12] и «Что? Где? Когда?» [13] (Первый канал).

Поскольку проявления гибридности жанра интеллект-шоу связаны с особенностями коммуникативного события интеллектуальной игры, необходим анализ структуры последнего. Под коммуникативным событием вслед за И. Н. Боровой понимаем «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [14, с. 13]. В качестве компонентов коммуникативного события интеллектуальной игры, определяющих гибридность жанра интеллект-шоу, выделяем типы ролевых отношений коммуникантов, а также этапы игры, которые соответствуют коммуникативным ситуациям.

Основные методы исследования – метод дискурс-анализа и метод лингвопрагматического анализа. В центре нашего внимания – анализ речевого поведения партнеров коммуникации, в том числе особенности ситуативно-ролевого варьирования речи. В ходе исследования мы выделили параметры коммуникативной ситуации, общие для анализируемых интеллект-шоу, и параметры, специфичные для каждого из них.

Интеллект-шоу «Умницы и умники» и «Что? Где? Когда?» строятся на особом типе ролевых отношений, а именно асимметричном типе. Этот тип коммуникативного взаимодействия представлен коммуникацией ведущего с игроками, а также взаимодействием ведущего с телезрителями. Кроме ролевого фактора как основного на асимметричность влияют и дополнительные факторы: возраст, социальный статус, наличие обратной связи. В случае общения с игроками имеется в виду коммуникативное доминирование ведущего: именно ведущий определяет, кому отдается коммуникативная инициатива. В ситуации взаимодействия с телезрителями подразумевается отсутствие обратной связи, так как это дистантная коммуникация (телезрители не могут дать вербальный ответ).

Признаком, отличающим данные интеллект-шоу, является роль судьи интеллектуальной игры. В интеллект-шоу «Умницы и умники» роли ведущего и судьи четко разделены между разными людьми, тогда как особенностью интеллект-шоу «Что? Где? Когда?» является совмещение роли ведущего и судьи.

Другим параметром, специфичным для интеллект-шоу «Что? Где? Когда?», является ситуативное варьирование речи защитников интересов знатоков и телезрителей. В зависимости от коммуникативной ситуации они меняют ролевую функцию: в ситуации неправильного ответа команды – это функция адвоката, а в ситуации объявления победителя – функция судьи.

Результаты и обсуждение

Анализ материала позволил выделить в интеллект-шоу следующие типы гибридности: 1) жанровую; 2) дискурсивную; 3) политекстовую; 4) поликодовую.

Ключевым для определения **жанровой гибридности** является понятие речевого жанра, который вслед за К. Ф. Седовым определяем как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [15, с. 6]. Опираясь на концепцию К. Ф. Седова, мы связываем феномен жанровой гибридности с иерархической организацией жанра, предполагающей трехчастную структуру: гипержанр – собственно речевой жанр – субжанр, где гипержанр представляет собой «речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров» [15, с. 19], тогда как субжанр – «жанровые формы, представляющие собой одноактные высказывания, которые способны входить в речевые жанры на правах тактик» [15, с. 62] в рамках микроситуации. Текстовой реализацией коммуникативной ситуации интеллектуальной игры является гипержанр интеллект-шоу. Собственно речевые жанры соотносятся с основными этапами игры, в числе которых мы выделяем «установление контакта», «интеллектуальное состязание», «подведение итогов». При этом в рамках каждого из речевых жанров функционирует значительное число субжанров, специфика реализации которых также предопределяет жанровую гибридность интеллект-шоу. По нашим наблюдениям, можно говорить о трех ключевых особенностях реализации выделенных субжанров: 1) пересечение субжанров; 2) включение субжанров, в целом не свойственных данной коммуникативной ситуации; 3) функционирование субжанров в рамках параллельного коммуникативного взаимодействия.

Пересечение субжанров можно наблюдать на примере функционирования таких жанровых форм, как рефлексия и анонс:

Ведущий. *В весенней серии не было музыкальных пауз// На вашем веку это было впервые/ за ваши девяносто с лишним игр в клубе играть без пауз или бывало?*

Игрок. *Когда-то были паузы в записи/ а в прямом эфире/ по-моему/ не было//*

Ведущий. *Сегодня пауза у вас будет// Может быть/ после нее вы сможете переломить игру// В музыкальной паузе вас ждет Николай Фоменко//*

Под рефлексией понимается вкрапление размышлений в сообщения о процессе игры.

Субжанр «рефлексия» выполняет, таким образом, переходную функцию.

Благодаря вкраплениям в диалоги субжанра «рефлексия» в речевой жанр интеллект-шоу про-

никает больше интимизации за счет снижения стандартизованности и использования речевых клише.

Другим проявлением жанровой гибридности является включение в диалог субжанров, несвойственных данной коммуникативной ситуации. К таким субжанрам относятся «шутка» и «диалог с интимизацией», поскольку они противоречат правилам игры и ситуативно-ролевому параметру жанра.

Для того чтобы подчеркнуть глубокие знания и эрудицию отвечающего, ведущий использует прием контрастного противоречия и удивления, на основе чего и создается субжанр «шутка». Это отражено в разговорных выражениях с эмоцией удивления *да ну ладно, ну что вы*; в шуточной мотивации вручить участнице игры орден (*она щас лекцию будет читать*), что выражает уверенность ведущего в ее широком кругозоре:

Игрок. *Эти слова принадлежат Николаю Васильевичу Гоголю//*

Ведущий. *Да ну ладно/ ну что вы//*

Игрок. *Достоевский в своей речи...//*

Ведущий. *Да ну ладно/ ну что вы// Дайте орден а то она щас будет лекцию читать// (смеется).*

Вкрапление субжанра «шутка» на основе контрастного противоречия может быть построено на игре ведущего в строгого учителя, каким он на самом деле не является:

Ведущий. *Ну/ по-моему/ не придержишься/ хотелось бы придраться/ конечно/ но не получается//*

Подобную функцию выполняет и субжанр «диалог с интимизацией». Доминирующим коммуникантом становится игрок:

Ведущий. *Господин Новоселов/ из вашего интервью я узнал/ что у вас есть свой рецепт подготовки к игре/ выпасться немного/ потренироваться/ не злоупотреблять кофе и другими стимуляторами и вовремя употребить длинные углеводы// Вот об этом/ если можно/ поподробнее// Когда надо употреблять/ чтобы мысль пошла?*

Игрок. *На самом деле это те же самые шаги/ которые предпринимают при подготовке к марафону и другим спортивным соревнованиям// Тут нет ничего нового//*

Ведущий. *А какой длины углеводы должны быть?*

Субжанр «диалог с интимизацией» характеризует специальный вопрос (*Какой длины углеводы должны быть?*); указание на интересующий аспект (*Вот об этом, если можно, поподробнее*); вступление к вопросу со ссылкой на источник информации.

Субжанры «шутка» и «диалог с интимизацией» способствуют изменению типа ролевых отношений ведущего и участников игры. В ситуации реа-

лизации субжанра «диалог с интимизацией» доминирующим коммуникантом становится игрок.

Наконец, жанровая гибридность реализуется в ситуациях параллельного коммуникативного взаимодействия.

Параллельное коммуникативное взаимодействие характеризует коммуникативные ситуации, когда ведущий во время разговора с участниками интеллектуальной игры одновременно обращается к телезрителям. Это создает эффект живого общения и воссоздает полилог в телестудии. Гибридность, основанная на параллельном коммуникативном взаимодействии, проявляется в наличии субжанров «шутка», «благодарность», «разъяснение», «разочарование» и «оправдание».

Субжанры реализованы в разных типах параллельного коммуникативного взаимодействия. Так, имитация интеллектуальной игры в коммуникации ведущего с судьей основана на субжанре «шутка»:

Судья. *Всем артистам задают этот вопрос/ что это за профессия/ и никто по-человечески/ и в том числе и я/ не мог ответить// Год назад я нашел ответ в одном поэтическом послании/ будем так называть его//*

Как спасти страну от дьявола?

Просто я останусь с нею.

*Врачевать своею аурой,
что единственно имею.*

*Не ура-патриотизмом,
не ударом побольнее –
тайной аурой артиста,
что единственно умею.*

Андрей Вознесенский// Все// Ничего не надо объяснять//

Ведущий. *При Брежневе написал? Потому что у нас передача посвящена эпохе Брежнева// Не дай Бог/ он позже написал//*

Обращенный к телезрителям комментарий ведущего относительно судьбы характеризует субжанр «благодарность»:

Ведущий. *Громадное ему спасибо за то/ что он к нам приехал специально из Старой Руссы//*

В ситуации посредничества ведущего между телезрителями и игроками могут быть реализованы следующие субжанры:

– «разъяснение»

Ведущий. *Андрей/ в финале весенних игр вам стало нехорошо/ во время прямого эфира телезрители меня просили узнать/ что же было и все ли с вами в порядке//*

– «разочарование»

Ведущий. *Недвижим теплый воздух, ночь ли-
моном*

И лавром пахнет, яркая луна

Блестит на синеве густой и темной...

Какой «Евгений Онегин»/ друзья?

– «оправдание»

Ведущий. *Дорогие жители рабочего поселка Теплое/ я прошу обратить внимание/ вот щас я крайне не рекомендовал бы брать этот вопрос/ вот щас пошел даже почти на обман/ а она настаивает//*

– «совет»

Ведущий. *Но что за необыкновенная книга? Мы бы порекомендовали обязательно ее читать нашим телезрителям//*

Рассмотренные признаки реализации жанровой гибридности позволяют характеризовать интеллект-шоу как особый гипержанр, включающий в себя ряд субжанров, служащих усилению эффекта интимизации, имитации живого общения и воссозданию полилога.

Несмотря на то что многие исследователи дискурса массмедиа [6–10, 16, 17] анализируют соединение в медиажанрах характеристик различных типов дискурса, по нашим наблюдениям, в исследовательской литературе отсутствует термин для обозначения данного типа гибридности. Мы предлагаем использовать термин «**дискурсивная гибридность**», обозначая им соединение в тексте, принадлежащем к определенному типу дискурса, признаков других типов дискурса, проявляющихся системно.

Проявлением дискурсивной гибридности является соединение в интеллект-шоу следующих типов дискурса: 1) спортивного; 2) дидактического; 3) судебного; 4) развлекательного.

Отсылки к спортивному дискурсу обусловлены особенностями интеллектуальной игры, сближающими ее со спортивными соревнованиями: это наличие противоборства, приза и системы баллов. Спортивный дискурс отражен в номинациях интеллектуальных игр и игроков:

Ведущий. *Сегодня мы проводим вторую встречу первого полуфинала//*

Ведущий. *Капитан команды магистр игры «Что? Где? Когда?»/ обладатель Хрустальной совы/ обладатель звания «Лучший капитан клуба» Виктор Сиднев/ магистр игры «Что? Где? Когда?»/ обладатель Бриллиантовой совы/ **шестикратный** обладатель Хрустальной совы Александр Друзь//*

Также спортивный дискурс проявляется благодаря использованию глаголов семантических групп, связанных со сферой спорта:

Ведущий. *5:2/ Инна Семенова с подачи Александра Друзя забивает второй мяч//*

Ведущий. *Команда Ивана Жаркевича одерживает вторую подряд крупную победу над телезрителями и выходит в финал года//*

Глаголы *просыпайтесь* и *соберитесь* характеризуют речевое поведение болельщиков за определенную команду:

Ведущий. *Господин Сиднев **просыпайтесь**//*

Певец из музыкальной паузы. ***Давайте! Соберитесь!***

Жанровой особенностью интеллект-шоу является особая форма вкрапления спортивного дискурса: происходит не просто включение признаков спортивного соревнования, но наблюдается целостная картина спортивного матча. Благодаря ведущему, который выступает в роли спортивного комментатора, мы можем представить участников соревнования, узнать место и время матча, счет, а также прогноз развития игры.

Использование элементов дидактического дискурса в интеллект-шоу обусловлено асимметричностью коммуникативного взаимодействия: игроки должны отвечать на вопросы ведущего, ведущий оценивает ответы.

Признаки дидактического дискурса появляются в особых коммуникативных ситуациях, которые соответствуют учебным – это ситуации правильного или неправильного ответа, в которых ведущий и судья выступают в роли учителя.

Данные признаки находят отражение в действиях ведущего и судьи, которые сближают их речевое поведение с поведением учителя:

– судья оценивает ответ:

Судья. ***Зачет можно поставить// Зачтено!***

– ведущий делает замечания:

Ведущий. ***У нас надо сразу правильный давать/ чтоб очко заработать// А так можно делить все что угодно//***

Ведущий. ***Не очень приятно/ что мне приходится вам напоминать вопрос//***

Ведущий. ***Мне кажется что вы маловато картин перечислили/ такие уважаемые знатоки/ наверно больше знают//***

Ведущий. ***Не ожидал/ что вы не ответите на этот вопрос//***

– ведущий дает советы:

Ведущий. ***Длинный текст/ кто-то пусть конспектирует//***

Ведущий. ***Золотко/ это неправильный ответ/ потому что Твардовский так не писал// Там намного более очевидно все и просто/ так что не уступайте //***

Наличие признаков судебного дискурса обусловлено ролевыми отношениями: роль судьи, роль защитника интересов сторон. В интеллект-шоу реализованы специфичные для судебного дискурса субжанры «замечание», «вердикт», «заступничество» и «оправдание».

В силу коммуникативного доминирования в непредвиденных обстоятельствах ведущий выполня-

ет функцию судьи. Например, в ситуации нарушения зрителем в телестудии правила игры ведущий имеет право сделать ему замечание. Ведущий напоминает правило и с помощью юридической формулировки (*Вы нарушаете правило*) и предупреждает зрителя (*могу засчитать как подсказку*):

Ведущий. *Господин Баринов/ я хочу обратить ваше внимание/ что вы всю минуту провели сидя на корточках/ сидят у нас только игроки за столом// Вы нарушаете правило/ Никита/ я могу это засчитать как подсказку//*

Ведущий интеллект-шоу «Умницы и умники» имеет право выносить вердикт игрокам, которые проиграли на игровых дорожках. Это клишированная речевая формула «*Вы теоретик*»:

Ведущий. *Вы теоретик//*

При реализации субжанра «заступничество» ведущий «Умницы и умники», обращаясь к игроку, давшему неполный ответ на вопрос, обещает ходатайствовать за него перед судьей. В речи ведущего это выражено с помощью используемой в судебной сфере конструкции «*просить для + N2*»:

Ведущий. *Буду просить для вас за Пушкина/ тем более за «Каменного гостя»//*

Ведущий «Что? Где? Когда?» также может выполнять роль адвоката игроков в ситуации, когда был дан неправильный ответ:

Ведущий. *Господин Брейтенбихер/ что происходит со знатоками?*

Защитник интересов команды телезрителей. *Мне сложно сказать/ что происходит со знатоками/ но/ на мой взгляд/ вопросы действительно несложные//*

Ведущий. *Несложные/ на ваш взгляд? И суперблиц несложный? Мне кажется/ что все-таки есть такой эффект// Все-таки/ понимаете/ когда на них отвечают/ они кажутся простыми/ а когда на них не отвечают/ спрашивают/ как на такое можно ответить//*

Субжанр «оправдание» характеризует речевое поведение ведущего «Умницы и умники». Он свойственен коммуникативным ситуациям, когда вопреки предупреждению ведущего игрок совершает нежелательное действие, например решает идти ва-банк или выбирает сложный вопрос. Ведущий задает игроку вопросы, оправдывающие его в случае неправильного ответа игрока и подтверждающие, что он не влиял на решение участника. В речи ведущего представлена лексика из юридической сферы (*насилие, последнее слово*):

Игрок. *Если уж рисковать/ то рисковать до конца// Я пойду ва-банк//*

Ведущий. *Точно? Никакого насилия? Это ваше последнее слово?*

Вариацией субжанра «оправдание» является обращение ведущего к конкретной зрительской ауди-

тории (например, жителям населенного пункта, где живет игрок) с целью свидетельства в том, что ведущий убеждал игрока поступить иначе. Аргументируя свою правоту, ведущий противопоставляет свои действия поступкам игрока (*пошел на обман/ а она настаивает*):

Ведущий. *Дорогие жители рабочего поселка Теплое/ я прошу обратить внимание/ вот щас я крайне не рекомендовал бы брать этот вопрос/ вот щас пошел даже почти на обман/ а она настаивает//*

Наличие признаков развлекательного дискурса обусловлено задачей ведущего постоянно удерживать внимание массового адресата, выступая в роли конференсье. Реализуется субжанр «интрига», основанный на противопоставлении известной и еще неизвестной телезрителям информации об игре:

Ведущий. *Я надеюсь/ все это вы знаете и не раз слышали/ но вы не знаете/ кто у нас сегодня в аэропаге//*

Представляя судью, ведущий усиливает впечатление телезрителей восклицанием, предваряющим интересный факт из жизни судьи:

Ведущий. *Вы представляете/ он живет в доме/ где жил Достоевский//*

Ведущий акцентирует внимание на состязательности и на особо острых моментах игры. Например, в ситуации, когда следующий ответ на вопрос может определить победителя, ведущий использует оценочную лексику:

Ведущий. *Решающий третий вопрос//*

В ситуации, когда волчок указывает на очень сложный вопрос, ведущий употребляет глагол *испытать*:

Ведущий. *Суперблиц// Как вас волчок испытывает//*

Дискурсивная гибридность определяет и **гибридность политекстовую**, которая обусловлена в том числе просветительской функцией интеллекту-шоу.

Политекстовая гибридность представляет собой вкрапление приемов стилизации и прецедентных текстов. Последние включены во все типы коммуникативного взаимодействия ведущего интеллекту-шоу «Умницы и умники».

Например, в коммуникации с игроками прецедентные тексты появляются в субжанре «прощение». Обращаясь к участнице игры, допустившей несколько неправильных ответов, ведущий прощает ее ошибки в игре, цитируя Достоевского, творчеству которого посвящен выпуск:

Ведущий. *Достоевский очень любил эту фразу и часто ее в политических целях использовал «Иди дочь моя/ но больше не греши»//*

Ведущий отсылает телезрителей к прецедентному тексту, предваря название темы выпуска:

Ведущий. *«Раз в крещенский вечерок*

Девушки гадали:

За ворота башмачок,

Сняв с ноги, бросали»

Жуковский// Поэма «Светлана»// А я Вяземский// Юрий Вяземский// Здравствуйте/ уважаемые друзья!

Вкрапление прецедентного текста в речь судьи обусловлено общностью фоновых знаний судьи и ведущего. Рассуждая о гениальности поэта, коммуниканты используют прецедентные тексты:

Судья. *Когда я его читаю/ я не понимаю/ как это сделано/ вот я читаю «Здравствуй/ князь ты мой прекрасный/ что ты тих/ как день ненастный»/ я понимаю/ насколько это просто написано/ но у меня это вызывает какой-то комок в горле//*

К признакам политекстовой гибридности мы относим и иноязычные заимствования, и особые типы обращений ведущего к игрокам, так как они выполняют особую функцию стилизации под тему конкретного выпуска. В использовании приемов стилизации нам видится проявление ролевого варьирования речи ведущего. Прием стилизации характерен только для коммуникации ведущего и игроков.

Стилизация речи эпохи писателя ярко представлена в субжанре «похвала». Это излюбленный прием ведущего в ситуации правильного ответа игрока. Например, в выпуске о творчестве А. С. Пушкина ведущий хвалит участницу игры на французском языке, на котором в эпоху Пушкина говорило высшее общество:

Ведущий. *Как бы сказал Пушкин на светском раунде **Impressable**/ безусловно//*

Другие примеры стилизации:

Ведущий. *Вспомните/ пожалуйста/ милая барышня/ какими словами завершалась знаменитая пушкинская речь Достоевского?*

Ведущий. *Монсьер/ к барьеру//*

Игрок. *И вот с того момента пятого ноября в Англии/ и вообще в англосаксонском мире/ празднуют **Bonfire Night**//*

Можно заключить, что политекстовая гибридность является одним из жанрообразующих параметров интеллект-шоу, поскольку, будучи тесно связанной с дидактической гибридностью, она обуславливает в том числе имя жанра (*интеллектуальное шоу*), а также номинации игроков («умники» и «знатоки»), т. е. специалисты в различных областях знаний). Однако политекстовая гибридность может варьироваться в зависимости от конкретной жанровой реализации интеллект-шоу. Например, признаки политекстовой гибридности более характерны для интеллект-шоу «Умницы и умники», поскольку в нем сильнее проявляются черты просветительского дискурса.

Под **поликодовой гибридностью**, вслед за А. В. Хотного, мы понимаем включение в текст элементов, которые относятся «к разным знаковым системам» [18, с. 190]. Данный тип гибридности усиливает эффект состязательности, а также восполняет коммуникацию с телезрителями, которую у ведущего нет возможности осуществить. Детальми поликодовой гибридности являются заставки с изображениями, интерактивное оформление зала, визуализация наград игроков.

Интерактивные заставки интеллект-шоу, содержащие их эмблемы и название, выполняют контактоустанавливающую функцию и предшествуют жанру «установление контакта».

Кроме заставки, цели погружения в идейный пласт в интеллект-шоу «Умницы и умники» служит интерактивное оформление зала, в котором проходит игра. Он имитирует академию в Древней Греции: на стенах зала древнегреческие вазы и бюсты древнегреческих богов и философов. Другая деталь в оформлении зала – игровые дорожки – создана с целью усиления эффекта состязательности и развлекательности. В «Что? Где? Когда?» эту функцию выполняют волчок на игровом столе (волчок указывает на вопрос для знатоков) и черный ящик (внутри черного ящика находится «ответ на вопрос»).

В интеллект-шоу «Умницы и умники» коммуникативную функцию выполняет визуализация наград игроков (высшая награда – ордена с изображением буквы «У» и награда в случае неполных ответов – медали с изображением Афины Паллады). Когда игроку вручают орден или медаль, на экране появляется изображение всех его орденов и медалей. Так с помощью визуализации телезрители узнают об успехах игрока на протяжении всего сезона.

Заключение

Таким образом, проявлениями поликодовой гибридности дополняются остальные типы гибридности, усиливая эффект состязательности и восполняя коммуникацию с телезрителями.

В результате исследования мы определили гибридный характер жанра интеллект-шоу на примере телепередач «Умницы и умники» и «Что? Где? Когда?»», проявляющийся в сочетании различных типов гибридности: жанровой, дискурсивной, политекстовой и поликодовой.

Можно сделать вывод, что гибридизация обуславливает появление в жанре интеллект-шоу новых свойств: тенденции к симметричности коммуникации и интимизации; тенденции к ролевому варьированию речи ведущего (ведущий выступает в роли учителя, судьи, спортивного комментатора и конферансье); тенденции к использованию полилога; тенденции к стилизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимова Е. Е. О гетерогенности религиозного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2013. Вып. 675. С. 9–22.
2. Щипицина Л. Ю. Виды гибридности в компьютерно-опосредованной коммуникации // Изв. Саратов. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 30–35.
3. Карасик В. И. Высказывание, жанр, дискурс: семиотическое моделирование // Жанры речи. 2020. Вып. 2 (26). С. 90–99.
4. Панкратова О. А. Лингвосомиотическая характеристика спортивного дискурса: автореф. дис. ... канд. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
5. Дубровская Т. В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса // Юрислингвистика. 2010. С. 25–35.
6. Войтак М. О. О жанрах речи и их печатных конкретизациях // Медиалингвистика. 2014. Вып. 1 (4). С. 53–62.
7. Колосова А. А. О трудностях жанрового анализа новостных медиатекстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. Вып. 3 (46). С. 112–114.
8. Марьянчик В. А. Медиа-политический текст: сценарии, нормы, стереотипы. Архангельск: Поморский университет, 2011. 282 с.
9. Борисова С. С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 22 с.
10. Шмелева Т. В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 270–276.
11. Тырыгина В. А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 47 с.
12. «Умницы и умники». URL: <https://www.1tv.ru/shows/umnicy-i-umniki> (дата обращения: 15.02.2022).
13. «Что? Где? Когда?». URL: <https://www.1tv.ru/shows/что-где-когда> (дата обращения: 15.02.2022).
14. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2009. 320 с.
15. Дементьев В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров: учеб. пособие. Саратов: Изд-во Саратов. пед. ин-та, 1998. 107 с.
16. Тарасова А. Н. Архитекстуальность: дискурс – речевой жанр – текст (на материале французской прессы) // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 12 (751). С. 190–198.
17. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики // Медиалингвистика. 2015. Вып. 1 (6). С. 45–56.
18. Хотног А. В. Природа гибридного дискурса (на материале французского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Вып. 8. С. 190–194.

References

1. Anisimova E. E. O geterogennosti religioznogo diskursa [On the heterogeneity of religious discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2013, no. 675, pp. 9–22 (in Russian).
2. Shchipsitsina L. Yu. Vidy gibridnosti v komp'yuterno-oposredovannoy kommunikatsii [Types of hybridity in computer-mediated communication]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2014, iss. 14, no. 3, pp. 30–35 (in Russian).
3. Karasik V. I. Vyskazyvaniye, zhanr, diskurs: semioticheskoye modelirovaniye [Statement, genre, discourse: semiotic modeling]. *Zhanry rechi*, 2020, no. 2 (26), pp. 90–99 (in Russian).
4. Pankratova O. A. *Lingvosemioticheskaya kharakteristika sportivnogo diskursa. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Linguistic and semiotic characteristics of sports discourse. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Volgograd, 2005. 24 p. (in Russian).
5. Dubrovskaya T. V. Interv'y u s sud'yami kak gibridnyy tip diskursa [Interviews with judges as a hybrid type of discourse]. *Yurilingvistika*, 2010, pp. 25–35 (in Russian).
6. Voytak M. O. O zhanrakh rechi i ikh pechatnykh konkretizatsiyakh [On the genres of speech and their printed specification]. *Medialingvistika*, 2014, no. 1 (4), pp. 53–62 (in Russian).
7. Kolosova A. A. O trudnostyakh zhanrovogo analiza novostnykh mediatekstov [On the Difficulties of Genre Analysis of News Media Texts]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2015, no. 3 (46), pp. 112–114 (in Russian).
8. Mar'yanchik V. A. *Media-politicheskiy tekst: stsennarii, normy, stereotipy* [Media political text: scenarios, norms, stereotypes]. Arkhangel'sk, Pomorskiy universitet Publ., 2011. 282 p. (in Russian).
9. Borisova S. S. *Persuazivnyye strategii v analiticheskikh zhanrakh mediateksta. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Persuasive strategies in analytical genres of media text. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Voronezh, 2016. 22 p. (in Russian).
10. Shmeleva T. V. “Uplotneniye zhanrov” kak tendentsiya mediasfery [“Condensation of genres” as a trend in the media sphere]. *Zhanry rechi*, 2018, no. 4 (20), pp. 270–276 (in Russian).
11. Tyrygina V. A. *Problema zhanra v massovo-informatsionnom diskurse. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The problem of genre in mass information discourse. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Moscow, 2008. 47 p. (in Russian).

12. “*Umnitsy i umniki*” [“Clever boys and clever girls”] (in Russian). URL: <https://www.1tv.ru/shows/umnicy-i-umniki> (accessed 15 February 2023).
13. “*Chto? Gde? Kogda?*” [“What? Where? When?”] (in Russian). URL: <https://www.1tv.ru/shows/chto-gde-kogda> (accessed 15 February 2023).
14. Borisova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian colloquial dialogue: structure and dynamics]. Moscow, 2009. 320 p. (in Russian).
15. Dement'yev V. V. *Sotsiopragsmaticheskiy aspekt teorii rechevykh zhanrov* [Socio-pragmatic aspect of the theory of speech genres]. Saratov, Saratov Pedagogical Institute Publ., 1998. 107 p. (in Russian).
16. Tarasova A. N. Arkhitekstual'nost': diskurs – rechevoy zhanr – tekst (na materiale frantsuzskoy pressy) [Architextuality: discourse – speech genre – text (based on the French press)]. 2016, no. 12 (751), pp. 190–198 (in Russian).
17. Dobrosklonskaya T. G. Massmediynnyy diskurs v sisteme medialingvistiki [Media discourse in the system of media linguistics]. *Medialingvistika*, 2015, no. 1 (6), pp. 45–56 (in Russian).
18. Khotnog A. V. Priroda gibridnogo diskursa (na materiale frantsuzskogo yazyka) [The nature of hybrid discourse (based on the French language)]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2019, no. 8, pp. 190–194 (in Russian).

Информация об авторе

Роднова М. А., аспирант, Дальневосточный федеральный университет (п. Аякс, 10, о. Русский, Владивосток, Россия, 690922).

Information about the author

Rodnova M. A., postgraduate student, Far Eastern Federal University (Ajax, 10, Russky Island, Vladivostok, Russian Federation, 690922).

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 24.03.2023; accepted for publication 25.05.2023

Речевая маска в аспекте коммуникативной мимики

Марина Владимировна Шпильман

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, s.m.v@mail.ru

Аннотация

В статье сопоставляются различные точки зрения на природу коммуникативной мимики, выявляются отличия в подходах к этому явлению разных исследователей, на основании чего делается вывод, что коммуникативную мимику можно понимать узко и широко.

В первом случае речь идет о неосознанном приспособлении, подстраивании под особенности речевого поведения собеседника без ущерба для собственной языковой идентичности, целью мимики является желание стать членом социальной группы. При широком понимании мимики представляет собой осознанную коммуникативную стратегию – речевую маску, имеющую целью манипулятивное воздействие на собеседника и предполагающую сознательную временную смену своего обычного речевого поведения на чужое. В основе речевой маски как коммуникативной стратегии лежит потребность приспособиться, подстроиться под собеседника, т. е. мимикрировать в условиях конкретной ситуации общения. Мимикрия в лингвистическом смысле – это и способность приспосабливаться, и сам процесс приспособления. При этом способностью к приспособлению люди обладают в разной степени, это зависит не только от уровня коммуникативной компетенции, но и от целей общения (установление доверительных отношений), а также от личности собеседника (чем больше он нравиться говорящему, тем быстрее тот мимикрирует).

В результате анализа языкового материала делаются выводы о том, что отношение к коммуникативной мимике двоякое: с одной стороны, пишущими признается, что способность приспосабливаться важна и необходима, с другой – вызывает опасение, что имитация «чужого» размывает собственную уникальность и индивидуальность личности. Осмысливая явление коммуникативной мимики, пишущие называют такие ее цели: 1) желание понравиться; 2) необходимое условие кооперативного общения; 3) эффективное манипулятивное воздействие. Таким образом, речевая маска как коммуникативная стратегия является результатом мимики, в процессе которой говорящий перенимает как невербальные, так и вербальные особенности речевого поведения собеседника (манера речи, темп, отдельные слова и пр.).

Ключевые слова: коммуникативная мимикрия, речевая маска, коммуникативная стратегия, манипулятивное воздействие, речевое поведение

Для цитирования: Шпильман М. В. Речевая маска в аспекте коммуникативной мимики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 119–126. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-119-126>

The verbal mask in terms of communicative mimicry

Marina V. Shpilman

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, s.m.v@mail.ru

Abstract

The article examines communicative mimicry. Different opinions as to its nature are compared; differences in researchers' approaches to it are defined, on which basis the author concludes that communicative mimicry can be seen both in a narrow and in a broad way. In the first case we speak only about the unconscious adaptation, adjustment to the interlocutor's verbal behavior without any prejudice to one's own verbal identity, while in the second case such mimicry is a conscious communicative strategy, a verbal mask, the goal of which is to influence the interlocutor by means of manipulation. The basis of the speech mask as communication strategy is the need to adapt to the interlocutor depending on the specific situation of communication. The author notes that in the linguistic sense, mimicry – is a process of adaptation and ability to adapt. At the same time people have varying degrees of ability to adapt, which depends not only on the level of communicative competence, but also on the purpose of communication, as well as the identity of the interlocutor. The analysis of the linguistic material leads us to the conclusion on two views of the communicative mimicry: the authors recognize that the ability to adapt is important and necessary, on the other hand they fear that someone else's imitation washes away one's own uniqueness and personality's individuality. Comprehending the phenomenon of communicative mimicry, writers define such goals as 1) a desire to please, 2) a necessary condition for corporate communication, 3) for an effective manipulative influence.

Keywords: *communicative mimicry, speech mask, communicative strategy, manipulative influence, speech behavior*

For citation: Shpilman M. V. Rechevaya maska v aspekte kommunikativnoy mimikrii [The verbal mask in terms of communicative mimicry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 119–126 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-119-126>

Введение

В настоящее время внимание исследователей все чаще привлекают факты языковой рефлексии носителей обыденного языкового сознания, свидетельствующие об искренности/неискренности намерений собеседника, распознавания его настоящего лица. Вопрос этот волнует многих: в условиях тотальной манипуляции общественным мнением и поведением с экранов телевизоров и в интернете люди пытаются найти ориентиры, маркеры, которые помогли бы отличать настоящее от искусственного, навязываемого (см., например, работы Н. Д. Арутюновой [1], С. Н. Плотниковой [2], С. С. Авакимян [3], а также сборники статей, посвященных этой проблематике, например: «Логический анализ языка: между ложью и фантазией» [4], «Дискурс лжи и ложь как дискурс» [5] и др.).

В связи с этим актуальность исследования такого явления, как коммуникативная мимикрия, является очевидной. Мимикрией в биологии называют случаи внешнего сходства между различными видами животных, принадлежащих к различным родам, семействам, отрядам. Это свойство некоторых животных имеет, как правило, защитную природу. В «Философском словаре» дается такое определение мимикрии: «Способность становиться другим, т. е. похожим на то, чем не являешься, имитируя его помимо собственной воли. Мимикрия больше связана с физиологией и импрегнацией (проникновение. – *Прим. пер.*), чем с сознательным обучением. Хамелеон, сливаясь с окружающей средой, мимикрирует; ребенок, усваивая правила поведения в окружающей среде, также мимикрирует» [6].

Представляется, что в основе коммуникативной мимикрии лежит приспособление особенностей речевого поведения человека под требования социума, с которым он взаимодействует. Об этом пишет Л. П. Крысин, исследуя речевое поведение человека в социальной группе [7].

Как существо социальное, человек является членом нескольких групп одновременно (семья, компания друзей, рабочий или учебный коллектив и т. п.) и не может не учитывать условий речевого взаимодействия с другими людьми в той или иной группе. Как отмечает Л. П. Крысин, «дорожа мнением группы и своей репутацией в глазах ее членов, человек в присутствии группы строит свою речь с ориентировкой на ожидания группы, на то, как принято говорить в этом узком кругу. Стремле-

ние не выделяться, говорить, как все в группе, преобладает в речевом поведении человека, когда он выступает в роли члена группы» [7, с. 665]. При этом, по мнению исследователя, на этапе вхождения в группу приспособление к ней предполагает сознательное изменение свойственной человеку манеры речи или речевого поведения в целом, а впоследствии, после успешной адаптации, индивидуальные речевые особенности могут вернуться, ср.: «Любопытно, что, уже войдя в группу, человек может позволить себе речевое поведение, не согласующееся с групповыми ожиданиями и нормами. Он как бы возвращается к свойственной ему, органичной манере речи, не опасаясь, что она будет оценена отрицательно: его положение как члена группы уже достаточно прочно, и в этих условиях ему легче проявить свою индивидуальность, чем на стадии вхождения в группу» [7, с. 666]. Иными словами, целью такого приспособления, или коммуникативной мимикрии, является утверждение своего положения как члена группы.

Следует отметить, что явление коммуникативной мимикрии (КМ) в лингвистике исследуется в различных аспектах и на материале разного рода дискурсов (см., например, работы В. Б. Кашкина [8], Е. А. Лизуновой [9], К. Ф. Седова [10], Н. В. Муравьевой [11], Е. Ю. Колтышевой [12], А. А. Штебы [13], А. А. Давтян [14], Т. А. Чеботниковой [15] и др.), а само понятие трактуется весьма широко и порою противоречиво. Рассмотрим некоторые из определений КМ подробнее.

Е. А. Лизунова исследует КМ в рамках теории коммуникативных стратегий, определяет ее как «осознаваемую линию коммуникативного поведения, при которой коммуникант стремится создать у партнера впечатление эмпатии и внутреннего приятия на основе мнимой идентичности социально-когнитивных ниш» [9, с. 37]. К. Ф. Седов, анализируя разные подтипы речевого поведения, говорит о речевой мимикрии в рамках кооперативно-актуализаторского подтипа, который «отражает высший уровень коммуникативной компетенции человека по способности к речевой кооперации. В этом случае говорящий руководствуется основным принципом, который можно определить как стремление поставить себя на точку зрения собеседника, взглянуть на изображаемую в речи ситуацию его глазами» [10]. Таким образом, исследователь определяет КМ как «стремление подладиться под собесед-

ника не только на уровне содержания речи, но и на уровне языкового оформления содержания» [10]. Н. В. Муравьева противопоставляет речевую мимирию речевой гибкости. Речевая гибкость предполагает наличие у говорящего способности находить языковые средства, позволяющие сблизить коммуникативные пространства адресата и адресанта, при этом собственный «голос» говорящего не растворяется в «чужом языке». В отличие от речевой гибкости речевая мимирия, по мнению автора, характеризуется потерей собственного «голоса» [11].

В. Б. Кашкин на материале экономического и политического дискурсов говорит о функциональной мимирии: «Это явление наблюдается во всех случаях, когда отправитель имеет намерение скрыть свои цели полностью или частично. В таких случаях весьма часто сообщение имеет маркеры одной функции, однако на деле выполняет другую. Функция мимирирует, притворяется какой-то иной, которая в данном контексте, вероятно, выглядела бы более безобидно» [8, с. 23]. Этому же взгляду на КМ придерживается Е. Ю. Колтышева, которая исследует ее как фактор реализации манипулятивного воздействия в рекламном тексте [12].

Таким образом, под коммуникативной мимикрией понимается:

- 1) процесс приспособления нового члена социальной группы к ее правилам;
- 2) коммуникативная стратегия, при которой говорящий осознанно играет роль «не себя»;
- 3) речевая тактика, при которой говорящий осознанно или неосознанно подстраивается под различные особенности говорящего, в том числе и речевые;
- 4) неосознаваемая говорящим способность копировать язык собеседника, результатом чего становится потеря собственной языковой индивидуальности;
- 5) фактор реализации манипулятивного воздействия.

Исходя из указанных точек зрения на природу коммуникативной мимирии, представляется, что имеет смысл разграничивать два ее вида, имеющих принципиальные отличия: спонтанную, или инстинктивную, и сознательную. При этом спонтанная КМ имеет социальную природу и возникает «как реакция более слабого объекта на стимул в виде опасности для дальнейшего развития и жизни. Это защитная реакция на угрозу как форма адаптации к данным условиям существования» [13]. В отличие от спонтанной мимирии осознанная характеризуется наличием у говорящего «намерения извлечь личную выгоду из подражания действиям другого лица» [13]. Другими словами, сознательная мимирия является коммуникатив-

ной стратегией и предполагает манипулятивное речевое воздействие.

Таким образом, КМ можно рассматривать узко (как явление неосознанного приспособления к условиям коммуникативной ситуации) и широко (как сознательное подстраивание под собеседника с целью получения определенной личной выгоды).

Цель статьи – выявить, как соотносятся коммуникативная мимирия и коммуникативная стратегия «речевая маска», поскольку в основе того и другого явления лежит способность к приспособлению.

Материал и методы

Материалом исследования послужили выявленные путем сплошной выборки контексты из художественных текстов, иллюстрирующие ситуацию коммуникативного приспособления, т. е. мимирии, а также тексты спонтанного интернет-общения на форумах, содержащие рефлексию относительно КМ. При интерпретации материала использовался контекстный анализ.

Результаты и обсуждение

Мимирия в лингвистическом смысле – это и способность приспособляться, и сам процесс приспособления. При этом способностью к приспособлению обладают, по-видимому, все люди, однако в разной степени. И это зависит не только от уровня коммуникативной компетенции, но и от целей общения, а также от личности собеседника. Рассмотрим пример.

Персонаж романа А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике»¹ М. Каммерер для получения необходимой информации вынужден вступить в коммуникацию с незнакомым человеком, и поначалу завязать знакомство не получается:

- *Говорят, здесь рыбы необыкновенное количество, – сказал я, опускаясь рядом с ним на корточки.*
- *Вранье, – сказал он. Кратко сказал. Увесисто.*
- *Говорят, здесь можно время неплохо провести, – сказал я.*
- *Смотря кому, – сказал он.*
- *Модный курорт, говорят, здесь, – сказала я.*
- *Был, – сказал он.*

Я исьяк.

Каммерер терпит коммуникативную неудачу, однако неожиданно собеседник сам обращается к нему:

- *Модный курорт, юноша, – наставительно произнес он, – был здесь три сезона тому назад... Космонавт? – спросил он вдруг. – Прогрессор? Этнолог?*

– *Был, – сказал я не без злорадства.*

¹ Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Жук в муравейнике. М.: АСТ, 2016. 288 с.

– А я врач, – сказал он, не моргнув глазом.

Каммерер копирует манеру ответов доктора, тем самым настраиваясь на «его волну». И далее в процессе разговора происходит приспособление к таким особенностям собеседника, как обстоятельность, неспешность общения, нравоучительный тон, самолюбование. Интересно, что Каммерер не просто мимикрирует под речевое поведение собеседника, но и осмысливает и в дальнейшем пародирует его, что говорит об осознанности мимики, ср.:

В обширной практике доктора Гоанека аналогичные случаи имели место достаточно часто. Вот, например... <...>

Чтобы не ударить в грязь лицом, турист Каммерер поспешил ответить примером из своего личного опыта...

В этом примере мимикрия под собеседника обусловлена целями, которые преследует инициатор общения: необходимость получения информации. Однако, как подчеркивают участники интернет-коммуникации на тему «Хамелеоны общения»¹, человек чаще и охотнее подстраивается под того, кто ему симпатичен, в этом случае подражание и даже копирование слов, манеры речи, движений, поведения в целом происходит охотнее и менее осознанно, чем тогда, когда человек вынужден приспособляться к малопривлекательному собеседнику, ср.: *Мы ж существа социальные. :) И описанное явление характерно для всех, но в разной степени. Это схема образования общности – «Я такой же, я – свой». Это делается бессознательно только по отношению к людям, вызывающим симпатию. И сознательно – для достижения определённых целей, как то: вхождение в доверие, убеждение, снятие агрессивности»².*

Говоря о взаимодействии в социальной группе, Л. П. Крысин так объясняет этот эффект: «Чем больше преобладают отношения симпатии, тем сплоченнее группа. А сплоченность, по данным социальных психологов, – важнейшее условие взаимного влияния членов группы: в привычках, поведении, в речи. В сплоченной группе легко вырабатывается механизм такого поведения, которое продиктовано стремлением приспособиться к требованиям, нормам и ценностям группы, с тем чтобы избежать отрицательного отношения к себе со стороны других членов (психологи называют такое поведение конформным, от английского глагола to conform ‘соответствовать, приспособляться’)» [7, с. 662].

¹ Здесь и далее графическое исполнение (без учета кегля, гарнитуры шрифтов, расположения на строке, переносов и цветового выделения) дается в авторском варианте без изменений.

² <https://tolkien.su/forum/index.php?topic=11723.0> (дата обращения: 07.12.2022).

Осмысливая явление коммуникативной мимики, пишущие называют такие ее цели:

1) желание понравиться: *имхо, очень многие люди «передирают» элементы чужого самовыражения :) это бессознательная подстройка под собеседника происходит из банального неосознанного желания всем нравиться... ну и просто присвоение того, что понравилось. Это один из возможных приемов, об этом очень часто пишут, и некоторые это используют сознательно:»³;*

2) необходимое условие корпоративного общения: *Может, это попытка наладить контакт, как бы выразовывание ;D своей доброжелательности ;)»⁴;*

3) для эффективного манипулятивного воздействия: *Это один из основных приемов НЛП – копировать манеру общения собеседника, а там использовать установившееся бессознательное доверие к вам в своих интересах; Люди осуществляют подстройку (копируют), чтобы добиться расположения других людей и войти к ним в доверие. Ведь подобное притягивает подобное, что обусловлено потребностью людей в безопасности»⁵.*

Интересно, что некоторые пишущие считают такое поведение естественным и даже единственно возможным в рамках человеческого общения, отмечая, что оно основывается на коммуникативной гибкости и адаптивности. Другие же подчеркивают, что в основе мимики лежит притворство, неискренность, это находит отражение в таких номинациях, как хамелеон, двуличный, лицемер и под. Однако при всем том такие люди умны, что отмечается в следующем примере: *...такой человек, как правило, проницателен и всегда улавливает тонкие детали и изменения в окружении, и, следовательно, он не глуп, но такое сравнение часто имеет и отрицательный характер, когда мы говорим о лицемерных людях, например, чтобы уметь подстраиваться нужно быть умным человеком, хорошо владеть собой. но ум здесь подразумевает и хитрость. человек, преследуя свои цели, может нарушать моральные нормы, не уважать интересы других людей»⁶...*

Резко негативное отношение к мимикрии обусловлено не только неискренним поведением мимикрирующих под собеседника людей, но и тем, что такая способность лишает человека его индивидуальности, возможности быть собой, как, например, в следующем диалоге на форуме:

– Уже довольно давно стал за собой замечать, что мое поведение, мировоззрение и т. д. сильно меняется в зависимости от того с кем общаюсь.

³ <https://tolkien.su/forum/index.php?topic=11723.0> (дата обращения: 07.12.2022).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ <https://otvet.mail.ru/question/182280175> (дата обращения: 23.01.2023).

<...> Это вообще нормально? Возникает ощущение что вроде уже 20 лет, а как личность полностью не сформировался, и любое событие сильно влияет на меня.

– Таких людей довольно много. Не вижу ничего странного.

– Возможно вы правы, но все-таки это доставляет некоторый дискомфорт... хотелось бы всегда быть собой, а не каждый раз в зависимости от обстоятельств подстраиваться под кого-то, при этом произвольно).

– А в чем дискомфорт-то? И почему плохо быть гибким и подстраиваться под собеседников и обстоятельства? Вам просто надо исхитриться объединить в себе «хребет» и адаптивность¹.

Таким образом, амбивалентная природа КМ отмечается во многих фактах рефлексии, однако в целом процесс приспособления под условия общения оценивается как естественный и неизбежный.

Следует отметить, что мимикрия, как правило, имеет комплексный характер, т. е. человек перенимает как речевое, так и неречевое поведение собеседника, нередки случаи заимствования лексики и даже эмоционального состояния:

У меня это происходит после третьей фразы. Причем я автоматически копирую не только какую-то часть манеры собеседника, но и его настроение (наверное, даже в первую очередь именно это); Есть такой психологический прием, когда психолог подстраивается к клиенту дыша с той же частотой, что и он копируя манеру говорить и жесты; Не знаю, я вроде ничего особо не копирую. Хотя... словечки вот всякие быстро перенимаю. Веду себя часто в зависимости от компании. Общая линия, правда, всегда примерно одинакова. Наблюдение: прихожу в веселую компанию с препаришивейшим настроением. Через 15 минут начинаю веселиться. Причем совершенно искренне. При уходе из компании желание повеситься и утопиться одновременно возвращается. Это я подстраиваюсь, или что?; Самая раздражающая в этом черта, это манера речи. Я как-то неумовимо перенимаю особенности ведения беседы у тех людей, с кем разговариваю <...>. Так, несколько раз на дню можно грубо гоготать, писклявить, скороговорить, дурачки хихикать... Иногда перенимаются и жесты, и некоторые гримасы. Кошмар! То же касается поведения – выявляется именно то, что интересно и естественно для окружающего общества².

Как свидетельствуют многочисленные факты рефлексии, для самого имитатора процесс приспособления может проходить как совершенно неза-

метно, так и быть вполне осознанным, когда говорящий не только копирует собеседника, но моделирует собственный образ и управляет им.

В последнем случае речь уже может идти о так называемой речевой маске как коммуникативной стратегии [16, 17]. Под речевой маской (РМ) в данной работе понимается чужой языковой образ, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата; это временная и ситуативная эксплуатация чужого речевого поведения, основанная на зафиксированном в сознании носителей языка обобщенном представлении о том или ином типе коммуникантов.

Принципиальным отличием коммуникативной мимикрии от речевой маски является то, что человек, мимикрируя под собеседника, перенимает его языковые или поведенческие особенности, при этом, однако, сохраняет собственную идентичность, ср.: *То, о чем ты говоришь, называется «зеркальность» и, по идее, дано каждому человеку от рождения. Пугаться этого не стоит. Относиться как к «уродству» или чему-то вроде того – тоже. Хотя и оставлять себе «отраженные» черты, пожалуй, не следует (ты же не хочешь потерять себя?) за исключением, может быть, тех черт, которые тебе особенно понравились :)*³.

РМ, являясь коммуникативной стратегией, напротив, изначально предполагает перевоплощение в иную языковую личность. Рассмотрим пример рефлексии Эраста Фандорина, героя романов Б. Акунина, по поводу одной из своих масок:

– Как вам удалось разговорить полицейского? – поразился я. – И потом, неужто ему не показалось подозрительным ваше заикание?

– Для того, чтобы разговорить незнакомого человека, потребно знание п-психологии и физиогномстики, – с важным видом пояснил Эраст Петрович. – Что же до заикания, то, как вы могли заметить, **перевплощаясь в иную п-персоналию, я меняю и голос, и манеру разговора, и все прочие речевые особенности. Это уже совсем не я, или, во всяком случае, не совсем я. Заикание – следствие давней к-контузии, полученной Фандориным, а отнюдь не степенным мужичком, который так уважительно беседовал с господином городовым**⁴.

В этом случае ни о том, чтобы избавиться от речевых особенностей «чужого», чтобы не потерять себя, ни о том, чтобы «присвоить» себе привлекательные черты изображаемой личности, речи не идет. Человек использовал образ, получил желаемое – и снял маску, став снова собой.

Конечно, возникает закономерный вопрос: где проходит граница между коммуникативной мими-

¹ <https://psyche.guru/forum/topic/50120-kopiruyyu-povedenie-lyudey/> (дата обращения: 26.12.2022).

² <https://tolkien.su/forum/index.php?topic=11723.0> (дата обращения: 07.12.2022)

³ <https://tolkien.su/forum/index.php?topic=11723.0> (дата обращения: 07.12.2022)

⁴ Там же.

крией и речевой маской, где заканчивается приспособление и начинается натуральный обман, введение в заблуждение собеседника? Ответ на этот вопрос очевиден: мимикируя, говорящий всегда эксплуатирует речевые особенности совершенно определенного собеседника, и такая эксплуатация имеет свои границы: перебор чреват для адресата узнаванием себя в собеседнике, как в зеркале, что явно не способствует установлению кооперативного общения, в этом случае собеседник воспринимает мимикирию как подражание (или даже передразнивание) и оценивает крайне негативно, ср.: *Иногда случайное такое подражание воспринимается как попытка залезть в личное пространство/личную жизнь/личную постель (сорри, но это и вправду так бывает)*¹.

Напротив, РМ эксплуатирует подходящий к данным условиям общения образ, который может быть создан спонтанно, а может эксплуатировать «домашнюю заготовку», ничего общего с реальным собеседником не имеющую. Однако, независимо от того, в маске находится человек или без нее, ему все равно приходится приспособляться и подстраиваться под конкретные условия, то есть мимикировать.

Заключение

Таким образом, коммуникативная мимикирия предполагает способность языковой личности приспособляться к условиям общения и речевым

особенностям собеседника, а также сам процесс подстраивания.

Целями мимикирии являются: желание понравиться, соблюсти условия кооперативного общения, манипулятивное воздействие на собеседника. Факты языковой рефлексии свидетельствуют о том, что говорящий, мимикируя, копирует манеру речи, лексические единицы, а также невербальное поведение и эмоциональное состояние. Отношение к коммуникативной мимикирии двоякое: с одной стороны, пишущими признается, что способность приспособляться важна и необходима, с другой – вызывает опасение, что имитация «другого» размывает собственную уникальность и индивидуальность личности.

Понимая коммуникативную мимикирию широко, можно говорить о том, что на одном ее полюсе находится неосознанное копирование отдельных речевых особенностей собеседника с целью гармонизации общения, установления доверительных отношений, тогда как на другом полюсе оказывается речевая маска – сознательно выбираемая коммуникативная стратегия, имеющая целью манипулятивное воздействие на адресата.

Речевая маска является коммуникативной стратегией, в основе которой лежит потребность приспособиться, подстроиться под собеседника, т. е. мимикировать в условиях конкретной ситуации общения. Однако при этом РМ является как бы результатом такого приспособления.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Речеповеденческие акты и истинность. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи. «Я» и «Другой» // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М.: Наука, 1992. С. 6–52.
2. Плотникова С. Н. Неискренний дискурс в когнитивном и структурно-функциональном аспектах. Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.
3. Авакимян С. С. О лингвистических аспектах искренности // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 161–167.
4. Логический анализ языка. Между ложью и фантазией: сборник статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. 672 с.
5. Дискурс лжи и ложь как дискурс: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т. А. Трипольской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2012. 174 с.
6. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Палимпсест: Этерна, 2012. 752 с.
7. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
8. Кашкин В. Б. Коммуникативная мимикирия и социальная власть // Эссе о социальной власти языка: сборник научных трудов / под общ. ред. Л. И. Гришаева. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 21–29.
9. Лизунова Е. А. Коммуникативная мимикирия и ее типы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 4, № 4 (52). С. 37–41.
10. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международного семинара «Диалог' 2002». 2002. URL.: <http://www.dialog21.ru/materials/archive.asp?id=7379&y=2002&vol=6077> (дата обращения 13.08.2022).
11. Муравьева Н. В. Язык конфликта. М.: Изд-во МЭИ, 2002. 264 с.

¹ <https://tolkien.su/forum/index.php?topic=11723.0> (дата обращения: 07.12.2022).

12. Колтышева Е. Ю. Манипулятивное воздействие в современном рекламном тексте // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2008. Т. 14, № 2. С. 114–117.
13. Штеба А. А. Соотношение понятий деэмоционализации речи и эмоциональной мимикрии // Филологический аспект. 2016. № 2. С. 40–44.
14. Давтян А. А. Рекламная мимикрия как способ выживания на товарно-сервисном и информационном рынках // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 163–171.
15. Чеботникова Т. А. Мимикрия речевого поведения и стиль жизни общества // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4 (30). С. 796–799.
16. Шпильман М. В. Об особенностях использования языковой личностью разных типов речевых масок // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 78–82.
17. Кукс А. В. Функционирование «речевой маски» в юмористическом выступлении // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 17–19.

References

1. Arutyunova N. D. Rechevovedencheskiye akty i istinnost'. Rechevovedencheskiye akty v zerkale chuzhoy rechi. "Ya" i "Drugoy" [Acts of verbal behaviour and validity. Acts of verbal behaviour in the mirror of someone else's speech. 'Me' and 'Someone Else']. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Kommunikatsiya. Modal'nost'. Deyksis* [Human factor in language. Communication. Modality. Deixis]. Moscow, Nauka Publ., 1992. Pp. 6–52 (in Russian).
2. Plotnikova N. S. *Neiskrenniy diskurs v kognitivnom i strukturno-funktional'nom aspektakh* [Insincere discourse in cognitive and structural and functional aspects]. Irkutsk, IGLU Publ., 2000. 224 p. (in Russian).
3. Avakimyan S. S. O lingvisticheskikh aspektakh iskrennosti [On linguistic aspects of sincerity]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Bulletin of Irkutsk State Linguistic University*, 2009, no. 1, pp. 161–167 (in Russian).
4. *Logicheskiy analiz yazyka. Mezhdz lozh'yu i fantaziyey: sbornik statey. Otvetstvennyy redaktor N. D. Arutyunova* [Logical analysis of language. Between the lies and fantasy: collection of scientific papers. Ed. N. D. Arutyunova]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 672 p. (in Russian).
5. *Diskurs lzhi i lozh' kak diskurs: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Pod redaktsiyey T. A. Tripol'skoy* [Discourse lies and lies as a discourse: Interuniversity collection of scientific papers. Ed. T. A. Tripolskaya]. Novosibirsk, NGPU Publ., 2012. 174 p. (in Russian).
6. Kont-Sponvil' A. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Palimpsest: Eterna Publ., 2012. 752 p. (in Russian).
7. Krysin L. P. *Russkoye slovo, svoye i chuzhoye: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian word, one's own and another's: Research on the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 888 p. (in Russian).
8. Kashkin V. B. *Kommunikativnaya mimikriya i sotsial'naya vlast'* [Communicative mimicry and social power]. *Esse o sotsial'noy vlasti yazyka: sbornik nauchnykh trudov. Pod obshchey redaktsiyey L. I. Grishayeva* [Essay on the social power of the tongue: collection of scientific papers. Ed. L. I. Grishaev]. Voronezh, VGU Publ., 2001. Pp. 21–29 (in Russian).
9. Lizunova E. A. *Kommunikativnaya mimikriya i yeyo tipy* [Communicative mimicry and its types]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2012, no. 4 (52), vol. 4, pp. 37–41 (in Russian).
10. Sedov K. F. *Yazykovaya lichnost' v aspekte psikholingvisticheskoy konfliktologii* [Linguistic personality in the aspect of psycholinguistic conflictology]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: trudy mezhdunarodnogo seminar "Dialog' 2002"* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international seminar "Dialogue' 2002"]. 2002 (in Russian). URL: <http://www.dialog21.ru/materials/archive.asp?id=7379&y=2002&vol=6077> (accessed 12 December 2022).
11. Murav'yova N. V. *Yazyk konflikta* [The Language conflict]. Moscow, MEI Publ., 2002. 264 p. (in Russian).
12. Koltysheva E. Yu. *Manipulyativnoye vozdeystviye v sovremennom reklamnom tekste* [Manipulative influence in modern advertising text]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova – Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*, 2008, iss. 14, no. 2, pp. 114–117 (in Russian).
13. Shteba A. A. *Sootnosheniye ponyatiy deemotsionalizatsii rechi i emotsional'noy mimikrii* [Correlation of the concepts of deemotionalization of speech and emotional mimicry]. *Filologicheskiy aspekt – Philological aspect*, 2016, no. 2, pp. 40–44 (in Russian).
14. Davtyan A. A. *Reklamnaya mimikriya kak sposob vyzhivaniya na tovarno-servisnom i informatsionnom rynkakh* [Advertising mimicry as a way of survival in goods and service and Information markets]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Voronezh State University Herald. Series: Philology. Journalism*, 2006, no. 2, pp. 163–171 (in Russian).
15. Chebotnikova T. A. *Mimikriya rechevogo povedeniya i stil' zhizni obshchestva* [Verbal behaviour mimicry and lifestyle of a society]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – News of Samara Research Center of the Russian Academy of Sciences*, 2009, vol. 11, no. 4 (30), pp. 796–799 (in Russian).

16. Shpil'man M. V. Ob osobennostyakh ispol'zovaniya yazykovoy lichnost'yu raznykh tipov rechevykh masok [About features of use by a language person of different types of speech masks]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa – Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: linguistics of creativity*, 2012, no. 3, pp. 78–82 (in Russian).
17. Kuks A. V. Funktsionirovaniye “rechevoy maski” v yumoristicheskom vystuplenii [‘Speech mask’ functioning in humorous performance]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 330, pp. 17–19 (in Russian).

Информация об авторе

Шпильман М. В., кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126).

Information about the author

Shpilman M. V., Candidate of Philological Sciences, associate professor, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 16.02.2023; accepted for publication 25.05.2023

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-127-135>

Социализм Достоевского: форма государственного устройства или братское единение (на материале публицистики и эпистолярия писателя 1860–80-х гг.)

Светлана Владимировна Мурзина

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Skrasnikova12@gmail.com

Аннотация

Социализм – одна из ключевых идей, составляющих общественно-историческое, философское и нравственное мировоззрение Ф. М. Достоевского в 1860–80-е гг. Проблема «Достоевский и социализм» была поставлена исследователями уже в начале XX в., литературоведы и философы отмечали особое отношение мыслителя к этому строю общества. В рамках изучения геополитических представлений Достоевского об Европе в 1860–1881 гг. необходимым и закономерным представляется изучение проблемы социализма в публицистических текстах и письмах мыслителя.

Целью статьи является изучение и реконструкция позиции Достоевского по отношению к социализму в 1860–1881 гг.

Материалом исследования стали публицистические тексты, заметки, неоконченные статьи, письма Достоевского 1860–1881 гг. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки понятия «социализм». В исследовании используются биографический, культурно-исторический, имагологический методы.

В рамках исследования были рассмотрены все имеющиеся тексты изучаемого периода, включающие понятия «социализм». В результате выявлено, что в 1860–1881 гг. проблема социализма была весьма актуальна для Достоевского. Мыслитель рассуждает и о европейском, и о русском социализме, но в первую очередь ему важнее понять сущность социализма. Европейский социализм, основанный на законах, требованиях и науке, по мысли Достоевского, ведет к разрушению Запада. Писатель формулирует свое понимание социализма, противопоставляет искусственное построение общества (европейский, или западный, социализм) любви, нравственности, братству (русский социализм).

Особенность социалистических идей Достоевского в их отождествлении с равенством и социальной справедливостью под предводительством безграничной искренней веры в учение Христа.

С 1860-х гг. Достоевский размышляет о социализме и противопоставляет два определения этого понятия: форма государственного устройства и братское единение, основанное на нравственных чувствах общества. На основании этих определений социализма он противопоставляет европейский (западный) социализм и русский социализм. Писатель был убежден в возможности реализации социалистической теории для создания справедливого общественного устройства, верил, что достичь этого возможно без революций, благодаря внутреннему изменению человека и общества. Хронологическая реконструкция позиции писателя к социализму изучаемого периода помогает выявить динамику изменений взглядов Достоевского в этом отношении. Размышляя о социализме в Европе и России, мыслитель обращается к проблемам науки, образования, молодежи, пишет о деятельности европейских лидеров, развитии европейских государств. Социализм оказывается связующим звеном многих вопросов, волнующих мыслителя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, европейский социализм, русский социализм, «Дневник писателя»

Для цитирования: Мурзина С. В. Социализм Достоевского: форма государственного устройства или братское единение (на материале публицистики и эпистолярия писателя 1860–80-х гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 127–135. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-127-135>

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dostoevsky's socialism: the form of the state organization or brother unity (by the material of the writer's publicity and epistolary of the 1860–1880)

Svetlana V. Murzina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Skrasnikova12@gmail.com

Abstract

Socialism is one of the key ideas that make up the socio-historical, philosophical and moral worldview of F. M. Dostoevsky in the 1860s – 1880s. The problem of “Dostoevsky and socialism” was posed by researchers already at the beginning of the 20th century, literary critics and philosophers noted the special attitude of the thinker to this system of society. As part of the study of Dostoevsky's geopolitical ideas about Europe in the 1860s – 1881, it seems necessary and logical to study the problem of socialism in journalistic texts and letters of the thinker. The purpose of the article is to study and reconstruct the position of Dostoevsky in relation to socialism in the 1860s – 1881s.

The material of the study was journalistic texts, notes, unfinished articles, letters from Dostoevsky in 1860–1881. The empirical base of the study was formed using the method of continuous sampling of the concept of “socialism”. The study uses biographical, cultural-historical, imagological methods.

As part of the study, all available texts of the period under study, including the concept of “socialism”, were considered. As a result, it was revealed that in the 1860s – 1881 the problem of socialism was very relevant for Dostoevsky. The thinker discusses both European and Russian socialism, but first of all it is more important for him to understand the essence of socialism. European socialism, based on laws, requirements and science, according to Dostoevsky, leads to the destruction of the West. The writer formulates his understanding of socialism, contrasts the artificial construction of society (European or Western socialism) with love, morality, brotherhood (Russian socialism).

The peculiarity of Dostoevsky's socialist ideas is their identification with equality and social justice under the leadership of boundless sincere faith in the teachings of Christ.

Since the 1860s Dostoevsky reflects on socialism and contrasts two definitions of this concept: the form of government and fraternal unity based on the moral feelings of society. Based on these definitions of socialism, he contrasts European (Western) socialism and Russian socialism. The writer was convinced of the possibility of implementing socialist theory to create a just social order, he believed that this could be achieved without revolutions, but thanks to the internal change of man and society. The chronological reconstruction of the writer's position towards the socialism of the period under study helps to reveal the dynamics of changes in Dostoevsky's views in this regard. Reflecting on socialism in Europe and Russia, the thinker turns to the problems of science, education, youth, writes about the activities of European leaders, the development of European states. Socialism turns out to be the connecting link of many questions that concern the thinker.

Keywords: F. M. Dostoevsky, European socialism, Russian socialism, “Diary of a Writer”

For citation: Murzina S. V. Sotsializm Dostoyevskogo: forma gosudarstvennogo ustroystva ili bratskoye edineniye (na materiale publitsistiki i epistolyariya pisatelya 1860–80-kh gg. [Dostoyevsky's socialism: the form of the state organization or brother unity (by the material of the writer's publicity and epistolary of the 1860–1880)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 127–135 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-127-135>

Введение

В науке о Достоевском сформированы определенные представления по проблеме «Достоевский и социализм»: проблематика утопического социализма в раннем творчестве писателя – П. Сакулин [1], В. И. Ветловская [2], Л. Н. Смирнова [3], Ю. В. Лебедев [4]; связь христианства и социализма Достоевского – Н. Лосский [5], Н. И. Пруцков [6], Е. В. Онищенко [7], С. А. Кибальник [8], Т. А. Касаткина [9], Е. Вагин [10]; социализм писателя в целом – Н. Н. Бердяев [11], А. А. Горелов [12], Е. С. Бужор [13], Е. Г. Новикова [14].

При этом материалом изучения, как правило, становятся художественные тексты писателя, а фо-

кус работ смещен на отношение к реализации социализма в России. Научная новизна данного исследования определяется установкой на комплексный сопоставительный анализ отношения мыслителя к социализму в Европе и в России в 1860–1980-х гг., фронтальным исследованием сущности понятия «социализм» в публицистическом наследии писателя, в том числе на основе специальной фронтальной выборки лексемы «социализм».

Наш исследовательский интерес к обозначенной проблеме связан с изучением геополитических воззрений Достоевского на Европу в 1860-х – 1881 г. На данный момент подробно изучены вопросы об итальянском Рисорджименто [15, 16] и о

католичество [17] в публицистическом наследии и эпистолярной мысли 1860–1881 гг. В этом контексте закономерным представляется изучение проблемы социализма, поскольку, с точки зрения писателя, он был порожден католицизмом. Понимание позиции писателя по отношению к социализму помогает точнее исследовать геополитическую позицию мыслителя по отношению к Европе и об общественно-политическом состоянии российского общества второй половины XIX в.

В записных тетрадях, черновиках, статьях и письмах 1860–80-х гг. встречается множество упоминаний понятия «социализм». Многократно мыслитель отмечает отличие русского социализма от европейского, и ключевая разница состоит для него в желании и стремлении русских к единению.

В работе мы обратимся и к русскому, и к европейскому социализму в понимании Достоевского, при этом наш исследовательский интерес в первую очередь сосредоточен на понимании писателем сущности понятия.

Материал и методы

Материалом исследования стали публицистические тексты, заметки, неоконченные статьи, письма Достоевского 1860–1881 гг. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки понятия «социализм». В исследовании используются биографический, культурно-исторический, имагологический методы.

Результаты и обсуждение

Постановка вопроса

В исследуемых нами текстах 1860–1881 гг. фактически выделяются два ключевых понятия: «европейский социализм» и «русский социализм». Результаты исследования показывают, что писателя интересует коренная идея социализма и ее реализация в Европе и России. Именно по отношению к ней он формирует свою позицию и в основном об этом размышляет в публицистических текстах и письмах. В исследуемых текстах были выделены два значения понятия «социализм»: во-первых, социализм как форма государственного и общественного строя, основанная на законах и правилах, а во-вторых, личное понимание социализма мыслителем – братское, всечеловеческое общезнание. То есть в текстах писателя социализм может встречаться в двух смыслах: как антитеза христианству, альтернативный способ единения людей, основанный на законах и правилах, и социализм (чаще всего Достоевский пишет «русский социализм» [18, т. 27, с. 19]), достигнутый не разумом, а духовным стремлением к истине, подлинное братство.

В связи с этим необходимо процитировать слова Ань Цинянь: «Достоевский был первым в России мыслителем, который сложные социальные

проблемы сводил к религиозным вопросам» [19, с. 97]. Действительно, традиционно социализм понимается как экономическое учение, но мыслитель рассуждает о нем в первую очередь в рамках нравственного изменения общества, возможного в результате сознательного изменения человека.

По убеждению мыслителя, католичество проповедует «искаженного Христа» [18, т. 8, с. 450] и стремится добиться всемирной земной власти насильственным путем. Социалисты также нацелены на всеобщее единение людей на основах законов и правил, фокус их интересов смещен на материальные ценности и безответственную свободу. Таким образом, сущность этих явлений одинакова, а такой способ достижения единения, братства Достоевский считал искусственным и неверным.

Социализм в публицистических текстах Достоевского 1860–1881 гг.

Первые и ключевые обращения мыслителя к социализму фиксируются в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863). Отдельную главу «Опыт буржуа» Достоевский посвятил общественно-политическому и нравственному состоянию Запада. Особое внимание в главе уделено социализму, писатель рассуждает, возможно ли единение общества на искренних братских чувствах. Во Франции такая реализация социализма невозможна: «не имеется природы, способной к братству, природы, верующей в братство» [18, т. 5, с. 81].

В записной книжке 1863–1864 гг. Достоевский утверждает, что идеи социалистов – это «западная дребедень» [18, т. 20, с. 172]. «Социалисты хотят переродить человека... представить его без бога и без семейства. <...> Но человек изменится... от перемены нравственной» [18, т. 20, с. 17–172]. Здесь же он пишет, что социализм возможен, «если только правда, что он представляет универсальное лекарство всему обществу» [18, т. 20, с. 172]. Итак, в этой позиции и сближаются суждения мыслителя о том, что, с одной стороны, социализм невозможен (законодательно, принужденно), а с другой стороны, возможен, но при условии сознательного выбора обществом такого устройства, т. е. в приведенных цитатах встречаются оба значения понятия «социализм».

В записной тетради 1864–1865 гг. в рамках размышлений о будущем России, об идейной борьбе западников и славянофилов Достоевский упоминает и социализм: «Они (славянофилы. – С. М.) верят в начала русские и уверены, что они заменят и конституцию и социализм сами из себя, нося в себе зародыши своей правды» [18, т. 20, с. 181]. Достоевский подчеркивает, что европейский социализм не может быть реализован всемирно, так как это «продукт западной жизни и всех противуречий ее» [18, т. 20, с. 180].

Известно, что в начале 1860-х гг. Достоевский планировал написать статью «Социализм и христианство», сохранились черновики, в которых мыслитель излагает свою концепцию развития человечества и утверждает, что человек может измениться только «от перемены нравственной» [18, т. 20, с. 171] под влиянием христианского идеала. Статья начинается с тезиса «в социализме – лучинки, в христианстве крайнее развитие личности и собственной воли» [18, т. 20, с. 191]. Эта мысль встречается в этой же тетради чуть позже: «Там социализм и лучинки, у нас братство, там личность, у нас общность» [18, т. 20, с. 230]. Т. А. Касаткина поясняет фразу писателя так: «Лучинка – отколота от ствола тонкая щепка... социализм, по мысли Достоевского, потому и неестественен, что принимает во внимание только существо в его отструганном... неестественном... состоянии» [9, с. 129].

Человек, с точки зрения писателя, осознанно должен прийти к желанию единения, только развитие нравственных качеств способно привести к общинной жизни. Социализм, который наблюдает Достоевский в Европе, реализует противоположные этому убеждению идеи. Формально стремясь к всеобщему равенству, социалисты, с позиции мыслителя, упускают главное – духовный идеал: «...будущее основание и норму социального муравейника социализм полагает в цели – в сытом брюхе» [18, т. 20, с. 193].

Принципиальное различие социализма и христианства, с точки зрения писателя, – это способность христианина отдавать добровольно, безвозмездно: «бесконечность христианства над социализмом в том и заключается, что христианин (идеал), всё отдавая, ничего себе сам не требует» [18, т. 20, с. 193].

В записной тетради 1863–1864 гг. мыслитель начинает рассуждать о проблеме влияния социализма на молодое поколение России и необходимости широкого распространения науки и просвещения. Убедить в социализме невозможно, считает Достоевский, поэтому необходимо заботиться «об усилении и о прогрессе в теперешней жизни» [18, т. 20, с. 172], именно благодаря этому народы сами собою дойдут до социализма.

В неоконченной статье «Социализм и христианство» мыслитель пишет о нелегально изданной и распространенной прокламации в мае 1862 г. «Молодая Россия». Писатель отмечает в призывах главное: «Есть нечто гораздо высшее бога-чрева. Это – быть властелином и хозяином даже себя самого, своего я, пожертвовать этим я» [18, т. 20, с. 192]. Мыслителя волнует состояние нынешней молодежи, верящей в светлое будущее западных идей: «Здравая наука... всё искоренит. <...> Сколько

жертв поглотит социализм до того времени?» [18, т. 28.2, с. 154–155]. Подлинное образование, массовое просвещение – вот, что способно противостоять веяниям социализма в России.

В записной тетради 1864–1865 гг. встречаются слова: «Социалисты: два миллиона голов». Известно, что это цитата из «Былого и дум» А. И. Герцена, размышлявшего о немецком республиканце К. П. Гейнцене, считавшем, что «„достаточно избить два миллиона человек на земном шаре – и дело революции пойдет как по маслу“» [18, т. 9, с. 458]. Отсылки к этой цитате встречаются в текстах «Идиота» [18, т. 8, с. 451], «Бесов» [18, т. 10, с. 77], подготовительных материалах (1874) «Подростка» [18, т. 16, с. 5]. Очевидно, такой способ достижения всеобщего единения был неприемлем для мыслителя, вероятно, поэтому в программных текстах писателя эта цитата встречается неоднократно, символизируя в определенном смысле веру западного социализма.

В письме к С. А. Ивановой от 29 октября (11 сентября) 1867 г. Достоевский рассказывает о посещении конгресса Лиги мира и свободы в 1867 г.: «социалисты и революционеры, ввали с трибуны перед 5000 слушателей... бестолковщина, несогласие, противуречие себе... Начали с того, что... нужно истребить христианскую веру» [18, т. 28.2, с. 224–225]. Достоевский был поражен призывами революционеров, уже вначале 1860-х гг. он писал, что деятельность революционной партии Франции, «весь этот гвалт и вся эта подземная работа... на их же головы обрушатся» [18, т. 7, с. 196].

С 1873 по 1874 г. Достоевский был редактором журнала «Гражданин» и вместе с В. Ф. Пуцыковым вел обозрение «Иностранные события». В письме М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г. мыслитель поясняет, зачем занялся этой деятельностью: «Вот цель и мысль моя: социализм... проел почти всё поколение... всё заражено» [18, т. 29.1, с. 262], далее: «Борьба со всей идеей Запада, то есть с социализмом» [18, т. 29.1, с. 264]. Таким образом, в 1873 г. утверждает, что начинает личную борьбу с влиянием социализма на Россию.

В набросках к записной тетради 1876–1877 гг. Достоевский продолжает писать о социально-политической ситуации в современной России: «Проповедь социализма (оттого успех, что нет идеала лучших)» [18, т. 24, с. 267]. Наиболее точная характеристика такого рода людей сохранилась в вариантах «Дневника» за 1876 г.: «лучшими людьми во время общественных шатаний и колебаний остаются по преимуществу сильные [люди] и влиятельные на общество люди» [18, т. 23, с. 133]. В тетради 1880–1881 гг. проблема лучших людей фиксируется и в связи с социализмом в Европе: «...западный социализм не хотят лучших, а хотят

равенства и отрубят голову Шекспиру и Рафаэлю» [18, т. 27, с. 154]. Определенный успех западного социалистического учения в России мыслитель объясняет тем, что в стране нет образца, идеала, личности, которая демонстрировала бы альтернативный Западу путь создания нового общества.

В письме к В. А. Алексееву от 7 июня 1876 г. мыслитель характеризует ключевую особенность социализма: «Нынешний социализм в Европе, да и у нас, везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе» [18, т. 29.2, с. 85]. Несогласие Достоевского с социалистической идеей прежде всего в том, что человек создан в первую очередь для духовной жизни, которая по заповедям предполагает идеал жизни, а «труд, личность, самопожертвование своим добром ради ближнего» [18, т. 29.2, с. 85] и есть идеал жизни.

В тетради 1875–1876 гг. писатель сопоставляет библейского Иова и социалиста И. Ж. Прудона, таким образом обозначая, что проблема социализма вечна: «Социализм, Прудон. Какой вековечный голос!» [18, т. 24, с. 97].

Социалистические учения в жизни Достоевского в 1860–1881 гг.

Отдельным блоком исследования можно выделить размышления Достоевского о социалистических учениях и мыслителях, он писал о Ш. Фурье, Ж. Санд, В. Г. Белинском, кружке М. В. Петрашевского, А. И. Герцене.

В «Зимних заметках...» писатель сравнивает устройство фурьеристского фаланстера с острогом, где человек добровольно не захочет жить по его законам, потому что «самому по себе лучше... полная воля» [18, т. 5, с. 81]. Сохранились сведения, что на допросах по делу петрашевцев Достоевский говорил о невозможности реализации идей и опыта Западной Европы в России: «фурьеризм на нашей почве может только существовать или в неразрезанных листах книги, или в... мечтательной душе» [18, т. 14, с. 133–134]. Стоит учитывать, что это суждение о системе Фурье было высказано Достоевском на допросе, что вызывает сомнение об однозначном понимании и доверии к этим юридическим документам. Так, Е. Ю. Сафронова отмечает прагматическую цель высказывания – спасение подсудимых петрашевцев, возможно, именно поэтому писатель использовал такие формулировки ответов, которые могли бы нивелировать вину причастных, облегчить их участь и переключить внимание суда с деятельности конкретных участников на проблемы всеобщие [20].

О Белинском писатель вспоминает в контексте социализма: «Я застал его страстным социалистом» [18, т. 21, с. 10]. Критик, по воспоминаниям Достоевского, был проникнут западной идеей о формировании нового общества, но понимал, что

«одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную „гармонию“» [18, т. 21, с. 10], верил, что социалистическое учение приведет к всеобщему братству. Белинский для писателя – нравственный социалист, при этом отрицающий учение Христа.

В статье «Одна из современных фальшей» (1873) Достоевский вспоминает, как петрашевцы «заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма» [18, т. 21, с. 130]. Осмысляя прошлое, пишет, что западные идеи захватывали молодое поколение, пророчили о создании единого безнационального и безрелигиозного общества. Писатель с сожалением отмечает, как, будучи молодыми, они не осознавали, к чему может привести «мечтательный бред» и «весь этот мрак и ужас» [18, т. 21, с. 131].

В 1870-х гг. Достоевский говорит о Ж. Санд, в ней он видел глашатая идей христианского социализма, обличителя буржуазной Франции: «Жорж Занд... основывала свой социализм... на духовной жажде человечества, на стремлении его к совершенству» [18, т. 23, с. 37]. ««Она основывала» св<ой> соц<иализм> на потребности нравственно-го обновления человечества» [18, т. 24, с. 223–224]. Именно такое понимание социализма было и у Достоевского, к такому единению людей он и призывал. Суть политического социализма, с его точки зрения, «состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими» [18, т. 21, с. 130].

Наконец, в подготовительных материалах к «Дневнику» 1877 г. читаем: «Я социалист, но переменил идеал с эшафота» [18, т. 26, с. 185].

Социализм в Европе и России с позиции Достоевского

В текстах писателя 1860–1881 гг. прослеживается противопоставление реализации социализма в России и в Европе: «Социализм в Европе и социализм у нас» [18, т. 21, с. 256]. На основании понятия «социализм» Достоевский сравнивает исторические пути развития России и Европы, осмысляет прошлое наций, размышляет об их будущем. Так, в записной тетради 1875–1876 гг. мыслитель пишет: «возбуждение социализма есть (и у нас), – наши юноши уже 30 лет идут (за это) в ссылку за эти бредни... у нас есть древняя нравственная идея, которая, может быть, и восторгается» [18, т. 24, с. 114].

Достоевский подчеркивает, что исторические идеи Европы и России разные, и понимание законов социализма также различны. Мыслитель усиливает отличие стремлений к социализму в Европе и к всемирному братству в России: «Перед социализмом стыдно! Мы не золотого века хотим, а только чтоб быть почестнее!» [18, т. 24, с. 155],

т. е. Достоевский подчеркивает, что стремление к общественной гармонии в России – это желание создания нравственного общества в противоположность Европе, где социализм – материализм и золотой век. Далее в этой же тетради: «Высшая нравственная идея, выработавшаяся всей жизнью Запада, есть грядущий социализм и его идеалы... Но христианская правда, сохранившаяся в православии, выше социализма» [18, т. 24, с. 185]. Западный социализм, опирающийся на научные знания о человеке, не способен, с позиции писателя, исчерпать и объять глубину природы человека, и поэтому законы, на которых Европа выстраивает социалистическое общество, зыбки и ненадежны, более того, они уничтожают личность: «законы духа человеческого столь еще неизвестны, столь неведомы науке, столь неопределенны и столь таинственны, что нет и не может быть еще ни лекарей, ни даже судей окончательных, а есть Тот» [18, т. 25, с. 201]. Размышления о будущем социализме писатель связывает с учением Христа и будущем тех, кто сохраняет верность ему, Запад же за все время своего развития дошел до своего идеала, и этот идеал – европейский социализм.

В 1876 г. в сентябрьском выпуске «Дневника» мыслитель в контексте восточного вопроса вспоминает слова политического деятеля Англии графа Бенджамина Дизраэли Биконсфильда, сказавшего, что «русские... бросившиеся в Турцию спасать славян, – всё это лишь русские социалисты... одним словом, всё, что было разрушительных элементов в России и которыми будто бы начинена Россия» [18, т. 23, с. 108]. Ироничное цитирование политика демонстрирует несогласие писателя с тем, что Россия заражена социализмом. Он усиливает эту мысль словами: «наши капитаны и майоры, старые севастопольцы и кавказцы, в своих измятых, ветхих сюртучках... старые солдатики, эти казаки с Дона» [18, т. 23, с. 111] совершенно не похожи на социалистов, которых представляет себе Европа, а в записной тетради 1876–1877 гг. отмечает, что в России «никогда не было социализма» [18, т. 24, с. 301] (очевидно, в том смысле, в котором он реализуется в Европе).

В февральском выпуске «Дневника» 1877 г. Достоевский противопоставляет стремление русских к братству социалистической мысли Запада и утверждает, что достичь преобразования мира «с недоделанными людьми» [18, т. 25, с. 47] нельзя, верит, что идею нравственного перерождения личности может внести в мир Россия, которая скажет «свое новое здоровое и еще неслыханное миром слово» [18, т. 25, с. 195].

В записной тетради 1876–1877 гг. встречается мысль, относящаяся к обществу в целом: «если бы все деятельно были христианами, то ни одного со-

циального вопроса не было бы поднято» [18, т. 24, с. 291]. Здесь очевидно повторяется идея, высказанная писателем еще в 1860-х гг., о том, что если бы каждый человек стремился к нравственному совершенствованию, умел бы искренне и безвозмездно совершать благо другому, то не было бы необходимости в насильственном построении общества. В этой же тетради Достоевский обозначает разницу исторических развитий Европы и России: «христианством они не взяли, хотя взяли наукой, социализмом... У нас православие, но главное единение» [18, т. 24, с. 255].

В письме К. П. Победоносцеву от 19 мая 1879 г. мыслитель говорит об опасности прямого запрета на общение в школах на тему социализма. Как и в 1860-х гг., мыслитель убежден, что искусственное утверждение социализма, как и его запрет, не решит основной проблемы: нравственного изменения человека. «Вчера только прочел в „Новом времени“ о распоряжении министра народного просвещения, чтоб преподаватели опровергали в классах социализм... Идея до того опасная, что и представить себе нельзя» [18, т. 30.1, с. 66].

В этом же письме Достоевский говорит о работе над главой романа «Братья Карамазовы», описывает богохульство современного общества, отмечает, что нынешние социалисты отличаются отрицанием смысла создания мира: «научное и философское опровержение бытия божия уже заброшено» [18, т. 30.1, с. 66]. Насколько эта проблема важна для писателя, доказывают слова: «не знаю ничего реальнее именно этих вот тем» [18, т. 30.1, с. 66].

11 июня 1879 г. Достоевский пишет Н. А. Любимову об окончании главы романа «Бесы» «Pro и contra». В письме заключает: «нашему русскому, дурацкому (но страшному социализму, потому что в нем молодежь) – указание» [18, т. 30.1, с. 68], что следующий этап социализма – «порабощение свободы совести» [18, т. 30.1, с. 68], искушение голодом и Вавилонская башня.

Размышления писателя о социализме в Европе в первую очередь связаны с социализмом во Франции. В записной тетради 1876–1877 гг. Достоевский пишет: «Франция – нация вымершая и сказала всё свое. Да и французов в ней нет. Ибо социалисту и народу-работнику – всё равно» [18, т. 24, с. 272]. Итоги революции 1789–1799 гг. он определяет как «устройство человеческого общества уже без Христа» [18, т. 25, с. 6–7].

В январе 1877 г. Достоевский утверждает, что французский социализм – порождение католичества, а папа, если бы мог, призывал к девизу Французской революции: «социализм французский... насильственное единение человечества – идея, еще от древнего Рима идущая» [18, т. 25, с. 7]; в этом же номере – социализм в «унылой и раздроблен-

ной духовно» [18, т. 25, с. 18] Франции – идея «ложная и отчаянная» [18, т. 25, с. 18].

В августовском выпуске «Дневника» 1880 г. Достоевский резюмирует настоящее состояние Европы, выстраивающей социализм: «всё это рухнет» [18, т. 26, с. 167], при этом он глубоко сожалеет, что так складывается исторический путь Запада, и вновь пишет, что «сделать братства нельзя, потому что оно само делается, дается, в природе находится» [18, т. 26, с. 506].

В записной тетради 1880–1881 гг. мыслитель пишет, что конец Европе, просвещению и цивилизации придет вслед за европейским социализмом: «Жид и банк господин теперь всему... Социализму особенно, ибо им он с корнем вырвет христианство и разрушит ее цивилизацию» [18, т. 27, с. 59], пророчит: «Социализм рухнет у ее (России. – С. М.) ног» [18, т. 27, с. 50].

В связи с западными социалистическими идеями писатель рассуждает о ключевых политических деятелях Европы, влияющих на развитие социализма. В первую очередь это католичество в лице папы Пия IX. Борцом против католичества и социалистических идей мыслитель называет Отто фон Бисмарка, первого канцлера Германии. Упоминания о нем в связи с социализмом отмечены в материалах к «Гражданину» 1873 г. [18, т. 21, с. 192], 1874 г. [18, т. 21, с. 244], «Дневнике» 1876 г. [18, т. 22, с. 87].

В «Дневнике» 1877 г. мыслитель говорит о сопротивлении Германии католичеству и социализму и характеризует европейский социализм: «Бисмарк ненавидит социализм... потому, что социализм обезличивает национальное начало... Но очень может быть, что князь Бисмарк смотрит еще глубже, а именно: социализм есть сила грядущая для всей западной Европы» [18, т. 25, с. 160]. Бисмарк, выстраивающий суверенную Германию, борется с социализмом, потому что «по принципам социалистов всё равно – республика, монархия ли, французы ли они будут или станут немцами» [18, т. 25, с. 160]. Врагом Германии Бисмарк считал римский католицизм, с ним и с «порожденным католицизмом чудовищем – социализмом» [18, т. 26, с. 88] он и боролся.

В набросках к «Дневнику» 1881 г. Достоевский упоминает два покушения на социалистов в Европе [18, т. 27, с. 200]. Авторы полного собрания сочинений писателя утверждают, что мыслитель имел в виду покушения 1878 г. на жизнь германского императора Вильгельма I [18, т. 27, с. 318]. «Перипетии „культурной борьбы“ в Германии в 1873 г. подробно освещались в „Гражданине“» [18, т. 22, с. 360]. Подобные упоминания демонстрируют исключительный интерес писателя к европейской общественно-политической ситуации, к общим и частным процессам на Западе.

Итоги размышлений Достоевского о русском социализме, а значит, единственно верном социализме содержатся в «Дневнике» 1881 г.: «не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь... всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!» [18, т. 27, с. 19].

Заключение

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что уже в 1860-х гг. в текстах Достоевского выделяется два определения понятия «социализм»: форма государственного устройства, основанная на общественных законах, и братское единение, основанное на искренних нравственных чувствах.

В 1863 г. писатель задается вопросом: возможно ли единение общества, основанное не на силе, а в 1864 г. уже утверждает, что насильственное изменение человека невозможно. О невозможности искусственного утверждения социализма и его запрете он повторит и в 1879 г., будучи убежден: изменить общество может только само общество.

В 1863 г. Достоевский пишет о будущем Европы, он уверен, что выбранный ею путь развития ведет к разрушению, а в 1880-х гг. утверждает, что европейское общество, построенное на законах социализма, рухнет, при этом он глубоко сожалеет, что именно так складывается будущее Европы. Мыслитель не принимал зарождающегося в Европе социализма, который противоречит идее свободы человека, одной из христианских основ, принципиальных для Достоевского. В 1863 г. он начинает противопоставлять пути развития Европы и России и реализацию в них социализма, в 1864 г. утверждает, что европейский социализм и христианство – противоположные явления, этот тезис писатель раскрывает вплоть до 1881 г. Европейский социализм он считает результатом жизни Запада, продолжением римской идеи, уверен, что такой социализм не может быть общечеловеческим, потому что римское католичество променяло Христа на антихриста, и это утверждение сохраняется вплоть до 1880 г.

В 1863 г. Достоевский цитирует славянофилов, верящих в русские начала, способные заменить европейские идеи, а в 1877 г. сам утверждает, что Россия даст толчок нравственному перерождению личности и общества. В 1880-х гг. писатель уже пророчит крах европейского социализма под влиянием России.

В 1863–1864 гг. фиксируется проблема влияния социализма на общество и молодежь России, писатель убежден, что противостоять этому может только массовое образование и наука. В 1873 г., вступая в журнал «Гражданин», Достоевский начинает личную борьбу с западными идеями в России.

В 1860-х и 1870-х гг. писатель осмысляет свое увлечение французским утопическим социализмом в 1840-х гг. и называет это эпохой мечтаний. В 1877 г. Достоевский пишет, что он был социалистом, но после каторги изменил идеал, теперь только личность Христа для него является ориентиром и идеалом.

Итак, в 1860–1881 гг. проблема социализма была весьма актуальной для Достоевского, он пытается понять сущность социализма. Кроме того, формулирует свое понимание социализма, которое сам называет русским. Социализм оказывается связующим звеном многих вопросов, волнующих мыслителя в период его творчества 1860–1881 гг.

Сопrotивление западным идеям, просвещение общества и молодежи России, борьба с социализмом – одни из ключевых задач писателя в 1860–1881 гг., и размышления об этих вопросах со страниц публицистических текстов переходят на страницы ключевых романов Достоевского.

В изученных нами текстах наблюдается динамика развития тезисов о социалистических идеях в Европе и их влиянии на ее будущее, прослеживается тенденция к развитию личных способов влияния Достоевского на молодежь России, зараженную европейским социализмом, и к сопротивлению его распространения среди российского общества.

Список источников

1. Сакулин П. Русская литература и социализм. Часть первая. Ранний русский социализм. М.: ГИЗ, 1924. С. 300–404.
2. Ветловская В. Е. Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф. М. Достоевский // Христианство и русская литература. 1994. № 1. С. 224–269.
3. Смирнова Л. Н. Ф. М. Достоевский и утопический социализм (1845–1849 гг.) // Вестник Костр. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2003. № 2. С. 43–50.
4. Лебедев Ю. В. Диалог Достоевского с утопическим социализмом в творчестве 1840-х гг. // Литература в школе. 2007. № 2. С. 2–8.
5. Лосский Н. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 415 с.
6. Пруцков Н. И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский: материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 58–82.
7. Онищенко Е. В. Предостережение Ф. М. Достоевского о грозящей опасности тоталитаризма // Гуманитарные исследования. 2016. № 1 (57). С. 55–62.
8. Кибальник С. А. «Христианский социализм» или «социальное христианство»? (Гоголь и Достоевский в истории русской социально-философской мысли) // Проблемы исторической поэтики. 2017. № 3. С. 70–93.
9. Касаткина Т. А. «Записки из подполья» и «Маша лежит на столе...»: опыт медленного чтения в ближайшем контексте // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 1. С. 121–147.
10. Вагин Е. Достоевский: от христианского социализма к социальному христианству // Алтайский отдел Союза русского народа. 2021. URL: <https://altai.rusidea.org/достоевский-от-христианского-социал/> (дата обращения 25.03.2023).
11. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М.: АСТ, 2006. 89 с.
12. Горелов А. А. Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 50–66.
13. Бужор Е. С. Poleмика Ф. М. Достоевского с позитивистами и ее значение для русской философской мысли // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2 (70). С. 30–34.
14. Новикова Е. Г. Ф. М. Достоевский о К. Марксе и Ф. Энгельсе // Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 45–58.
15. Мурзина С. В. Итальянское Рисорджименто в восприятии Ф. М. Достоевского // Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. С. 134–143.
16. Мурзина С. В., Новикова Е. Г. Образ Гарибальди в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 37–45. DOI: 10.17223/15617793/460/4
17. Мурзина С. В. Папская власть как реализация римской католической идеи в восприятии Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 7. С. 2086–2091.
18. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1986.
19. Циньян А. Федор Достоевский и Карл Маркс // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 95–113.
20. Сафронова Е. Ю. «Объяснение» Ф. М. Достоевского следственной комиссии: структура документально-художественного целого // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (167). С. 123–138.

References

1. Sakulin P. *Russkaya literatura i sotsializm. Chast' pervaya. Ranniy russkiy sotsializm* [Russian literature and socialism. Part one. Early Russian socialism]. Moscow, GIZ Publ., 1924. Pp. 300–404 (in Russian).
2. Vetlovskaya V. E. *Religioznye idei utopicheskogo sotsializma i molodoy F. M. Dostoevskiy* [Religious ideas of utopian socialism and the young F. M. Dostoevsky]. *Khristianstvo i russkaya literatura*, 1994, no. 1, pp. 224–269 (in Russian).

3. Smirnova L. N. F. M. Dostoevskiy i utopicheskiy sotsializm (1845–1849 gg.) [F. M. Dostoevsky and utopian socialism (1845–1849)]. *Vestnik Kostromskogo gos. universiteta im. N. A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*, 2003, no. 2, pp. 43–50 (in Russian).
4. Lebedev Yu. V. Dialog Dostoevskogo s utopicheskim sotsializmom v tvorchestve 1840-kh godov [Dostoevsky's dialogue with utopian socialism in the works of the 1840s.]. *Literatura v shkole*, 2007, no. 2, pp. 2–8 (in Russian).
5. Losskiy N. *Dostoevskiy i yego khristianskoye miroponimaniye* [Dostoevsky and his Christian understanding]. N.Y., Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953. 415 p. (in Russian).
6. Prutskov N. I. Dostoevskiy i khristianskiy sotsializm [Dostoevsky and Christian socialism]. *Dostoevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: materials and research]. Leningrad, 1974. Vol. 1. Pp. 58–82 (in Russian).
7. Onishchenko E. V. Predosterezheniye F. M. Dostoevskogo o grozyashchey opasnosti totalitarizma [F. M. Dostoevsky's warning about the imminent danger of totalitarianism]. *Gumanitarnyye issledovaniya*, 2016, no. 1 (57), pp. 55–62 (in Russian).
8. Kibal'nik S. A. “Khristianskiy sotsializm” ili “sotsial'noye khristianstvo”? (Gogol' i Dostoevskiy v istorii russkoy sotsial'no-filosofskoy mysli) [“Christian socialism” or “social Christianity”? (Gogol and Dostoevsky in the history of Russian socio-philosophical thought)]. *Problemy istoricheskoy poetiki – The Problems of Historical Poetics*, 2017, no. 3, pp. 70–93 (in Russian).
9. Kasatkina T. A. “Zapiski iz podpol'ya” i “Masha lezhit na stole...”: opyt medlennogo chteniya v blizhayshem kontekste [“Notes from the underground” and “Masha lies on the table...”: the experience of slow reading in the immediate context]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskiy zhurnal – Dostoyevsky and World Culture. Philological Journal*, 2018, no. 1, pp. 121–147 (in Russian).
10. Vagin E. Dostoevskiy: ot khristianskogo sotsializma k sotsial'nomu khristianstvu [Dostoevsky: from Christian socialism to social Christianity]. *Altayskiy otdel Soyuzha russkogo naroda* [Altai Department of the Union of the Russian People]. 2021 (in Russian). URL: <https://altai.rusidea.org/dostoevskiy-ot-khristianskogo-sotsial/> (accessed 25 march 2023).
11. Berdyayev N. A. *Mirosozertsaniye Dostoevskogo* [Dostoevsky's worldview]. Moscow, AST Publ., 2006. 89 p. (in Russian).
12. Gorelov A. A. F. M. Dostoevskiy: russkaya ideya i russkiy sotsializm [F. M. Dostoevsky: Russian idea and Russian socialism]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye – Knowledge. Understanding. Skill*, 2017, no. 1, pp. 50–66 (in Russian).
13. Buzhor E. S. Polemika F. M. Dostoevskogo s pozitivistami i yeye znacheniye dlya russkoy filosofskoy mysli [F. M. Dostoevsky's controversy with positivists and its significance for Russian philosophical thought]. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura*, 2020, no. 2 (70), pp. 30–34 (in Russian).
14. Novikova E. G. F. M. Dostoevskiy o K. Markse i F. Engel'se [F. M. Dostoevsky about K. Marx and F. Engels]. *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo* [The geopolitical map and the picture of the world by F. M. Dostoevsky]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2021. Pp. 45–58 (in Russian).
15. Murzina S. V. Ital'yanskoye Risordzhimento v vospriyatii F. M. Dostoevskogo [Italian Risorgimento in the perception of F. M. Dostoevsky]. *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo* [The geopolitical map and the picture of the world by F. M. Dostoevsky]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2021. Pp. 134–143 (in Russian).
16. Murzina S. V. Novikova E. G. Obraz Garibal'di v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [The image of Garibaldi in Fyodor Dostoevsky's works]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2020, no. 460, pp. 37–45 (in Russian). DOI 10.17223/15617793/460/4
17. Murzina S. V. Papskaya vlast' kak realizatsiya rimskoy katolicheskoy idei v vospriyatii F. M. Dostoevskogo 1860–1870-kh gg. [Papal power as a realization of the Roman Catholic idea in the perception of F. M. Dostoevsky in the 1860s – 1870s.]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2022, no. 7, pp. 2086–2091 (in Russian).
18. Dostoevskiy F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh* [Complete works: in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1986 (in Russian).
19. Tsinyan' A. Fedor Dostoevskiy i Karl Marks [Fyodor Dostoyevsky and Karl Marx]. *Questions of Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 95–113 (in Russian).
20. Safronova E.Yu. “Ob'yasneniye” F. M. Dostoevskogo sledstvennoy komissii: struktura dokumental'no-khudozhestvennogo tselogo [“Explanation” of F. M. Dostoevsky to the commission of inquiry: the structure of the documentary-artistic whole]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2017, no. 4 (167), pp. 123–138 (in Russian).

Информация об авторе

Мурзина С. В., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Murzina S. V., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 20.02.2023; accepted for publication 25.05.2023

Формы выражения авторского сознания в детской поэзии Н. Щукина

Лидия Егоровна Сурнина

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия,
ORCID ID: 0000-0002-4189-7980, surninalida@mail.ru*

Аннотация

Литература для детей – целый пласт коми литературы, который на сегодняшний день является мало изученным. Существуют критические статьи, в которых раскрывается тематическое и образное своеобразие поэтических произведений для детей, но нет отдельных работ, в которых стихотворения коми поэтов рассматривались бы с точки зрения их субъектной организации.

Научная новизна данного исследования заключается в подходе к анализу стихотворений Н. Щукина – коми детского поэта – с точки зрения их субъектной организации. На основе анализа литературного материала установлено, что в его творчестве преобладающими формами выражения авторского сознания являются лирический герой и предметно-поэтический мир. Для детской поэзии коми поэта свойственен такой лирический герой, в котором отражается и детское, и взрослое начало, но с очевидным доминированием взрослого. Лирический герой – это человек, для которого детские впечатления становятся воспоминаниями во взрослой жизни. На то, что в стихотворениях преобладает взрослое начало, указывает временной фактор: через глаголы отражается единство настоящего с прошлым. В ходе анализа установлено, что лирический герой занимает определенное, но не преобладающее положение.

В детской поэзии Н. Щукина основной формой выражения авторского сознания становится предметно-поэтический мир. Особенностью стихотворений становится то, что поэт сосредотачивает внимание маленьких читателей на открытии простой и неброской красоты северной природы. Однако прием метафорического одушевления природных явлений, использование глаголов и звуковая оркестровка произведений создают образ живой природы, что дает возможность детям почувствовать, ощутить и услышать окружающий их мир. Поэтический мир как способ выражения авторского сознания в детской лирике Н. Щукина проявляется и в стихотворениях, основанных на художественных приемах фольклорной жанровой формы – загадки. В данных поэтических произведениях предметы даются в ярких, выразительных, но в то же время понятных детям деталях, соотносимых с его жизненным опытом в родном краю.

Ключевые слова: *Н. Щукин, коми литература, детская поэзия, лирический герой, поэтический мир, пейзаж, стихотворения-загадки*

Благодарности: Публикация выполнена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, плановая тема НИР «Коми литература: особенности художественного воссоздания картины мира».

Для цитирования: Сурнина Л. Е. Формы выражения авторского сознания в детской поэзии Н. Щукина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 4 (228). С. 136–144. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-136-144>

Forms of expression of the author's consciousness in N. Shchukin's children's poetry

Lidiya E. Surnina

Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-4189-7980, surninalida@mail.ru

Abstract

Literature for children is a whole layer of Komi literature, which is little studied today. There are critical articles that reveal the thematic and figurative originality of poetic works for children, but there are no separate works in which the poems of Komi poets would be considered from the point of view of their subject organization. The scientific novelty of this study lies in the approach to the analysis of N. Shchukin's poems from the point of view of their subjective organization. Based on the analysis of literary material, it was established that in his work the predominant forms of expression of the author's consciousness are the lyrical hero and the subject-poetic world. The Komi poet's children's poetry is characterized by such a lyrical hero, which reflects both the childish and adult beginnings, but with the obvious dominance of the adult. A lyrical hero is a person for whom childhood impressions

become memories in adulthood. The fact that the adult beginning prevails in the poems is indicated by the time factor: the unity of the present with the past is reflected through the verbs. The lyrical hero occupies a certain, but not dominant position. In N. Shchukin's children's poetry, the subject-poetic world becomes the main form of expression of the author's consciousness. A feature of the poems is that the poet in them, with the help of colors, focuses the attention of young readers on discovering the simple and discreet beauty of the northern nature. However, the use of metaphorical animation of natural phenomena, the use of verbs and the sound orchestration of works create an image of an unusual, fabulously magical wildlife, which makes it possible for children to feel, feel and hear the world around them. The poetic world as a way of expressing the author's consciousness in N. Shchukin's children's lyrics is also manifested in poems based on artistic techniques of the folklore genre form – riddles. In this poetic work, objects are given in bright, expressive, but at the same time, details understandable to children, correlated with his life experience in his native land.

Keywords: N. Shchukin, Komi literature, children's poetry, lyrical hero, poetic world, landscape, riddle poems

Acknowledgments: The publication was made as part of the implementation of the state task of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the planned research topic of "Komi literature: features of the artistic reproduction of the worldview".

For citation: Surnina L. E. Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v detskoj poezii N. Shchukina [Forms of expression of the author's consciousness in N. Shchukin's children's poetry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 4 (228), pp. 136–144 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-4-136-144>

Введение

В Коми Республике писателей, которые писали бы только для детей, нет, для них пишут почти все «взрослые» авторы. Первым из коми поэтов заботу о создании детской коми литературы проявил И. А. Куратов, создав специальный цикл произведений для детей «Козиньяс Колялы» («Подарки Коле»), состоящий в основном из переводов басен И. Крылова. В начале XX в. появляются сборники «Коми мойданкывьяс» (Коми сказки / сост. А. А. Цембер, 1913), «Коми мойдан и сылланкывьяс» (Коми сказки и песни / сост. А. А. Цембер, 1914), «Посни чой-воклы мойдан кывьяс» (Сказки маленьким сестрам и братьям / сост. А. А. Суханова 1921), первая книга для чтения после букваря «Шонди югөр» («Луч солнца», 1921). В это время в жанрах детской литературы активно работали В. А. Савин, М. Н. Лебедев, В. Т. Чисталев, В. И. Лыткин, А. А. Суханова и др. С середины прошлого столетия детская литература пополняется произведениями Г. А. Федорова, В. В. Юхнина, И. В. Вавилина, Я. М. Рочева, Н. А. Фролова, С. А. Попова, Г. А. Юшкова, А. Е. Ванеева, Ю. К. Васютова, Н. Н. Куратовой, И. Г. Торопова, А. П. Мишариной и др. А такие коми писатели и поэты, как И. В. Коданев, С. С. Раевский, Е. В. Козлова, А. И. Некрасов (Гамса) (см. об этом подробнее: [1]) стали известны как авторы исключительно для детей и юношества. К последним можно отнести и творчество Н. Щукина.

Николай Александрович Щукин (1933–2022) – член Союза писателей России, заслуженный работник Республики Коми – родился в д. Лыаты Усть-Вымского района Республики Коми. После окончания семилетки с 1948 по 1950 г. учился в ремесленном училище. Работал кочегаром на пароходах и

на электростанции Вычегодской судовой верфи. После службы в армии с 1956 по 1964 г. работал машинистом на электростанции в пос. Лесокомбинат. С 1964 г. Н. Щукин – литературный консультант Союза писателей Коми АССР, корреспондент и редактор республиканского радио (1965–1978). Заочно учился в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве (1965–1968), Ленинградской высшей партийной школе (отделение журналистики) (1972–1977). С 1978 г. – сотрудник журналов «Чушканзи» («Оса»), «Войвыв кодзув» («Северная звезда»). С 1992 г. и до выхода на пенсию в 1993 г. занимал должность ответственного секретаря в детском журнале «Би кинь» («Искорка»). Первое стихотворение «Ар» («Осень») было опубликовано в 1958 г. в журнале «Войвыв кодзув» («Северная звезда»). Первый поэтический сборник «Ме радейта» («Я люблю») – в 1965 г. С 1983 г. опубликовано несколько сборников стихов, загадок, рассказов, сказок: «Менам бипур» («Мой костер», 1983), «Азбукаа нодкывьяс» («Азбука в загадках», 1991, переизд. – 2012), «Зарни сюра көр» («Олень с золотыми рогами», 1993), «Чужан муёй-мамой» («Родимая земля-матушка», 1997), «Толка чипан» («Хитроумный цыпленок», 2003), «Шонди асыв» («Солнечное утро», 2013). В 1985 г. отдельной книгой вышла сказка в стихах «Нагай лэбач» («Птица Нагай»). В 2015 г. был издан автобиографический роман «Став олём да нелямын лун» («Вся жизнь и сорок дней»). Произведения Н. Щукина переведены на русский, марийский, удмуртский, болгарский, финский и другие языки. Сказки в стихах «Нагай лэбач» («Птица Нагай»), «Зарни сюра көр» («Олень с золотыми рогами») и «Нёрымё дядьё» («Дядя Нёрым») много лет подряд идут на сцене Национального музыкально-дра-

матического театра Республики Коми. Стихотворения поэта включены в коми учебники для начальных классов.

Данная статья обращена к анализу поэтических произведений Н. Щукина, написанных для детей. Предметом исследования стали стихотворения, в основу которых положены такие формы выражения авторского сознания, как лирический герой и поэтический мир. В национальном литературоведении творчество поэта не является предметом специального исследования, существуют критические статьи, в которых даны биографические сведения и частично проанализированы произведения Н. Щукина с точки зрения тематики и образной системы стихотворений [2–4]. Новизна статьи состоит в том, что в основу литературоведческого анализа положен метод системного анализа лирического текста. Отмечая специфику представленного исследования, обратим внимание на то, что особенности рассмотрения субъектного строя стихотворных текстов выработались на материале наблюдений за лирикой классической [5–8] и др.

Материал и методы

Материалом исследования послужили поэтические произведения Н. Щукина, опубликованные в сборниках «*Чужан муёй-мамёй*» («Родная земля-матушка») [9] и «*Тёлка читан*» («Хитроумный цыпленок») [10]. Методологической основой статьи послужил системно-субъектный метод анализа художественного произведения. Кроме этого метода, выдвинутого в качестве основного, нами используется метод целостного анализа художественного текста. Большое значение для нас имел и традиционный в литературоведении структурно-семантический подход, выявляющий функцию конкретных поэтических средств в формировании поэтической идеи произведений.

Результаты и обсуждение

Литература для детей – направление в коми литературе, которое на сегодняшний день является практически не изученным. Существуют исследования, в которых раскрывается тематическое и образное своеобразие поэтических произведений для детей, но нет отдельных работ, в которых стихотворения коми поэтов рассматривались бы с точки зрения их субъектной организации. Детская литература в национальном литературоведении в основном исследуется сквозь призму возникновение и формирования, анализируется жанрово-тематическое многообразие и художественно-образное богатство произведений [11–16]. Между тем в современной филологической науке все активнее ставится вопрос целостности идейно-содержательного и художественно-формального анализа лите-

ратурных произведений, что предполагает обращение к понятиям «автор», «авторская позиция», изучение форм и способов выражения авторского сознания в тексте.

Задача детского писателя – спуститься до уровня детского восприятия, но не останавливаться там, а захватить внимание маленького читателя, умело показать явление полностью, но только с тех сторон, которые доступны возрасту [17]. Поэтому, обращаясь к анализу лирики для детей, нельзя не учитывать того, что автором ее является взрослый человек, и для него «есть два пути, чтобы установить контакт с ребенком. Первый – оставаясь взрослым, говорить с ним доверчиво и откровенно. Второй – самому, вспомнив детство, постараться превратиться в ребенка» (цит. по: [18, с. 29]):

<i>Триньгис часі –</i>	Зазвенел будильник –
<i>Асывводз.</i>	Ранним утром.
<i>Абу сёр и абу водз.</i>	И не поздно, и не рано.
<i>Чечча, чуксавны оз ков,</i>	Встану, будить не надо,
<i>Мед дыш руньён</i>	Чтоб лентяем
<i>Ме ог ло...</i>	Я не прослыл...
<i>Велёдчысь ме</i>	Ученик я
<i>Абу лёк: А, Б, В, Г, Д –</i>	Неплохой – А, Б, В, Г, Д –
<i>Школаё кётъ</i>	Ну хоть в школу
<i>Мёдддд!</i>	Отправляй!
<i>«Асья сыланкыв»</i>	«Утренняя песня»
[10, с. 85–86]	(Здесь и далее подстрочный перевод стихотворений Н. Щукина выполнен автором статьи. – Л. С.)

Говорящий в данном стихотворении достаточно открыто выражает себя, о чем свидетельствует употребление личного и определительного местоимений (*ме* – я, *менё* – меня; *ачым* – сам), глагольных форм 1-го лица единственного числа (*чечча* – встану; *ог ло* – не буду; *ог кёсий* – не хочу; *тёда* – знаю) и существительного с притяжательным суффиксом *-ёй* (*мамёй* – моя мама). В стихотворении содержится и указание на примерный возраст субъекта лирического переживания: *менё виччысьё детсад* (ждет меня детский сад). Интонационно-синтаксический строй текста также помогает передать эмоциональное пробуждение маленького героя: короткие стихотворные строки указывают не только на точный распорядок самостоятельных действий, но и их быструю смену (зазвенел будильник, встану, умоюсь, оденусь, завтракать некогда). Однако лексико-семантический строй стихотворения близок к речи взрослого человека: несвойственные детской лексике звукоподражательное слово *триньгис* (букв. перевод: дзинь) и речевые обороты *абу сёр* и *абу водз* (дословный перевод: и не поздно, и не рано), *дыш рунь* (лентяй); легкая ирония по отношению к знаниям дошколь-

ника *школао коть мёддод!* (ну хоть в школу отправляй). Таким образом, с одной стороны, стихотворение проявляет логику ребенка, его способ мышления, его радости и страхи, которые выражаются через интонацию быстрого перечисления утренних действий, чтобы не опоздать в детский сад. С другой стороны, это взгляд на событие взрослого человека, с иронией наблюдающего за маленьким ребенком или вспоминающего события из своего детства.

«„Память“ детства – это не только кладовая детских впечатлений, она одновременно один из импульсов нынешнего мироощущения поэта» [18, с. 30]. Исследователи отмечают, что структура образа лирического героя стихотворений, где ярко звучит память детства, обладает определенной двойственностью, которая проявляется в сочетании «детского» и «взрослого» начал [18, с. 32]. Для детской поэзии Н. Щукина свойственен лирический герой, в котором отражается и детское, и взрослое начало, но с очевидным доминированием взрослого:

<i>Енэж ме весьтын лоз – пом ни дор, Тодса ордым тан чуксалё ылё. Татчос вёр-васё аддзывны рад, Рад и тэныд тиётти, кузь ныра истан. Меным кажитчө: тöрыт на дзик Шуда челядьдыр котравлис татчө, Ыджыд бишур тан ломзьёдлим ми, Весиг пöимсö öни на аддза. Паськыд коз, көни пукавлім пыр, Век на öнөдз со сулалё тані. «Ордым» [9, с. 7–8]</i>	Небо надо мной синее – бескрайнее, Знакомая тропинка призывает вдаль. Здесь леса и реки я видеть рад, Рад и тебе, длинноносый кулик. Мне кажется: только вчера Счастливое детство сюда прибегало, Большой костер мы здесь разжигали, Даже золу как будто всё еще вижу. Раскидистая ель, где мы когда-то сидели, Всё еще здесь стоит. «Тропинка»
--	---

Как видим, лирический герой стихотворения предстает перед нами человеком, для которого детские впечатления становятся воспоминаниями во взрослой жизни. Мир детства воссоздается максимально наглядно и четко, через конкретные и предметные образы: *ордым* (тропинка), *пув да тиак* (брусника и грибы), *кыдз пу* (береза), *туис* (туесок), *чöскыд сэтöр* (вкусная смородина), *оз* (земляника), *ичöt чой-вок* (маленькие братья и сестры), *бишур* (костер), *пашкыр коз* (раскидистая ель). Память возвращает лирического героя в прошлое: *тöдса ордым тан чуксалё ылё* (знакомая тропинка призывает вдаль). Тема времени реализу-

ется и с помощью глагольных форм: *чуксалё* – призывает (наст. вр.), *аддзывны рад* – видеть рад (наст. вр.), *кажитчө* – кажется (наст. вр.); *котравлис* – прибежал (прош. вр.), *ломзьёдлим* – разжигали (прош. вр.), *пукавлім* – (когда-то) сидели (прош. вр.). Через глаголы отражается единство настоящего с прошлым: *весиг пöимсö öни на аддза* (даже золу как будто всё еще вижу), *паськыд коз век на öнөдз со сулалё тані* (раскидистая ель всё еще здесь стоит). А эпизод детской жизни – знакомая осенняя тропинка – получает в стихотворении глубокое осмысление:

<i>Тайö ордымыс – олöмас туй – Менам вёлöма медводдза туйöн. Көть и ас муысь ылё эз ну, Ассьым шудлунöс тані ме суи. «Ордым» [9, с. 7–8]</i>	Эта тропинка – жизненный путь – Оказалась моей первой дорогой. Хоть и с родных краев далеко не увела, Но свое счастье я здесь познал. «Тропинка»
--	--

Таким образом, в поэтическом произведении проявляется взрослое понимание жизни: именно с детства для каждого человека родной край является тем местом, где он чувствует себя нужным и поэтому счастливым.

Лирический герой во многих поэтических произведениях для детей Н. Щукина – это взрослый человек, живущий памятью детства. О том, что в стихотворениях на первый план выступает взрослое начало, свидетельствует, как уже отмечалось выше, временной фактор:

<i>Вöвліны вöвьяс, Вöвліны чождьсь. Вöчлісны зэв уна удж. Накөд ме ичötсянь Зэв уна гожём Эг öмöй челядьдыр вудж? «Вöвьяс» [9, с. 11–12]</i>	Были лошади, Были быстрые. Делали много работ. С ними я с детства Каждое лето Не перешел разве своего детства? «Лошади»
--	---

Сигналами памяти детства в данном стихотворении становится повторение глаголов прошедшего времени – *вöвліны* (были), *вöчлісны* (делали). Поэтому основным лирическим сюжетом становятся события прошедшего много лет назад: каждый сельский мальчишка в своем детстве работал в совхозе на сенокосах, пастбищах, в полях, и всю работу выполняли преимущественно на лошадях. В детстве уход за лошадьми и работа с ними казались ребятам одним удовольствием (*вöвьяс, ті век лойй чождьсь, гажөдöй сөдз челядьдыр* – лошади, будьте всегда быстрыми, радуйте счастливое детство), и только взрослый человек эти воспоминания может оценить с точки зрения тяжелой физической работы:

Накөд ме ичөтсьянь С ними я с детства
Кынөмпөт перйывл пыр. Добывал пропитание.
«Вөвьяс» [9, с. 11–12] «Лошади»

Таким образом, лирический герой Н. Щукина в поэзии для детей – это человек, для которого детские впечатления становятся воспоминаниями во взрослой жизни. На преобладание в стихотворениях взрослого начала указывает временной фактор: через глаголы отражается единство настоящего с прошлым.

В ходе проведенного анализа было установлено, что в лирике Н. Щукина для детей лирический герой занимает определенное, но не доминирующее положение. Одной из основных форм выражения авторского сознания в детской поэзии коми поэта становится предметно-поэтический мир. Субъект речи в лирических произведениях такого рода, как правило, не обозначен столько ясно и четко, как в первом случае. Основным становится не субъект высказывания, его мысли и чувства, а предметно-поэтический мир, который существует как бы вне автора. Появление такой формы, как поэтический мир, в лирике для детей связано прежде всего с особенностями детского мировосприятия, особым даром ребенка одушевлять, оживлять окружающий мир:

Писькөдчөны шорьяс Пробиваются ручьи
Эжва-мамыс динө К своей матери – Вычегде.
«Тулыс» [9, с. 19] «Весна»

Отличительной чертой стихотворений Н. Щукина становится то, что поэт сосредотачивает внимание маленьких читателей на открытии простой и неброской красоты северной природы, которую он видит в «көдзыд крут, көдзыд яр» (лютых морозах), «рудов енэж» (серых облаках), «сьөдасис сиктъясса туйяслөн вөнныс» (потемневших сельских тропинках), «кок улын лымйыс дзуртө» («говорливых» снежинках, которые скрипят под ногами), «шондйөн ворсө февраль» (феврале, играющем с лучами солнца), «вөрлөн төвсья паськөм» (зимней одежде лесных просторов) [10, с. 71–72], «гожөм коли – эг и төдлөй» (коротком северном лете) [10, с. 70], «дзольгө-варовитө шор» (быстро бегущих весенних ручьях) [10, с. 51], «зарни сир» (золотой смоле) [9, с. 19], «гөрдөдис пельсь» (раскрасневшейся рябине), «зарни» (золотой листе) [9, с. 20]. Цветовая гамма пейзажной лирики Н. Щукина – это преимущественно белая, прозрачно-серебристая, пасмурно-облачная, сероватая, разноцветная, красная, золотая:

Гөрдөдис пельсь, Раскраснелась рябина,
Рудөдис ю. Посерела река.
Кисьмыштөм төлысь Налившаяся луна
Нинөм оз иу. Ничего не говорит.
Татишөм лөнь войö В такую тихую ночь

Гажтөмтчө видз. Грустят луга.
Кузов тыр зарни Целый кузов золота
Нопъялис ар. Осень взвалила на плечи.
«Ар» [9, с. 20] «Осень»

Главным образом это характерно для стихотворений, посвященных временам года, в которых открылись живые картины яркой осени, величавой зимы, звенящих ручьев и капли весны и скромного очарования северного лета:

Еджыд лым тола кодь Совсем как белые снежные
нач сугробы
Енежас кык кымөр. В небе два облака.
Лежнөг улын сьөблаоз Поленика под шиповником
Польдөма гөрд Набухла своей красной
вирнас. кровью.
Кадьсь водзджык Раньше времени поседев-
дзормөм коз шая ель
Мысьсө зарни сирнас. Моется золотой смолой
«Гожсья лун» [9, с. 19] «Летним днем»

В пейзажной лирике поэт активно использует прием метафорического одушевления природных явлений, с помощью которого стремится научить детей ощущать и понимать мир живой природы, чувствовать ее:

Быд керка юрын еджыд На каждом доме белые
чышьяньяс. платочки.
Зэв мича сикөтшиа Каждое дерево с
быд пу. красивыми бусами.
Көдзыд локтө – Мороз идет – трутш-
трутшикө-тратшикө, тратш (звукподр.),
Ропкьсь айка кодь Совсем как ворчливый
жө нач. свёкор.
«Төвсья рөмьяс» [9, 20–21] «Зимние цвета»

Стихотворения Н. Щукина построены преимущественно на глаголах, в результате чего природа открывается как часть самостоятельного мира, живущего по своим правилам. И если в стихотворениях с лирическим героем глаголы передают единство прошлого и настоящего, то в стихотворениях, где основной формой выражения авторского сознания является предметно-поэтический мир, глаголы создают образ быстро меняющейся природы. Маленький читатель зримо наблюдает представление, которое совершается в мире природы. А за счет продуманной композиции поэтические произведения характеризуются присутствием сюжетного элемента. И поэтому они особенно интересны детям, так как дают представление об окружающем ребенка мире в занимательной форме. Так, например, в стихотворении «Вөр-ва садьман кад» («Время пробуждения природы») девушка-весна моет лесные просторы, приносит первый весенний гром, сосна радуется от пробуждения, раскидистая ель никак не утихает, а береза угощает всех своим соком [10, с. 49]; в других – весенний ручей так

сильно работает-журчит, что пар идет («Тувсов шор» [10, с. 51] – «Весенний ручей»); каждый листочек в лесу внимательно прислушивается к шороху («Ордым» [9, с. 7] – «Тропинка»), а солнце лениво собирает сияющую росу из-под ног («Арся вёрын» [9, с. 14] – «В осеннем лесу»).

В каждом времени года Н. Щукин подмечает такие тонкие моменты, которые характеризуют особенности родной земли и открывают для детей тайны природы, показывая при этом непрерывное изменение окружающего мира. А образно-звуковой ряд стихотворений помогает маленькому читателю ощутить и услышать, например, весеннюю капель, треск льдины, падение сосулек:

Тён-тён, –	Тёп-тёп (звукоподр.), –
Войтва гёгөр тёнкө.	Капает везде капель.
Шонди шонтё,	Солнце греет,
Дзольгё шор.	Журчит ручей.
Чик-чик, –	Чик-чик (звукоподр.), –
Сырчик вёсни	Трясогузка тонкими
кокнас	лапками
Жуглө йиа	Разламывает лед
Берег дор.	На берегу.
Йинёнъ уси:	Сосулька упала:
Гиля-голя,	Гиля-голя (звукоподр.),
Вот и төвлы	Вот и зиме
Воис пом.	Пришел конец.
«Көдзыд төвлы воис	«Холодной зиме пришел
төв» [9, с. 21–22]	конец»

Н. Щукин создает зримую картину весенней природы, а звуковая оркестровка (не только звукоподражательные слова, но и аллитерация г-г-к-г-к-к-к-г-г-г-г, ш-ш-ш-ж, т-т-д-т-д-т, ассонанс ё-ё-ё-ё-ё-ё-о-ё-ё-о-о-ё) передает ощущение пробуждения, хорошего настроения, радости, света.

Предметно-поэтический мир пейзажной лирики Н. Щукина воссоздается через образы времен года. Весна раскрывается образами ручья, капели: «тувсов шоръяс быд юысь кыпөдлөны йи» (весенние ручьи поднимают лед в каждой реке; «Тувсов шор» – «Весенний ручей» [9, с. 14]), «тэрыб эзысь войтва», «лымйис чинё, чинё» (быстрая серебристая капель, снег убывает и убывает; «Тулус» – «Весна» [9, с. 19], «дзольгё-варовитё шор» (журчит-щебечет ручей; «Кузнеч» – «Кузнец» [9, с. 14]). Лето – это «шонди аслыпөлөс мич», «шы ни төв, ни шыч ни рач» (солнце своеобразно красиво; тихо, бесшумно, беззвучно; «Гожся лун» – «Летний день» [9, с. 19]). Зима ассоциируется с образами «еджыд чышангяс быд керка юрын», «зэв мича сикөтша быд пу», «бушколыс гартчис и лөннис» (на каждом доме белые платочки, каждое дерево с красивыми бусами, буря покружила и затихла; «Төвся рөмгяс» – «Зимние цвета» [9, с. 20–21]). Приметы осени – «вёрыслөн турунвиж чышгян кельдөдны пондис», «кымөргяс уйёны чёла» (зеленый платок

леса начал блекнуть, облака бродят тихо; «Арся вёрын» – «В осеннем лесу» [9, с. 14–15]), «гөрдөдис пельсь», «рудөдис ю» (раскраснелась рябина, поседела; «Ар» – «Осень» [9, с. 20]), «пасьталёма вёрыс уна рёма выль дөрём» (лес надел новую рубашку в разные цвета; «Вёрыс козьналё выль мөйд» – «Лес дарит новую сказку» [9, с. 8]). Таким образом, Н. Щукин смог просто и вместе с тем убедительно показать маленьким читателям чувство любви к неброским и суровым родным просторам, каждый раз отмечая, что родной край прекрасен своей неповторимой и непередаваемой красотой.

Поэтический мир как способ выражения авторского сознания в детской лирике поэта проявляется и в стихотворениях, в которых он использует художественные приемы такой фольклорной жанровой формы, как загадка. Исследователи отмечают, что загадки сыграли немаловажную роль для детской поэзии, став самостоятельным видом детского стиха [19, с. 58–59]. Внешне простой и легкий жанр требует от поэта не только наблюдательности, умения подмечать главное, характерное, примечательное в окружающем мире, но и безошибочно, безукоризненно точно и поэтически образно запечатлеть увиденное в слове [20, с. 212]:

Откодъ сылөн гуг	С двух сторон он одина-
и бан,	ков,
Шысё сетлө сэн	Звуки отдаёт и здесь, и
и тан.	там.
– Бум да бум, тара-	– Бум-бум, тара-
рам. –	рам. –
Ворсанторйыс...	Это игрушка... (барабан)
(Барабан) [10, с. 6]	

Загадка как нельзя лучше соответствует задаче создания предметного, зримого, реально осязаемого образа. А поэтизация окружающих ребенка предметов и вещей помогает ему увидеть этот мир с новой, неизвестной и загадочной стороны [19, с. 60]:

Зэрём бёрын	После дождя до гори-
енэжтасөдз	зонта
Өшйө джынья мича	Повиснет половинча-
асык.	тый красивый обруч.
Сизим рёма ыджыд	Большим в семь цветов
көшён	ковшом
Васё юё... (Ошкамёшка)	Воду пьет... (радуга)
[10, с. 10]	

Стихотворения-загадки Н. Щукина расположены по тематическим разделам: «азбука нөдкывгяс» (азбука в загадках), «лыдпаса нөдкывгяс» (цифры в загадках), «кывбураа задачаяс» (задачи в стихах), «мыйён озыр мян вөр?» (чем богат наш лес?), «төдан-ө тэ вөрса пөткаясөс» (знаешь ли ты птиц), «төдан-ө чериясөс» (знаешь ли рыб), «гортса пемөсыяс» (домашние животные), «мый быдмө град йёрын?» (что растет в огороде?). В ка-

честве подсказки поэт использует рифму: загадка специально оказывается структурно не оконченной. Ее незавершенность связана с синтаксическим и ритмическим оформлением, с пропуском рифмы. И, следовательно, завершенность образуется при отыскивании слова-отгадки:

Овлö еджыд, гöрд и сьöд, Бывает белая, красная и черная,
Код нö вотöссö оз тöд? Кто ж ягоду эту не знает?
Видзöдлан да, вежыд петö, Посмотришь, и аж слюни текут,
Тайö, дерт жö, юмов... (сэтöр) И это, конечно же, ... (смородина)
 [10, с. 20]

Предметы даются в ярких, выразительных и в то же время понятных маленькому читателю деталях, соотносимых с его жизненным опытом в родном краю:

Пашкыр козыйд зэв жö лышкыд, Раскидистая ель очень уж щедрa,
Видзö сийö лэбач поз. Оберегает она птичье гнездо.
Лым кор сылас, пыр нин мыччö: А когда снег растает, тотчас протягивает:
– Сэй пö чöскыд ... (коляоз) – Ешь, говорит, вкусную ... (северюху)
 [10, с. 19]

Стихотворения-загадки коми поэта развивают не только фантазию и творческое мышление, но и несут занимательную информацию об окружающем мире, так как ребенок получает знания о внешнем виде животных и об их повадках:

Рака рöд, но абу рака, Из рода воронов, но не ворона,
Гöныс сьöд дзык, пачын са кодь, Оперение совсем черное, словно с печки,
Нырыс лэчыд и зэв кузь... Клюв острый и очень длинный...
Сийö любöй мортысь сюсь... Он любого человека умнее...
Пöткаыслöн нимыс... (кырныш) И как зовут эту птицу... (ворон)
 [10, с. 24]

В творчестве Н. Щукина в основном преобладают загадки-описания, в которых представлены характерные черты загадываемого предмета. И, чтобы найти ответ-отгадку, маленькому читателю необходимо уметь сопоставлять жизненные явления на основе их родства или подобия за определенными признаками, свойствами и характеристиками.

Заключение

Таким образом, на основе анализа литературного материала установлено, что в творчестве Н. Щукина основными формами выражения авторского сознания являются лирический герой и предметно-поэтический мир. Для детской поэзии коми поэта свойственен такой лирический герой, в котором отражается и детское, и взрослое начало, но с очевидным доминированием взрослого. Лирический герой – это человек, для которого детские впечатления становятся воспоминаниями во взрослой жизни. На то, что в стихотворениях преобладает взрослое начало, указывает временной фактор: через глаголы отражается единство настоящего с прошлым. Лирический герой занимает определенное, но не доминирующее положение. В детской поэзии Н. Щукина основной формой выражения авторского сознания становится предметно-поэтический мир. Особенностью стихотворений становится то, что поэт сосредотачивает внимание маленьких читателей на открытии простой и неброской красоты северной природы. Однако прием метафорического одушевления природных явлений, использование глаголов и звуковая оркестровка произведений создают образ необычной, сказочно-волшебной живой природы, что дает возможность детям почувствовать, ощутить и услышать окружающий их мир. Поэтический мир как способ выражения авторского сознания в детской лирике Н. Щукина проявляется и в стихотворениях, основанных на художественных приемах фольклорной жанровой формы – загадки. В данных поэтических произведениях предметы даются в ярких, выразительных, но в то же время понятных детям деталях, соотносимых с их жизненным опытом в родном краю.

Список источников

1. Сурнина Л. Е. Поэтический мир как способ выражения авторского сознания в детской лирике А. И. Некрасова (Гамса) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 319–327.
2. Мартынов В. И. Щукин Николай Александрович // Литераторы земли Коми: библиографический словарь-справочник. Сыктывкар: Эском, 2000. С. 218.
3. Зиявадинова О. С. Щукин Николай Александрович // Писатели Коми: библиографический словарь: в 2 т. Т. 2: М–Я. Сыктывкар: Кировская обл. типография, 2022. С. 799–801.
4. Рочева С. Н. Щукин Николай Александрович // Литература Коми: словарь школьника. Сыктывкар: Седьмая печать, 2007. С. 322–325.
5. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества: сборник избранных трудов. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.

6. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стиля. М.: Художественная литература, 1961. 614 с.
7. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 408 с.
8. Корман Б. О. Лирика Некрасова. Ижевск: Удмуртия, 1978. 229 с.
9. Шукин Н. А. Чужан муёй-мамёй: кывбурьяс, нёдкывьяс, висьяс, легенда-мойд [Родная земля-матушка: стихи, загадки, рассказы, легенда-сказка]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. 72 с.
10. Шукин Н. А. Тёлка чипан: нёдкывьяс, кывбурьяс, висьяс, мойдьяс [Хитроумный цыпленок: загадки, стихи, рассказы, сказки]. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 190 с.
11. Рочев Ю. Г. Детская литература // История коми литературы: в 3 т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. Т. 2. С. 149–156.
12. Югов С. А. Становление и развитие коми детской литературы: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1996. 164 с.
13. Рыбаков И. Я. Удмуртская детская литература эпохи «оттепели» // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сборник статей. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2020. С. 161–163.
14. Долгих Т. Д. Современная пермская детская литература // В измерении детства: сб. статей. Пермь: От и До, 2008. С. 225–232.
15. Федорова С. Ю. Становление и развитие марийской детской литературы в 20–30-е гг. XX в. // Богатство финно-угорских народов: сб. статей. Вып. 4. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2017. С. 169–171.
16. Шеянова С. В., Левина Н. Н. История мордовской литературы: уч. пособие. Саранск, 2012. 164 с.
17. Малишевский М. О поэзии для детей // Детские чтения. 2020. Т. 18, № 2. С. 68–89.
18. Зайцева Н. В. Образ автора в лирике для детей. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуман.-пед. ун-т, 2007. 178 с.
19. Лойтер С. М. Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 216 с.
20. Бритаева А. Б. Особенности поэтического мира М. Хозиева // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2020. № 24. С. 206–214.

References

1. Surnina L. E. Poeticheskiy mir kak sposob vyrazheniya avtorskogo soznaniya v detskoj lirike A. I. Nekrasova (Gamsa) [Poetic world as a way of expression of the author's consciousness in the children's lyrics of A. I. Nekrasov (Gamsa)]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 319–327 (in Russian).
2. Martynov V. I. Shchukin Nikolay Aleksandrovich [Shchukin Nikolai Aleksandrovich]. *Literatory zemli Komi: biobibliograficheskiy slovar'-spravochnik* [Writers of the Komi Land: a bio-bibliographic dictionary-reference book]. Syktyvkar, Eskom Publ., 2000. Pp. 218 (in Russian).
3. Ziyavadinova O. S. Shchukin Nikolay Aleksandrovich [Shchukin Nikolai Alexandrovich]. *Pisateli Komi: biobibliograficheskiy slovar': v 2 tomakh. Tom 2: M–Ya* [Writers of Komi: bio-bibliographic dictionary: in 2 vols. Vol. 2: M–Ya]. Syktyvkar, Kirovskaya oblastnaya tipografiya Publ., 2022. Pp. 799–801 (in Russian).
4. Rocheva S. N. Shchukin Nikolay Aleksandrovich [Schukin Nikolai Alexandrovich]. *Literatura Komi: slovar' shkol'nika* [Komi Literature: Dictionary of a Schoolchild]. Syktyvkar, Sed'maya pechat' Publ., 2007. Pp. 322–325 (in Russian).
5. Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti [Author and hero in aesthetic activity]. *Estetika slovesnogo tvorchestva: sbornik izbrannykh trudov* [Aesthetics of verbal creativity: a collection of selected works]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. Pp. 7–180 (in Russian).
6. Vinogradov V. V. *Problema avtorstva i teoriya stilya* [The problem of authorship and the theory of style]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1961. 614 p. (in Russian).
7. Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About lyrics]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1974. 408 p. (in Russian).
8. Korman B. O. *Lirika Nekrasova* [Lyrics of Nekrasov]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1978. 229 p. (in Russian).
9. Shchukin N. A. *Chuzhan muöy-mamöy: kyvbur'yas, nödkyv'yas, vis'iyas, legenda-moyd* [Rodnaya zemlya-matushka: stikhi, zagadki, rassказы, legenda-skazka] [Native mother earth: poems, riddles, stories, fairy tale legend]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1997. 72 p. (in Russian).
10. Shchukin N. A. *Tölka chipan: nödkyv'yas, kyvbur'yas, vis'iyas, moyd'yas* [Khitroumnyy tsyplonok: zagadki, stikhi, rassказы, skazki] [Cunning chicken: riddles, poems, stories, fairy tales]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2003. 190 p. (in Russian).
11. Rochev Yu. G. Detskaya literatura [Children's literature]. *Istoriya komi literatury. V 3 tomakh. Tom 2* [History of Komi literature. In 3 vol. Vol. 2]. Syktyvkar, Komi knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1980. Pp. 149–156 (in Russian).
12. Yugov S. A. *Stanovleniye i razvitiye komi detskoj literatury. Dis. kand. filol. nauk* [Formation and development of Komi children's literature. Diss. cand. philol. sci.]. Syktyvkar, 1996. 164 p. (in Russian).
13. Rybakov I. Ya. Udmurtskaya detskaya literatura epokhi "ottepeli" [Udmurt children's literature of the "thaw" era]. *Problemy mariyskoy i sravnitel'noy filologii. Sbornik statey* [Problems of Mari and Comparative Philology. Digest of articles]. Yoshkar-Ola: MarSU Publ., 2020. Pp. 161–163 (in Russian).
14. Dolgikh T. D. Sovremennaya permskaya detskaya literatura [Modern Perm children's literature]. *V izmerenii detstva: sbornik statey* [In the dimension of childhood. Digest of articles]. Perm, Ot i Do Publ., 2008. Pp. 225–232 (in Russian).

15. Fedorova S. Yu. Stanovleniye i razvitiye mariyskoy detskoy literatury v 20–30-ye gg. XX v. [Formation and development of Mari children's literature in the 20–30s. 20th century]. *Bogatstvo finno-ugorskiikh narodov: sbornik statey. Vypusk 4* [Wealth of the Finno-Ugric peoples. Digest of articles. Issue 4]. Yoshkar-Ola, MarSU Publ., 2017. Pp. 169–171 (in Russian).
16. Sheyanova S. V., Levina N. N. *Istoriya mordovskoy literatury: uchebnoye posobiye* [History of Mordovian Literature: tutorial]. Saransk, 2012. 164 p. (in Russian).
17. Malishevskiy M. O poezii dlya detey [About poetry for children]. *Detskiye chteniya – Children's Readings*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 68–89 (in Russian).
18. Zaytseva N. V. *Obraz avtora v lirike dlya detey* [The image of the author in the lyrics for children]. Komsomol'sk-na-Amure, Amur State University of Humanities and Pedagogy Publ., 2007. 178 p. (in Russian).
19. Loyter S. M. *Poetika detskogo stikha v yeyo otnoshenii k detskomu fol'kloru* [Poetics of children's verse in its relation to children's folklore]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2005. 216 p. (in Russian).
20. Britayeva A. B. Osobennosti poeticheskogo mira M. Khoziyeva [Features of the poetic world of M. Khozиеv]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh – Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research*, 2020, no. 24, pp. 206–214 (in Russian).

Информация об авторе

Сурнина Л. Е., кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Коми Республика, Россия, 167982).

Information about the author

Surnina L. E., Candidate of Philological Sciences, Researcher, Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation, 167982).

Статья поступила в редакцию 22.03.2023; принята к публикации 25.05.2023

The article was submitted 22.03.2023; accepted for publication 25.05.2023

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

Издательство *ТНУ*